ISSN 1998-6785

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2018 *№ 1*

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 1 (44)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

Тема номера: Детство в региональном измерении: поиск новых методов и технологий

От редактора рубрики **5**

Замараева З.П., Воронова К.А., Телегина Г.А. Социальная безопасность детства в регионе: ресурсно-потенциальный подход **7**

Макеева С.Б. Отражение проблем семьи, материнства, и детства в социальной рекламе Китая (регионоведческий аспект) **19**

Высоцкая А.В. Система среднего общего образования в российских регионах: построение имитационной модели **30**

Абросимова Е.Е. Детский видеоблогинг в Приморском крае: региональные особенности и проблемы **38**

Яровая В.Е. Детские сетевые магазины Приморского края: региональные особенности и возможности для потребительской социализации **45**

Историческое регионоведение

Шевский Д.С. Закономерности диффузии инноваций в Китае с древнейших времен до XVIII в. **53**

Гельман Е.Н. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней **60**

Бостан К.А., Кузнецов А.М. Идея "фронтира": выгодное приобретение или опасный "фантом"? **73**

Землянский В.Л. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в Приморской области **85**

Ляпустин С.Н. Таможенные крейсеры и таможенное крейсерство в борьбе с контрабандой на Дальнем Востоке России в первой четверти XX в. **92**

Гайкин В.А. "Коллективизация" в Маньчжоу-го **99**

Крушанова Л.А. Взяточничество на Дальнем Востоке СССР в 1945–1991 гг. **105**

Экономика и природопользование

Прищепа Е.В., Кочеткова Е.Н. Тенденции развития и проблемы предпринимательской деятельности в Республике Хакасия **116**

Владивосток
2018

Социальные и демографические структуры

Гонина Н.В. Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. **125**

Культурные и идеологические факторы регионализации

Кормазина О.П., Рубан Д.А. Лингвокультурные особенности регионов в контексте развития туризма **136**

Мировая система и международные регионы

Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила" **145**

Аналитические центры АТР

Журбей Е.В. "Мозговые центры" и внешнеполитический процесс Таиланда: современное состояние и перспективы (часть 2) **155**

Науковедение

Иванова С.В. Наука в Приморском крае: анализ и прогноз **164**

Научная жизнь

Латушко Ю.В. Островная антропология: новый старт **173**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), Я.А. Барбенко, В.А. Бурлаков, А.В. Винокурова, Г. Кристофферсен, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, В.Н. Караман, А.А. Киреев, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, М.М. Лебедева, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, Н.П. Рыжова, С.В. Севастьянов, А.Г. Филипова, О.И. Шестак, Шин Беом-Шик, Сасаки Широ, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: http://www.ojkum.ru
E-mail: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман
Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.
Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 1 (44)

scientific-theoretical journal

Issued 4 times a year

Founded in 2006

THE THEME: THE CHILDHOOD IN REGIONAL MEASUREMENT: SEARCH OF NEW METHODS AND TECHNOLOGIES

From the editor of the heading **5**

Zamaraeva Z.P., Voronova K.A., Telegina G.A. Social security of childhood in the region: resource-potential approach **7**

Makeeva S.B. Reflection of problems of family, motherhood and childhood in social advertising in China (regional studies aspect) **19**

Vysockaya A.V. The system of secondary general education in the Russian regions: the construction of a simulation model **30**

Abrosimova E.E. Children's video blogging on Primorye territory: regional features and problems **38**

Yarovaya V.E. Children's network stores in Primorsky territory: regional features and opportunities for consumer socialization **45**

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

Shevskij D.S. The regularities of diffusion of innovation in China: from ancient times to the eighteenth century **53**

Gel'man E.N. Bohai walled town in Russia history: from Archimandrite Palladius to present days **60**

Bostan K.A., Kuznetsov A.M. The idea of "frontier": a profitable acquisition or a dangerous "phantom"? **73**

Zemlyanskij V.L. Election of the All-Russian Constituent Assembly in the Primorye region **85**

Lyapustin S.N. Customs Cruisers and Customs Cruising in the Fight against Smuggling in the Far East of Russia in the First Quarter of the XX century **92**

Gajkin V.A. "Collectivization" in Manchzhougo **99**

Krushanova L.A. Bribery in the Far East of the USSR in 1945–1991 ..... **105**

ECONOMY AND NATURE

Prishhepa E.V., Kochetkova E.N. Development trends and problems of entrepreneurial activity in the Republic of Khakassia in 2009–2015 ..... **116**

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Gonina N.V. Characteristic features of migratory processes and their role in an urbanization of the Angaro-Eniseysky region in the second half of the 1950s – the beginning of the 1980s **125**

Vladivostok
2018

Cultural and ideological factors of regionalization

Kormazina O.P., Ruban D.A. Linguocultural aspect of regions in the context of tourism development (by example of the Primorye Region) **136**

World System and International Regions

Rustamova L.R. The mechanism of "soft power" implementation and the limits of its use **145**

The Analytical Centres of APR

Zhurbey E.V. "Think tanks" and the foreign policy process in Thailand: current status and prospects (part 2) ... **155**

Science

Ivanova S.V. Science in the Primorye region: analysis and forecast **164**

Scientific Life

Latushko Yu.V. Island Anthropology: a New Start **173**

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), Ya.A. Barbenko, V.A. Burlakov, A.V. Vinokurova, G. Christoffersen, M.G. Ganopolskij, A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin, V.N. Karaman, A.A. Kireev, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, M.M. Lebedeva, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, N.P. Ryzhova, S.V. Sevastyanov, A.G. Filipova, O.I. Shestak, Beom-Shik Shin, Shiro Sasaki, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher education "Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: http://www. ojkum.ru
E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman
Graphic registration: J.A. Barbenko, V.N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.
Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.
Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Современные исследователи констатируют существование многообразных миров детства, апеллируя к таким факторам дифференциации, как гендер, раса, семья, сообщество, регион. Российское детство испытывает на себе сильное воздействие особенностей места проживания как совокупности природно-климатических, территориально-поселенческих, социально-экономических и других условий.

Региональный анализ становится инструментом исследования социального потенциала детства как совокупности ресурсов, резервов и возможностей детей, проживающих на территории какого-либо региона (например, субъекта РФ). На детство в регионах влияет комплекс внешних и внутренних факторов. Итогом действия этих факторов, разных по силе и направленности своего воздействия, выступают качество детства в области здоровья, образования и духовно-нравственного развития, а также формирование необходимого набора стартовых ресурсов для выхода во взрослую жизнь.

Чтобы регионально измерить детство, нужно выделить общие и специфические признаки, присущие детству определённого региона в сравнении с другими регионами. В зарубежной социальной науке принято сравнивать детство Севера с детством Юга. Российские исследователи чаще всего рассматривают региональные особенности детства на примере конкретных субъектов РФ, иногда прибегая к межрегиональным, реже межстрановым сравнениям.

Процессы сбора, обработки и анализа информации о детстве в российских регионах сопряжены с рядом проблем. Первая проблема, с которой сталкивается исследователь, – проблема удалённости респондентов. Вторая проблема – это проблема обработки больших массивов эмпирических данных. И, наконец, третья проблема – организация сравнительных исследований. Тремя проблемами не исчерпывается весь спектр исследовательских трудностей, более того, сами дети являются специфической группой респондентов, требующей от исследователя соответствующих знаний и навыков. Однако остановимся на первых трёх проблемах и посмотрим, какие предложения по этому поводу содержат публикации рубрики.

Открывает рубрику статья исследователей из г. Перми (З.П. Замараева, К.А. Воронова, Г.А. Телегина). Авторы публикации прибегают к традиционному методу анализа документов, остановившись на региональных стратегиях действий в интересах детей как основном источнике данных. За единицу анализа приняты нормы, закрепляющие мероприятия по обеспечению социальной безопасности детства в 85-ти субъектах РФ. Применение этого метода требует от исследователя известной скрупулёзности и терпения, поскольку, к сожалению, пока в нашей стране слабо распространены компьютерные технологии качественного анализа данных.

Автор второй статьи рубрики, С.Б. Макеева, рассматривает эволюцию института социальной рекламы в Китае (с 1978 г. по настоящее время), фокусируясь на социальных проблемах семьи, материнства и детства. Исследователь, как и авторы предыдущей публикации, обращается к методу анализа документов, используя в качестве эмпирического материала тексты китайских рекламных баннеров, плакатов и рекламных роликов. Хронологический принцип изложения позволяет связать содержание рекламной продукции с меняющимся социально-политическим контекстом.

В статье "Система среднего общего образования в российских регионах: построение имитационной модели" А.В. Высоцкая прибегает к технологии имитационного моделирования как инструменту изучения региональных систем общего среднего образования. Автор конструирует в среде AnyLogic агрегированную модель образования, включающую экономико-инфраструктурные, социально-демографические и институциональные (институт общего образования) факторы, влияющие на средний балл ЕГЭ. Модель позволяет

проводить эксперименты с изменением значений управляющих факторов, находить оптимальные комбинации исходных параметров.

В двух завершающих рубрику публикациях детство помещается в границы конкретного региона - места проживания исследователей – Приморского края. Можно до бесконечности спорить о плюсах и минусах выборки доступных случаев, но в конечном итоге всё определяется задачами исследования. При этом нельзя отрицать тот факт, что исследователь как житель конкретного региона имеет выход в поле (налаженные контакты с респондентами), имеет представления о региональном социальном фоне и истории его изменений.

Однако и в ситуации помещения детства в условия конкретного региона – субъекта РФ – исследователи подкрепляют мысль о неоднородности данной социально-демографической общности поисками дифференцирующих факторов (размеры населённого пункта проживания, частота дополнительных занятий детей и пр.). Исследование Е.Е. Абросимовой подтверждает как факт прочного вхождения интернета в повседневность современных детей, так и возможность виртуального пространства преодолевать территориальные границы и расстояния, сглаживать региональные различия. Данные анкетного опроса детей, проведённого автором статьи, свидетельствуют об отсутствии статистически значимой связи между активностью детей в видеоблогосфере и размерами населённого пункта проживания.

В.Е. Яровая в статье "Детские сетевые магазины Приморского края: региональные особенности и возможности для потребительской социализации" диагностирует территориальное неравенство в распределении объектов детской торговой инфраструктуры как на уровне региона – Приморского края, так и на уровне его столицы – г. Владивостока. Проблему выхода в поле автор решает посредством активного использования интернет-ресурсов – сайтов сетевых магазинов, материалов родительских форумов.

Большинство авторов рубрики используют в своей работе такой источник информации, как статистические данные. Росстат регулярно публикует сборники "Регионы России. Социально-экономические показатели", которые, начиная с 2014 г., издаются только в электронном формате. Это также помогает справиться с проблемой недоступности респондентов и собрать исходные данные для регионального анализа.

Завершая обзор рубрики, хотелось бы обратить внимание на важность более активного включения информационных технологий как на этапе сбора и обработки данных, так и на этапе их анализа, в частности, использование специальных сервисов (например, Единой межведомственной информационно-статистической системы), инструментов инфографики и др.

А.Г. Филипова

УДК 364:378

Замараева З.П., Воронова К.А., Телегина Г.А.

Социальная безопасность детства в регионе: ресурсно-потенциальный подход

Основную задачу ресурсно-потенциального подхода в системе социальной безопасности детства следует представить через определение уровня и характера ресурсного потенциала конкретного ребёнка с целью активизации собственных ресурсов, самоактуализации на основе подбора специальных технологий деятельности с активным использованием ресурсного потенциала системы (организации, института), семьи и семейного окружения (социальной среды).

Рассмотрим некоторые сущностные аспекты ключевых категорий, используемых в статье: "социальная безопасность", "ресурсно-потенциальный подход", "социальная безопасность детства".

Научная дискуссия на тему: "социальная безопасность"

Термин "социальная безопасность" достаточно давно и активно используется в международной нормативной практике. Впервые он был введён в США в "Законе о социальной безопасности" в 1935 г., который, в свою очередь, стал стимулом для разработки программ помощи престарелым, нетрудоспособным и безработным гражданам. В 1938 г. данный термин был введён в законодательный акт Новой Зеландии.

В дальнейшем границы данной дефиниции были расширены в процессе разработки и принятия конвенций и рекомендаций Международной организации труда, поскольку просто и доступно выражал сущность проблемы организации национальных программ и систем помощи престарелым и нетрудоспособным гражданам.

Сущностный аспект современного толкования термина "социальная безопасность" представлен разными авторами. Но нас, в большей степени, привлекает содержание данной категории, которое дано А.Г. Антипьевым. Он отметил сложную, многоуровневую структуру данного понятия, его интегральный характер, полагая, что категория "социальная безопасность" входит в более общее определение, такое как "общественная безопасность", где рассматривается наряду с другими видами безопасности – политической, экономической, экологической, информационно-технологической, культурной, духовно-нравственной и т.д. С точки зрения уровневого подхода, дефиниция "социальная безопасность", как он полагает, может быть размещена на глобальном, национальном, региональном уровнях, а также рассмотрена в отношении индивида, групп, отдельных общностей. Особое значение, по мнению А.Г. Антипьева, придаётся формам личной безопасности в чрезвычайных ситуациях и экстремальных условиях **[1, с. 14]**.

Различия в понятийном аппарате или практической реализации обусловлены, главным образом, культурой, традициями, административным и политическим устройством страны, историей функционирования того или

© *Замараева З.П., Воронова К.А., Телегина Г.А., 2018*

ЗАМАРАЕВА Зинаида Петровна, д.социол.н., доцент, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии Пермского государственного национального исследовательского университета *(г. Пермь).* **E-mail:** zinaidazamaraeva@mail.ru

ВОРОНОВА Ксения Андреевна, старший преподаватель кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета *(г. Пермь).* **E-mail:** voron55555@yandex.ru

ТЕЛЕГИНА Галина Александровна, старший преподаватель кафедры социальной работы и конфликтологии; Пермского государственного национального исследовательского университета *(г. Пермь).* **E-mail:** teleginagln@yandex.ru

иного государства, условиями экономического развития и др. Трактовка социальной безопасности, которая была дана А.Г. Антипьевым, не противоречит более общему определению понятия "безопасность" в Законе РФ "О безопасности". В нём отмечается, что ..."безопасность – это состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз". В данном случае к жизненно важным интересам, по закону, следует относить совокупность потребностей, при удовлетворении которых будет надёжно обеспечиваться существование и возможности прогрессивного развития личности, общества, государства.

В законодательно-правовом смысле принцип социальной безопасности согласуется с Всеобщей декларацией прав человека (1948 г.), а также провозглашёнными Конституцией Российской Федерации гарантиями социальных прав гражданина.

Важнейшим инструментом поддержания социальной безопасности в обществе, как отмечают отдельные авторы, является социальная политика, направленная на регулирование и гармонизацию социальных отношений. Они утверждают, что концепция социальной безопасности является базовой основой социальной политики государства.

Мнение целого ряда исследователей обращено и к иной стороне проблемы социальной безопасности, её антиподу – социальной опасности (угрозы).

Особенность проявлений социальных угроз, как нам известно, и этому предают значение многие источники, состоит в том, что их последствия имеют разноплановый характер, обусловленный воздействием множества факторов. Например, состояние здоровья населения лишь в известной мере связано с состоянием здравоохранения, но в значительно большей степени – с уровнем и качеством жизни населения, условиями трудовой деятельности и бытовыми традициями, экологической обстановкой и образом жизни **[4, с. 33]**.

Нельзя не согласиться и с выводами психолога А.А. Волочкова, который отмечает резкое и прогрессирующее снижение качества человеческого потенциала, маргинализацию значительной части социальных групп и слоёв. Данная разбалансированность социальных отношений, по его мнению, особо остро выдвигает задачу обеспечения социальной безопасности общества **[3, с. 35]**.

Следует обратить внимание на возможные механизмы создания эффективной системы безопасности человека, среди них отмечаются – ресурсно-потенциальный подход, направления актуализации творческого потенциала личности, формирование активности субъекта жизни как ресурса совладания со стрессом и др. Перечисленные концепции отводят в данном вопросе ключевую роль индивиду, но, с точки зрения создания условий, безусловно, государству.

Решение перечисленных противоречий и других проблем делает необходимым обновление форм и стратегий развития. На наш взгляд, актуализация ресурсно-потенциального подхода в системе социальной безопасности, включая область детства, будет способствовать её преобразованию и нацеленности на конкретный результат.

Краткое содержание концепции "ресурсно-потенциальный подход" в социологии

Заметим, что идеи ресурсного подхода не являются новыми в социологии. В качестве альтернативы традиционным концепциям стратификации общества они представлены и сформулированы в работах Пьера Бурдье и других исследователей. Важно, что в явной либо скрытой форме исходной категорией большей части указанных концепций являются ресурсы (активы, капиталы) **[2, с. 45]**.

Проанализированные материалы дают основание полагать, что в контексте ресурсного подхода наиболее известна теория стратификации, то есть социального расслоения в обществе, концепция капиталов Бурдье. Осуществляя поиск новых капиталов с учётом их состояния в современной эпохе, начатый ещё Говардом Беккером, Бурдье выделял следующие основные формы капитала: экономическую, культурную и социальную. Социальный капитал, по его мнению, характеризуется как "совокупность реальных и потенциаль-

ных ресурсов, связанных устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания" **[7, с. 180]**.

Следует обратить внимание на то, что и российские социологи, в частности, Овсей Шкаратан **[14, с. 45]** и Наталья Тихонова **[13, с. 34]**, в настоящее время рассматривают ресурсный подход в качестве современной парадигмы, которая создаёт теоретико-методологическую основу для разграничения ресурсного потенциала и форм капитала в рамках теории социальной стратификации общества.

Однако для данного исследования особую актуальность имеют методы, с помощью которых личность или социальная группа может актуализировать собственные возможности и повысить уровень собственной социальной субъектности. Анализируя проблемы населения через призму научно-методологической, научно-теоретической парадигм, исследователи в последние годы чаще обращаются к качественным методам исследования.

Но наиболее значительное влияние на формирование научного материала темы, заявленной авторами данной статьи, оказали концепции независимой жизни Екатерины Ким **[8, с. 24]**, социального конструктивизма Питера Бергера (Бергер, 1995) и Томаса Лукмана (Бергер и Лукман, 2005), которые аккумулировали и синтезировали идеи Макса Вебера, Георга Зиммеля, Герберта Мида, Альфреда Щюца и Эрвинга Гоффмана.

В первую очередь, научный интерес, с нашей точки зрения, привлекают те работы, где исследуется проблема преодоления трудной жизненной ситуации с позиций необходимости активизации способностей индивида. В этом смысле наибольший интерес представляют исследования Елены Ярской-Смирновой, Натальи Щукиной, Екатерины Мироновой.

Концепция жизненных сил человека, представленная в работах Станислава Григорьева, на наш взгляд, может обеспечить комплексный подход к пониманию и решению проблемы использования ресурсного потенциала личности **[5, с. 17]**. В рамках рассматриваемой теории жизненные силы имеют внутреннюю и внешнюю стороны. К внешней стороне можно отнести жизненные силы человека, проявляющиеся в разных формах активности. Энергетический потенциал в совокупности, используемый затем в различных видах внешней активности субъекта социальных отношений демонстрирует внутренняя сторона.

Указанная концепция в данном случае, с одной стороны, концентрирует наше внимание, на характеристике ресурсов человека как существа биопсихосоциального, которое характеризуется определённым биологическим, психическим и социальным потенциалом, соответствующим состоянием здоровья, а с другой стороны, как самостоятельного субъекта жизнедеятельности, участие представлено во всех сферах общества: социально-бытовой, производственно-экономической, духовно-культурной, общественно-политической, социально-экологической.

Однако исследование различных источников позволяет говорить о том, что при рассмотрении механизмов проектирования социального поведения личности в различных жизненных ситуациях учёные реже заостряют своё внимание на том, какие конкретные технологии и методы реализации ресурсного потенциала может использовать личность именно в рамках современной системы социальной безопасности и защиты. В настоящее время начинает формироваться отличная от прежней система норм и ценностей, которая характерна в большей мере для либеральной рыночной экономики, где особую значимость приобретает формирование способности личности к развитию независимости и самостоятельности, повышение уровня её субъектности.

Чтобы активизировать собственные ресурсы индивида при организации работы с ним, необходимо провести их реструктуризацию по критерию оценки уровня ресурсного потенциала личности (низкий, средний, высокий), а также предложить метод, который, вместе с тем, позволит подобрать адекватные формы и технологии взаимодействия с ним.

Сущность ресурсно-потенциального подхода в условиях системы социальной безопасности выражена нами как совокупность технологий деятельности, позволяющих определить уровень и характер ресурсного потенциала личности с целью их последующей активизации и преобразования в ресурсы

самообеспечения, саморазвития, самоактуализации с использованием институционального и общественного потенциала **[7, с. 170]**.

Цель ресурсно-потенциального подхода можно сформулировать следующим образом: формирование ценностно-нормативного, организационно-структурного, функционального и других механизмов деятельности, направленных на повышение или изменение уровня ресурсного потенциала у конкретного объекта, следовательно, изменение его социального статуса, а также роли в обществе путём освоения новых ценностей, норм, требований, моделей поведения как основы социализации (интернализации).

В основе данного подхода принципы, учитывающие личностный аспект при конструировании условий системы социальной безопасности индивида, которые могут обеспечить баланс между интересами, потребностями и ценностными ориентациями; единство сознания и деятельности, которое способствует объективной оценке сущности какого-либо вида деятельности, в которую вовлечён данный объект; влияние уровня сознания на развитие данной деятельности, в частности, на своеобразие её формы и результата и т.д.

Оценка ресурсного потенциала как неактивизированного резерва индивида имеет структуру, которую можно определить на основе разницы между задействованным личностью ресурсным потенциалом и той его частью, которую личность по различным причинам не смогла активизировать. Ключевыми показателями при определении уровня ресурсного потенциала индивида, находящегося в трудной жизненной ситуации, могут быть следующие:

Характеристика трудоспособности (существенно не ограничена);

- Уровень образования (высшее, незаконченное высшее, среднее специальное и др.);
- Уровень материальной обеспеченности (низкий, средний, высокий);
- Степень и характер стремления приобретать новые знания и навыки;
- Степень мотивации увеличить уровень самообеспечения;
- Уровень мотивации усилить занятость;
- Уровень мотивации оказывать помощь другим людям;
- Качество поддержки со стороны друзей, родственников, детей, соседей;
- Качество поддержки со стороны социальных служб и других организаций социального профиля;
- Качество поддержки со стороны общественных организаций и др.

Ресурсно-потенциальное состояние индивида как его незадействованного резерва можно рассчитать с помощью формулы, разработанной Валентиной Доброхлеб, оценивающей состояния ресурсного потенциала в контексте шести направлений **[6, с. 100]**:

Pr = 1/6 (Ph + Peg + Pm + Pmtr + Pc + Pin), где Pr – ресурсный потенциал, Ph – потенциал здоровья, Peg – возрастной потенциал, Pm – мотивационный потенциал, Pmtr – материальный потенциал, Pc – общественный потенциал, Pin – институциональный потенциал. Характеристики потенциала, выраженные весомыми коэффициентами от 0 до 0,5, оцениваются как низкие. Если коэффициент выше 0,5, то потенциал можно оценить, как высокий.

Простота данного подхода заключается в том, что он позволяет оценить уровень состояния или сохранности того или иного вида потенциала. И вместе с тем, данные сведения позволяют сформировать представление о том, как может быть реализован ресурсный потенциал населения соответствующими средствами в сфере государственной социальной безопасности (защиты).

Рассмотрение личностного ресурсного потенциала возможно на основе подбора специальных технологий деятельности (ресурсосберегающих, ресурсоактивизирующих, ресурсоразвивающих).

Ресурсосберегающие технологии социальной безопасности и защиты используются по отношению к индивидам, которые характеризуются низким уровнем ресурсного потенциала (лица с инвалидностью, дети, люди пожилого возраста). Главная цель применения данных технологий заключается в развитии знаний, умений, навыков, которые будут способствовать повышению степени самообеспечения и самообслуживания данных лиц, а, следовательно, повышению их социального статуса и изменению социальной роли в обществе.

Ресурсоактивизирующие технологии рассматриваются в отношении индивидов трудоспособного возраста, имеющих средний уровень ресурсного потенциала. Данные технологии реализуется на основе принципа индивидуальной и коллективной ответственности за повышение уровня социально-экономического обеспечения индивида (семьи) посредством реализации социального контракта, заключённого индивидом (семьёй) с органом социального развития, и формирования плана по достижению результатов, предусмотренных договором.

Специфика *ресурсоразвивающих технологий* для оказания помощи индивидам, имеющим высокий уровень ресурсного потенциала, в данном исследовании представлена через методы, которые позволят повысить степень активности личности (социальной, трудовой, политической), уровень компетентности во всех сферах, овладения широким спектром способностей, знаний, умений и навыков, преобразовать их в активный ресурс, т.е. ресурс развития. Среди таких технологиий можно выделить государственные программы в сфере развития человеческих ресурсов, ориентированные на создание условий для реализации здорового образа жизни, повышения общеобразовательного и профессионально-квалификационного уровня личности, усиления её трудовой мотивации, а также оптимизации ресурсов человека.

Структура подхода включает в себя не только оценку ресурсно-потенциального состояния личности, но и ресурсного потенциала самой системы социальной безопасности (организации, института), а также ресурсного потенциала социальной среды, окружения индивида.

Прежде чем рассмотреть содержание дефиниции *"социальная безопасность детства",* уточним суть проблем, которые составляют основу риска для жизни и устойчивого развития современного детства.

Социальная ситуация развития современного детства в полной мере свидетельствует о правомерности введения в научный оборот и в сферу практики понятия "безопасность". Прежде всего отмечается недостаточная для современного состояния проблемы эффективность используемых механизмов обеспечения и защиты прав и интересов детей; декларативный характер реализации международных стандартов в области прав ребёнка, в результате чего можно говорить об их неисполнении; высокая степень риска бедности в связи с рождением детей, главным образом, среди многодетных и неполных семей; широкое распространение социального неблагополучия семьи, жестокого обращения с детьми и насилия в отношении детей; неэффективность профилактики социального неблагополучия семей и детей, крупномасштабность проявления пагубной практики лишения родительских прав и социального сиротства; социальная эксклюзия в отношении уязвимых категорий детей (детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей-инвалидов и детей, находящихся в социально опасном положении); интенсификация развития относительно новых социальных рисков, связанных с распространением информации, которая представляет опасность для детей; неэффективность механизмов обеспечения участия детей в общественной жизни и др. **[9, с. 35]**.

Таким образом, отмечая ситуации *безопасного детства*, мы имеем в виду не только обеспечение гарантий прав и условий для нормального развития ребёнка в разных сферах, но и систему отношений его с окружающим миром – предметным и социальным (взаимоотношения со взрослыми, сверстниками, с самим собой как субъектами).

Социальную безопасность в отношении детей мы рассматриваем как процесс, как условие и как свойство.

Социальная безопасность как *процесс* каждый раз формируется заново, когда встречаются участники социальной среды.

Социальная безопасность как *условие* позволяет обеспечить базовую защищённость личности.

Социальная безопасность как *свойство* личности характеризует её способность к формированию внутреннего ресурса противостояния деструктивным воздействиям.

Понятие *"социальная безопасность детства на условиях ресурсно-потенциального подхода"* следует рассмотреть как совокупность условий, направленных на формирование благоприятной политической, экономической, социокультурной и иной сфер жизнедеятельности для детей, целью которых

будет обеспечение государственных (негосударственных) форм защиты, развития, саморазвития путём активизации ресурсного потенциала каждого ребёнка.

В целях анализа современного состояния системы социальной безопасности детства в регионах России, сложившихся тенденций в аспекте ресурсно-потенциального подхода исследованы региональные стратегии (программы) действий в интересах детей, главным образом, содержание мероприятий по обеспечению условий социальной безопасности детства в различных сферах жизнедеятельности. Данные нормативно-правовые документы разработаны и приняты органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в связи с утверждением Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. (утв. 1 июня 2012 г. Указом Президента Российской Федерации № 761) **[11, с. 71]**.

Региональная стратегия действий в интересах детей представляет собой нормативно-правовой документ, закрепляющий основные задачи и мероприятия по достижению благополучия детей, в том числе и социальной безопасности. Анализ осуществлён в отношении 85 документов, т.е. исчерпывающего перечня стратегий (программ), действующих в регионах, что обеспечило репрезентативность результатов исследования. В качестве метода исследования использован качественный анализ документов. За единицу анализа приняты мероприятия по решению наиболее актуальных проблем и существенных угроз благополучию детского населения в том или ином регионе.

Исходя из понимания ключевой категории данного исследования "социальная безопасность детства на условиях ресурсно-потенциального подхода", сформированы следующие критерии отбора единиц исследования:

♦ непосредственная ориентированность мероприятия на сохранение, активизацию или развитие ресурсов ребёнка;

♦ возможность обеспечить в рамках мероприятия субъектность ребёнка и/или его семьи в достижении безопасности и благополучия в какой-либо сфере;

♦ связь предполагаемого результата мероприятия с повышением уровня ресурсного потенциала ребёнка;

♦ общегосударственное значение достижения результата мероприятия, независимо от региональной проблематики.

В данном исследовании не рассматривались организационно-административные и нормативно-методические мероприятия по причине обеспечительного и вспомогательного условий в достижении социальной безопасности детства. Анализу были подвергнуты лишь те мероприятия, в которых одним из участников организованного взаимодействия указаны дети (ребёнок) и его семья.

В целях структурированного рассмотрения содержания мероприятий, они сгруппированы по трём сферам, где должны, на наш взгляд, создаваться условия социальной безопасности детства (социокультурная, экономическая, политическая), согласно ранее предложенной формулировке понятия. Затем, в каждой из сфер проведён анализ предполагаемого результата и соотнесён с основными формами обеспечения условий социальной безопасности: защиты, развития и саморазвития.

В рамках пилотажного исследования проанализированы мероприятия (технологии ресурсно-потенциального подхода), которые направлены на создание условий достижения безопасности детства, в целом, независимо от принадлежности детей к какой-либо группе риска. Это обусловлено тем, что для выявления условий социальной безопасности детства, соответствующих ресурсно-потенциальному подходу, важно определить, как работает данный механизм в регионе. В результате анализа выявлено распространение нормативного закрепления выбранных мероприятий в региональных стратегиях (программах) действий в интересах детей и представлено в процентном выражении в соответствии с количеством регионов от общей совокупности, т.е. 85 документов (100%) *(таблица 1)*.

В социокультуной сфере мероприятия по обеспечению доступа к социальным услугам, качественному образованию, развитой медицинской помощи, занятию физкультурой и спортом имеют почти стопроцентное закре-

Табл. 1. Анализ мероприятий по достижению социальной безопасности детей в субъектах РФ

	Мероприятия по обеспечению условий социальной безопасности детства в регионе					
	Формы защиты		**Формы развития**		**Формы саморазвития**	
Социокультурная сфера	Обеспечение доступности различных необходимых социальных услуг семьям с детьми	97 %	Создание и оптимизация системы психолого-педагогической поддержки семьи, содействие повышению педагогической компетентности родителей, организация психологического сопровождения развития ребёнка;	78 %	Содействие развитию сети клубных организаций, интерактивных площадок взаимодействия для родителей и детей (например, на базе образовательных орагнизаций);	62 %
	Обеспечение доступности качественного дошкольного образования и общего образования для всех категорий детей.	100 %	Создание условий для развития различных моделей дошкольного, общего, дополнительного образования детей, направленных на формирование российской гражданской идентичности.	63 %	Содействие в реализации особых образовательных запросов одарённых детей независимо от места проживания и сферы одарённости.	65 %
	Обеспечение доступности, повышение качества и расширение видов предоставляемых медицинских услуг детям.	97 %	Создание молодёжных консультаций, центров репродуктивного здоровья и центров медико-социальной помощи подросткам, распространение здоровьесберегающих технологий обучения в рамках развития системы подростковой медицины.	75 %	Развитие механизмов повышения мотивации и стимулирования потребности детей в здоровом образе жизни.	54 %
	Повышение доступности занятий физической культурой в различных формах (в том числе реабилитационная физическая культура, туризм и т.д.)	90 %				
	Информирование детей и подростков о наиболее общественно-опасных угрозах в Интернет-пространстве, связанных с жестоким обращением, суицидальным поведением, различными видами зависимостей и т.д.	69 %	Создание и внедрение программ обучения детей и подростков правилам и требованиям безопасного поведения в Интернет-пространстве, превенции развития Интернет-зависимости, вовлечения в противоправную, деятельность, суицидального поведения.	61 %	Содействие развитию семейных форм проведения досуга на базе объектов социальной инфраструктуры	57 %
Экономическая сфера	Реализация и финансирование минимальных государственных гарантий в сфере материального обеспечения и социальных услуг, соответствующих основным показателям качества жизни семей с детьми.	100 %	Внедрение в практику социальных служб технологий активизации ресурсов семьи, в целях повышения социальной компетентности членов семей, направленных на формирование мотивации трудовой занятости и самообеспечения.	47 %	Содействие организации временного трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учёбы время.	59 %

Экономическая сфера	Предоставление комплекса мер социальной поддержки для малообеспеченным семьям с детьми.	100 %	Предоставление помощи малоимущим семьям на условиях социального контракта	59 %	Создание условий для развития семьи как субъекта предпринимательства, содействие в развитии малого семейного бизнеса, индивидуального предпринимательства и обеспечения самозанятости.	47 %
Политическая сфера	Развитие и обеспечение реализации форм взаимодействия детей в целях защиты своих прав и интересов с институтом Уполномоченного по правам ребёнка в регионе.	37 %	Привлечение детей и молодёжи к участию в жизни местного сообщества, в рассмотрении и экспертизе решений, касающихся их прав и интересов, на всех уровнях.	78 %	Поддержка системы детских и молодёжных представительных органов на различных уровнях.	100 %
	Распространение влияния института Уполномоченного по правам ребёнка на различных уровнях (муниципальном, районном, школьном и т.д.)	44 %	Подготовка детей к различным формам участия в общественной жизни, формирование у детей умений и навыков лидера, организатора, партнёра по взаимодействию, обучение способам и формам социального проектирования, управления, анализа и оценки индивидуальной и коллективной деятельности;	38 %	Развитие современных форм школьного самоуправления.	67 %
	Внедрение в практику работы с семьями и детьми технологии "Детский адвокат".	37 %	Обеспечение получения детьми знаний в области прав человека и прав ребёнка.	62 %		

Источник: составлено авторами

пление, что является вполне закономерным явлением, ввиду того, что это ключевые мероприятия с точки зрения безопасности (защиты) детей.

Однако такое мероприятие, как информирование детей и подростков о наиболее общественно-опасных угрозах, было указано в 69% исследуемых материалов. Это не означает, что в остальных документах не закреплены меры по предотвращению общественно-опасных угроз, но чаще всего они представлены организационно-административным характером действий, где не предполагается участие самих детей.

Более эффективным в данном случае является информирование детского населения о возможных угрозах, т.к. это позволит им и их семьям повысить компетентность в вопросах обеспечения личной безопасности от соответствующих угроз.

Формы развития по разным социальным вопросам представлены мероприятиями, которые предполагают включение ребёнка через сопровождение, обучение или создание специальных подсистем поддержки в процесс приобретения самостоятельно некоторого объёма социальных знаний и навыков, которые в различных ситуациях (в том числе, и трудных жизненных) могут составить необходимый набор инструментов социальной безопасности ребёнка. Распространение по регионам данные мероприятия имеют в пределах 60-70%

К сожалению, ещё меньший диапазон распространения получили мероприятия, которые можно отнести к формам саморазвития в социокультурной сфере. Развитие семейных клубов, содействие самостоятельной организации конструктивного досуга за счёт развитой инфраструктуры учреждений нашло своё отражение в 50-60% исследуемых документов. Ситуация наличия существенного "крена" в ориентации на формы защиты, нежели на формы развития и саморазвития, в социокультурной сфере связана с преобладанием

традиционных "обеспечительных" ориентаций в сфере социальной защиты и социального обслуживания, идеология которых унаследована ещё от советской системы социального обеспечения. Ресурсно-потенциальный подход предлагает по-новому оценить необходимый результат: не с точки зрения реализованных гарантий перед ребёнком (хотя это также важно), а в большей степени, исходя из максимального обеспечения условий для активизации ресурсного потенциала и последующего развития.

В экономической сфере формы защиты во всех регионах направлены на процесс реализации мер по обеспечению пособий граждан, имеющих детей, и видов поддержки семей с детьми в ситуации малообеспеченности. Распространение мероприятий, соответствующих формам развития и саморазвития существенно меньше и находится в диапазоне 45–59 %. Данные мероприятия содержатся в основном в документах тех регионов, где охват семей мерами социальной поддержки существенно выше, поэтому можно предположить, что формы обеспечения социальной безопасности детства на основе ресурсно-потенциального подхода реализуются не только и не столько, как инструмент повышения ресурсного потенциала семей с детьми, а в большей степени как средство оптимизации расходов, планируемых на финансирование материального вспомоществования. С другой стороны, это говорит и о положительном аспекте сложившейся ситуации, связанном с тем, что в разработчики региональных стратегий (программ) видят определённую перспективу в мероприятиях в рамках ресурсно-потенциального подхода.

Достижение социальной безопасности детства на условиях ресурсно-потенциального подхода в политической сфере во всех регионах представлено мероприятиями по поддержке системы детских и молодёжных представительных органов на различных уровнях. Его, безусловно, можно отнести к форме саморазвития, т.к. дети имеют возможность уже на ранних этапах своей жизни формировать, личный политический ресурс (вне зависимости от того, продолжат они или нет своё развитие в сфере законотворчества) и общественный, пополняя ряды политически активного населения. На качество такой формы саморазвития оказывает влияние то, насколько эффективными являются мероприятия в рамках направления развития через аспект участия в общественной жизни (лишь 38 %), привлечение детей и молодёжи к участию в жизни местного сообщества (78 %), получение детьми знаний в области прав человека и прав ребёнка (62 %), т.к. именно через них закладываются механизмы конструктивного общественно-политического поведения. Формы защиты в политической сфере представлены распространением влияния и взаимодействием института Уполномоченного по правам ребёнка с детьми и молодёжью. Практически во всех регионах успешно функционирует или развивается институт Уполномоченного по правам ребёнка, однако в анализируемых документах в большинстве случаев не фиксируется его роль в повышении ресурсного потенциала детей в отношении защиты своих прав.

В контексте ресурсно-потенциального подхода достижение социальной безопасности детства возможно с помощью ранее рассмотренных технологий. Социальная безопасность, как условие, предполагает, с одной стороны, осуществление мероприятий, направленных на повышение ресурсного потенциала личности ребёнка, т.к. базовая защищённость реализуется, главным образом, за счёт тех инструментов взаимодействия и социальных навыков, которыми дети овладевают уже на ранних этапах своего развития. В то же время в большей степени повышение ресурсного потенциала ребёнка реализуется с помощью ресурсосберегающих технологий.

С точки зрения социальной безопасности детства как свойства личности, представляется важным то, в каких внешних условиях это свойство будет формироваться. Наличие, уровень и содержание внутреннего ресурса противостояния деструктивным воздействиям как результат социализации индивида в большей степени зависит от того социального окружения, которое сопровождает становление личности и воспитание ребёнка, и, конечно, главная роль здесь отводится семье. Соответственно, достижение социальной безопасности в данном случае будет связано, прежде всего, с изменением или повышением ресурсного потенциала семьи, которая может находиться в разных жизненных ситуациях. Условно разделив их на ситуации социального риска и ситуации нормального функционирования, мы можем на основе положений

ресурсно-потенциального подхода указать на необходимость применения ресурсоактивизирующих и ресурсоразвивающий технологий соответственно.

Таким образом, ресурсно-потенциальный подход в достижении социальной безопасности детства в современных условиях российского общества имеет непосредственную практическую значимость, т.к. позволяет определить основные тенденции в деятельности по социальной защите детей и понять ориентиры соответствующей региональной социальной политики в интересах детей.

Наибольшее распространение в регионах имеют виды помощи и работы с детьми и их семьями на основе форм защиты. Они направлены на социально-экономическую и правовую защиту несовершеннолетних, а также профилактику нарушения безопасности личности ребёнка в социальной, образовательной и информационных сферах. В меньшей степени представлены мероприятия, соответствующие формам саморазвития, что снижает качество и объём влияния социальных институтов на развитие ресурсного потенциала детей. Отсутствует разграничение действий институтов помощи в зависимости от ситуации, снижающей или содействующей повышению ресурсного потенциала детей и их семей. Данное разграничение, на наш взгляд, имеет принципиальное значение для достижения социальной безопасности детства, поскольку позволяет конкретизировать содержание мероприятий и связать их реальными потребностями семьи и ребёнка, одновременно оптимизируя использование институциональных ресурсов общества.

Литература

1. Антипьев А.Г. Условия и факторы социальной безопасности человека в Российском социуме //Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности: системные и междисциплинарные исследования: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Пермь, Пермский гос. ун-т, 29–30 сентября 2009 г.) под общ. ред. З.П. Замараевой и М.И. Григорьевой, Пермь., 2009. С. 14–18.

2. Бурдье П. Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики /Науч. ред. и сост. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М., 2004. С. 519–536.

3. Волочков А.А. Активность субъекта жизни как ресурс совладания со стрессом /Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности: системные и междисциплинарные исследования: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Пермь, Пермский гос. ун-т, 29–30 сентября 2009 г.) под общ. ред. З.П. Замараевой и М.И. Григорьевой, Пермь., 2009. С. 30–35.

4. Воронов А.М. Институты гражданского общества в негосударственной системе обеспечения национальной безопасности современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 1 (35). С. 33–41. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-33-41

5. Григорьев С.И. Базовые критерии оценки качества образования и ключевые социальные компетенции: дискуссии на пороге реального вхождения России в Болонский процесс и принятия образовательных госстандартов третьего поколения // Вестник УМО вузов России по образованию в области социальной работы. 2006. № 1. С 53.

6. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал старшего поколения в современной России: автореф. дис. д-ра экон. наук. М., 2004.

7. Замараева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в современной системе социальной защиты и социального обслуживания населения России: монография // Профессиональная библиотека работника социальной службы 2014. № 2. М.: Социальное обслуживание. 2014. 260 с.

8. Ким Е.Н. Концепция "независимой жизни" в социальной работе с детьми с ограниченными возможностями: автореф. дис. канд. соц. наук. М. 1997. 24 с.

9. Мигунова Ю.В Жестокое обращение с детьми в семье как предмет социологического анализа // [Электронный ресурс]. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12905. (дата обращения: 17.12.17).

10. Миронова Е.А. Стратегия активизации людей с ограниченными возможностями здоровья: социологический анализ: автореф. дис. канд. соц. наук. Н. Новгород, 2004.

11. Статистические данные по проблеме жестокого обращения // [Электронный ресурс]. URL: https://multiurok.ru/lemesheva/blog. (дата обращения: 17.12.17).

12. Степанов А.В. Понятие категории "национальная безопасность: теоретико-правовой анализ" // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28). С. 8–17.
13. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях. // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 3. С. 11–26.
14. Шкаратан О.И. Бондаренко В.А., Крельберг Ю.М., Сергеев Н.В. Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. М., ГУ ВШЭ. 2003. 68 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Antip'ev A.G. Usloviya i faktory sotsial'noj bezopasnosti cheloveka v Rossijskom sotsiume //Sotsial'naya bezopasnost' i zashhita cheloveka v usloviyakh novoj obshhestvennoj real'nosti: sistemnye i mezhdistsiplinarnye issledovaniya: sb. materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Perm', Permskij gos. un-t, 29–30 sentyabrya 2009 g.) pod obshh. red. Z.P. Zamaraevoj i M.I. Grigor'evoj, Perm'., 2009. S. 14–18.
2. Burd'e P. Formy kapitala // Zapadnaya ehkonomicheskaya sotsiologiya. KHrestomatiya sovremennoj klassiki /Nauch. red. i sost. V.V. Radaev; per. M.S. Dobryakovoj i dr. M., 2004. S. 519–536.
3. Volochkov A.A. Aktivnost' sub"ekta zhizni kak resurs sovladaniya so stressom /Sotsial'naya bezopasnost' i zashhita cheloveka v usloviyakh novoj obshhestvennoj real'nosti: sistemnye i mezhdistsiplinarnye issledovaniya: sb. materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Perm', Permskij gos. un-t, 29–30 sentyabrya 2009 g.) pod obshh. red. Z.P. Zamaraevoj i M.I. Grigor'evoj, Perm'., 2009. S. 30–35.
4. Voronov A.M. Instituty grazhdanskogo obshhestva v negosudarstvennoj sisteme obespecheniya natsional'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2017. № 1 (35). C. 33–41. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-33-41
5. Grigor'ev S.I. Bazovye kriterii otsenki kachestva obrazovaniya i klyuchevye sotsial'nye kompetentsii: diskussii na poroge real'nogo vkhozhdeniya Rossii v Bolonskij protsess i prinyatiya obrazovatel'nykh gosstandartov tret'ego pokoleniya // Vestnik UMO vuzov Rossii po obrazovaniyu v oblasti sotsial'noj raboty. 2006. № 1. S 53.
6. Dobrokhleb V.G. Resursnyj potentsial starshego pokoleniya v sovremennoj Rossii: avtoref. dis. d-ra ehkon. nauk. M., 2004.
7. Zamaraeva Z.P. Resursno-potentsial'nyj podkhod v sovremennoj sisteme sotsial'noj zashhity i sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya Rossii: monografiya // Professional'naya biblioteka rabotnika sotsial'noj sluzhby 2014. № 2. M.: Sotsial'noe obsluzhivanie. 2014. 260 s.
8. Kim E.N. Kontseptsiya "nezavisimoj zhizni" v sotsial'noj rabote s det'mi s ogranichennymi vozmozhnostyami: avtoref. dis. kand. sots. nauk. M. 1997. 24 s.
9. Migunova YU.V ZHestokoe obrashhenie s det'mi v sem'e kak predmet sotsiologicheskogo analiza // [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12905. (data obrashheniya: 17.12.17).
10. Mironova E.A. Strategiya aktivizatsii lyudej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: sotsiologicheskij analiz: avtoref. dis. kand. sots. nauk. N. Novgorod, 2004.
11. Statisticheskie dannye po probleme zhestokogo obrashheniya // [EHlektronnyj resurs]. URL: https://multiurok.ru/lemesheva/blog. (data obrashheniya: 17.12.17).
12. Stepanov A.V. Ponyatie kategorii "natsional'naya bezopasnost': teoretiko-pravovoj analiz" // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2015. № 2 (28). S. 8–17.
13. Tikhonova N.E. Resursnyj podkhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikatsionnykh issledovaniyakh. // EHkonomicheskaya sotsiologiya. 2006. T. 7. № 3. S. 11–26.
14. SHkaratan O.I. Bondarenko V.A., Krel'berg YU.M., Sergeev N.V. Sotsial'noe rassloenie i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii. M., GU VSHEH. 2003. 68 s.

Замараева З.П., Воронова К.А., Телегина Г.А. Социальная безопасность детства в регионе: ресурсно-потенциальный подход.

Преобразование общественного устройства России конце XX – начале XXI вв. диктует необходимость исследования роли современной системы социальной безопасности, которая заключается в изучении условий для удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей и повышения жизненного уровня населения на основе актуализации их ресурсного потенциала. Актуальность проблемы обоснована противоречиями, продиктованными характером и динамикой развития российской системы социальной безопасности, и процессами её реформирования и преобразования. Основное противоречие - несоответствие между потребностями различных слоёв населения, включая детство, их социальным статусом, ожиданиями и реальным состоянием социальной безопасности в регионах РФ.

Ключевые слова: *социальная безопасность, защита, ресурсный потенциал, детство, социальные потребности, ресурсные технологии*

Zamaraeva Z.P., Voronova K.A., Telegina G.A. Social security of childhood in the region: resource-potential approach.

The transformation of the social structure of Russia at the end of the XX and beginning of the XXI centuries draws the attention of researchers to the role of the modern system of social security in this process. Its role is in creating conditions for meeting the individual and social needs and raising the standard of living of the population on the conditions of actualization their resource potential for effective socialization in society. The urgency of the problem outlined in the article is related to a number of contradictions that are caused by the nature and dynamics of the development of the Russian social security system, and by the processes of its reform and transformation. The central contradiction is the discrepancy between the needs of different strata of the population, including childhood, their social status, expectations and the real state of social security and protection.

Key words: *social security, protection, resource potential, childhood, social needs, resource technologies*

Для цитирования: Замараева З.П., Воронова К.А., Телегина Г.А. Социальная безопасность детства в регионе: ресурсно-потенциальный подход // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 7–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/7-18

For citation: Zamaraeva Z.P., Voronova K.A., Telegina G.A. Social security of childhood in the region: resource-potential approach // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 7–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/7-18

◆

УДК 94

Макеева С.Б.

Отражение проблем семьи, материнства и детства в социальной рекламе Китая (регионоведческий аспект)

В современных условиях развития социальная реклама выступает мощным фактором формирования общественного мнения. Многие социальные проблемы актуализируются с помощью роликов социальной рекламы, определяются пути разрешения различных спорных вопросов. С каждым годом беспрецедентные темпы экономического роста Китайской Народной Республики (КНР) приковывают внимание всей мировой аудитории к различным вопросам социального развития этого восточного государства. Регионоведческий анализ социальной рекламы КНР позволяет определить основные социальные проблемы китайского общества, а также пути их решения, продиктованные как традиционными нормами, так и потребностями социалистического общества.

Анализируя степень изученности проблемы, необходимо отметить, что социальная реклама в Китае становится объектом пристального научного изучения в начале XXI в., несмотря на то, что сам институт социальной рекламы в Китае зародился и получил распространение ещё в 1978 г. В 10-е гг. XXI в. анализ различных аспектов развития института социальной рекламы в Китае находит отражение в работах отечественных и зарубежных исследователей. Общие закономерности функционирования социальной рекламы в КНР представлены в работах отечественных исследователей: Н. В. Козловой **[5, с. 94]**, А.А. Матвеевой **[9, с. 61]**, Л.А. Троценко **[11, с. 341]**, – а также китайских учёных Лю Сяо Нань **[6, с. 112]**, Хуан Минтин **[11, с. 343]**, Цзюань Гао **[14, с. 92]**, Цзян Хуа **[5, с. 97]**. Лингвистические и культурные особенности социальной рекламы в Китае представлены в работах отечественных исследователей: Я.Л. Березовской **[15]**, К.С. Думанской **[3, с. 84]**, И.З. Хакимовой **[13]**, М.А. Чернышёвой **[13]**, О.И. Шабалиной **[16]**, – а также китайских исследователей Хуан Минтин **[11, с. 341]**, Чж. Цзяо **[15]**. К сожалению, в современной научной литературе отсутствуют работы, в которых проанализирована социальная реклама по конкретным социальным проблемам Китая. Особую значимость в современный период развития китайского общества занимают вопросы, связанные с семьёй, материнством и детством, которые находят отражение в социальной рекламе Китая, начиная с 1978 г. Именно отсутствие значительного числа работ, посвящённых изучению эволюции социальных проблем семьи, материнства и детства, представленных в социальной рекламе Китая, позволяет провести исследование на основе анализа обширной рекламной продукции (рекламные телевизионные ролики, рекламные баннеры, рекламные плакаты и листовки), внося значительный вклад в изучение особенностей китайского общества.

Регионоведческий подход является наиболее оптимальным в рассмотрении эволюции социальной рекламы по таким актуальным проблемам, как вопросы, связанные с функционированием социального института семьи в Китае, выявление особенностей положения детей в современном китайском обществе, функционирование системы социальных связей между молодым и старым поколениями Китая. Данный подход отражает преимущества комплексного регионоведения в рамках создания целостного, слитного образа социальных проблем, касающихся семьи, – одного из важных элементов китайского общества. Выявляя региональную специфику функционирования социальной рекламы в Китае на основе использования регионоведческого подхода, необходимо опираться на междисциплинарный характер исследования.

© *Макеева С.Б., 2018*

МАКЕЕВА Светлана Борисовна, к.и.н., доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета *(г. Иркутск).* **E-mail:** msbmag9581@yandex.ru

Комплексное регионоведение позволяет рассмотреть социальную рекламу по проблемам семьи, материнства и детства, опираясь на исторический подход (выявление этапов эволюции социальной рекламы в Китае), комплексный подход (анализ всех социальных проблем, связанных с функционированием института семьи в Китае), системный подход (изучение при помощи анализа социальной рекламы роли традиционных и современных систем ценностей в китайской семье), проблемный подход (выявление наиболее актуальных проблем китайского общества на основе анализа материалов социальной рекламной продукции). Основными методами, раскрывающими регионоведческий аспект исследования отражения проблем семьи, материнства и детства в социальной рекламе Китая, выступают наблюдение и описание социальной рекламной продукции Китая. Наиболее полное представление регионоведческой специфики эволюции социальной рекламы в Китае по проблемам семьи, материнства и детства даёт использование такого общелогического метода, как анализ социальной рекламы как особого вида первоначальной потребительской информации. Данный метод позволяет исследовать явление китайской социальной рекламы путём рассмотрения данных, отражающих отдельные проблемы по вопросам семьи, материнства и детства в Китае. Метод анализа предусматривает систематизированное изучение письменного текста китайских рекламных баннеров, плакатов и устного текста рекламных роликов с фиксацией словосочетаний, предложений, сюжетов, отражающих региональную специфику социальной рекламы по проблемам семьи, материнства и детства.

Термин "социальная реклама" произошёл от англ. social advertising, что в переводе означает привлечение интереса населения к проблемам либо явлениям, возникающим в социуме. О.В. Аронсон отмечает, что "социальная реклама – это реклама не конкретного товара, а некоторого "отношения к миру". Оно может проявиться (или не проявиться) только в долгосрочной перспективе. При этом результат заранее неизвестен" **[1, с. 38–39]**. Социальная реклама несёт в себе множество функций, она изменяет курс поведенческой модели общества; создаёт новые ценности, новые идеи в обществе, определяет сущность отношений между личностями в социуме. "Сверхзадачей социальной рекламы, как специфической деятельности по созданию текстов, является формирование образа социального одобряемого и социально не одобряемого действия. Цель этой деятельности привлечение людей к участию в решении социальных проблем" **[12, с. 9]**. Социальная реклама представляет интересы государства, она нацелена не на определённую группу людей, как это часто бывает в коммерческой рекламе, а на всё общество в целом.

Предпосылками к формированию социальной рекламы в Китае является распространение политических лозунгов, агитаций, которые были очень популярны в начале образования КНР. В период с 1949–1976 гг. китайское правительство жёстко контролировало процесс формирования общественного мнения в необходимом ему направлении, в интересах построения социалистического общества. Годом появления первой официальной социальной рекламы в Китае считается 1978 г., чаще всего социальная реклама содержала информацию относительно санитарной защиты окружающей среды, а также проблем, связанных с эпидемиями и с заболеваниями населения Китая. Основной целевой аудиторией социальной рекламы выступала китайская семья, поэтому китайское правительство определяло основные требования и идеалы в развитии института семьи через механизмы воздействия социальной рекламы. В конце 1970 – начале 1980-х гг. в Китае появляется социальная реклама, ориентированная на освещение проблем, связанных с этическим воспитанием подростков. Ведущая роль отводилась формированию патриотического мышления у всего китайского общества, включая такие социальные группы, как дети и подростки. 5 июля 1984 г. при совместной работе Beijing Daily, "Экономического ежедневника", "Ежедневной Рабочей газеты" и "Пекинской Вечерней газеты" была создана социальная реклама "Я люблю Китай, я помогу восстановить Великую китайскую стену".

Значительное влияние на формирование института семьи в Китае оказала политика китайского правительства "Одна семья – один ребёнок", объявленная в 1979 г. 10 сентября 1980 г. на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва был принят, а 1 января 1981 г. всту-

пил в силу новый закон КНР о браке. В данном законе были затронуты проблемы семьи, материнства и детства, а также определены пути решения этих проблем. Впервые в истории КНР законодательно закрепили вопросы, связанные с планируемым деторождением и защитой прав и интересов пожилых людей. С началом реформ Дэн Сяопина "плановое деторождение" приобрело характер важнейшей государственной политики. Символом этого периода становится семья с одним ребёнком. В целях популяризации этой политики выпускались плакаты с социальной рекламой, на которой изображались счастливые мама и папа с одним ребёнком. Также встречались агитационные плакаты с изображением только счастливой матери с одним ребёнком. На плакатах были написаны следующие лозунги: "Планирование семьи – основа национальной политики государства", "Для реализации политики четырёх модернизаций в каждой семье должен рождаться один ребёнок", "Поздний брак и планирование семьи", "Хорошо справляйтесь с планированием семьи в целях содействия экономическому развитию". Улыбающаяся семья из трёх человек изображалась на фоне строящихся заводов или на фоне сельскохозяйственных полей, в руках родители держат строительные или аграрные орудия труда, а ребёнок обязательно книгу. Иногда на агитационных плакатах изображали политических лидеров вместе со счастливой китайской семьёй, у которой на руках один ребёнок. На одном из таких плакатов молодая семья передаёт своего единственного ребёнка в руки политическому деятелю КНР Чжоу Эньлаю. Не случайно, что на плакате изображён именно этот политик, известный в Китае как "главный китайский дипломат". Хотя у Чжоу Эньлая не было собственных детей, однако он вместе со своей женой Дэн Инчао усыновили и воспитывали в своей семье многих детей погибших революционеров. Наряду с Дэн Сяопином, Чжоу Эньлай также был идейным вдохновителем "политики четырёх модернизаций", его политическая деятельность характеризовалась осмотрительностью, последовательностью, реалистичностью и прагматичностью в стремлении обеспечить национальные интересы Китая. Именно Чжоу Эньлай официально первым из политических деятелей Китая разрешает ещё в 1963 г. проводить китайским женщинам операции по стерилизации. После провозглашения политики "одна семья – один ребёнок" стерилизация китайских женщин получила массовое распространение, повсеместно начинают прибегать к массовым абортам и перевязке маточных труб.

В конституции КНР появилась статья, гласившая, что "оба супруга должны осуществлять плановое деторождение". Нарушение этого правила могло привести к исключению из партии и увольнению с госслужбы, была также введена система штрафов за "избыточных детей". Неуплата штрафа лишала ребёнка прописки и практически всех социальных гарантий. Политика "одна семья – один ребёнок" имела, конечно, и ряд исключений. В сельских районах разрешалось иметь двух детей, ограничения не действовали и для национальных меньшинств. Использование социальной рекламы в рамках планирования деторождения, а также жёсткая система мер наказаний, в случае нарушения политики "одна семья – один ребёнок", дали свои результаты. По официальным заявлениям китайского правительства данная политика была очень успешной и "предотвратила" 400 млн. рождений.

С конца 1980-х гг. использование социальной рекламы становится повсеместным. 26 октября 1987 г. на CCTV была открыта программа "Реклама", её основной задачей являлось указать на основные социальные проблемы общества КНР и донести варианты решения этих проблем до каждой китайской семьи. Транслирование происходило в те часы, когда максимальное число китайцев могли просматривать данную телепередачу. Существовала она вплоть до 1996 г., рассмотрены были около 844 различных социальных проблем, с которыми сталкивались китайские семьи в процессе построения социалистического общества. 59% из них касалась норм поведения, 29% – о нормах нравственности, 12% представляли собой воспитание жизненной позиции китайского гражданина **[18]**. Таким образом, правительство чётко определяло те стороны жизни общества, которые могли бы помешать в развитии социалистической страны, и посредством такого вида общения с китайскими семьями искореняло их.

В 1992 г. социальная реклама в Китае была введена в рамки так называемой "Оценки выставки рекламной продукции страны". Социальная

реклама как звено китайской рекламной отрасли была урегулирована торгово-промышленным управлением КНР, организовавшим свою деятельность "Месячником общественной рекламы" в 1996 г. и получившим от этого значимый результат. Затем каждый год выбирался один месяц, стимулировавший эту деятельность **[18]**. В этом же году в Пекине социальную рекламу начали размещать на общественном транспорте. Так пассажирский поезд Пекин – Циндао, номер T25/26, был первым, в котором была размещена китайская социальная реклама.

В 1997 г. Отдел пропаганды ЦК КПК, Управление промышленно-торговой организации страны, Министерство радио и телевидения, Управление информации и издания совместно выпустили документ "Кампании социальной рекламы", в котором было установлено, что каждый день в период с 19:00 до 20:00 на телевидении количество социальной рекламы должно составлять минимум 3% от общего объёма коммерческой рекламы, размещённой на телевидении. Таким образом, каналы передачи не были переполнены коммерческой рекламой, а также происходила агитация населения к строительству социалистического общества во всех сферах жизни.

Патриотическое воспитание в Китае являлось основным направлением в формировании сознания подрастающего китайского поколения. Китайское правительство уделяло этому первостепенное значение и активно использовало социальную рекламу в качестве механизма, формирующего заинтересованность китайских граждан в построении социалистического общества. В 2001 г. на основе реализации программы "Управление государством на основе нравственных норм" и идеологической концепции КПК "Тройное представительство" Отдел пропаганды ЦК КПК совместно с Центральным культурным кабинетом, Главным государственным управлением торгово-промышленной администрации КНР, Главным государственным управлением радио, кино и телевидения и др. установили на центральной телевизионной станции CCTV "Национальный конкурс идеологической и нравственной социальной рекламы". Так, начиная с 1 ноября 2001 г., происходила трансляция социальной рекламы длиной от 30 до 60 секунд не менее 22 раз в сутки, основными направлениями были "Коллективная сила", "Один флаг – одно любимое государство", "Я добиваюсь лучших результатов для любимого Китая". 1 апреля 2004 г. центральное телевидение "News Network" выпустили социальный ролик длительностью в одну минуту: "Труд создаёт жизненные ценности". Правительство КНР через использование патриотической социальной рекламы демонстрировало жителям Китая особую роль каждого китайского гражданина, значимость их ежедневного труда в жизни государства, их причастность в построении социалистического общества и великого государства.

В условиях развития современного общества социальная реклама пользуется большой популярностью в Китае. Она является прямым связующим звеном между политической элитой и всеми слоями китайского населения, а эффект от данного вида рекламы проявляется очень быстро и приносит огромную пользу государству. Высокий уровень творческого исполнения социальной рекламы обеспечивает максимальный отклик китайской аудитории. В 2003 г. Отделом пропаганды ЦК КПК, а также рядом других государственных ведомств КНР был выпущен приказ, что во всех СМИ КНР, в том числе и в Интернете, количество социальной рекламы от общего объёма выпускаемой рекламы должно составлять не менее чем 3% **[19]**. Телевизионная социальная реклама КНР, как правило, основана на сюжетах из жизни народа. Китайцы часто называют её "сказкой о жизни народа". В социальной рекламе находят отражение актуальные проблемы, с решением которых столкнулась или может столкнуться каждая китайская семья.

Особую популярность в начале XXI в. в Китае получила социальная реклама, популяризирующая здоровый образ жизни. Пропагандистские плакаты и ролики на телевидении оказывают значительное воздействие на китайских жителей. Анализируя китайскую социальную рекламу, необходимо отметить, что ключевой проблемой является борьба с курением как активным, так и пассивным. В современном Китае количество курильщиков увеличивается с каждым годом, возраст среднестатистического курильщика китайца с каждым годом становится всё младше. Для того чтобы предупредить китайские семьи о пагубном воздействии и серьёзных последствиях курения, появ-

ляется социальная реклама, содержащая следующие призывы: "Вы направляете дуло ружья на других людей! Пожалуйста, откажитесь от курения!", "Жизнь даётся только раз, зачем тратить её на сигареты?", "Тление сигареты – растрачивание жизни".

С конца XX в. одной из серьёзных социальных проблем в Китае является проблема распространения ВИЧ/СПИДа. В 1980-90-х гг. китайское правительство начинает реализацию национальных программ по повышению осведомлённости о ВИЧ среди китайского населения. Начинает распространяться социальная реклама, где демонстрируется здоровая и счастливая китайская семья с одним ребёнком. Эти плакаты сопровождались надписями "Счастливая семья и профилактика СПИДа". Но данная национальная программа потерпела крах. Дискриминация в отношении людей с ВИЧ приводила к тому, что эпидемия стала носить скрытый характер. Это в свою очередь усложняло разработку и реализацию эффективных программ по профилактике. Согласно данным Национального центра по борьбе со СПИДом и венерическими заболеваниями, в Китае зарегистрировано более 577000 людей, живущих с ВИЧ/СПИДом, что составляет 68% от предполагаемого числа инфицированных в мире. Сегодня получают лечение около 390000 больных **[2]**.

В настоящее время социальная реклама ориентирована на сохранение традиционных ценностей среди китайской молодёжи. Семейно-нравственные отношения являются главным объектом, на который направлено воздействие большого количество рекламных роликов, плакатов и прочей рекламной продукции. В современных условиях, под воздействием глобализационных процессов традиционные ценности китайского народа постепенно уступают место новым, по сути, западным ценностям, среди которых особо выделяются прагматизм, индивидуализм, материальное благополучие (обеспечение жильём, ценность потребления). Традиционные ценности, однако, не отрицаются как таковые, но адаптируются под современные условия, создавая некий синтез традиций и инноваций, что, в принципе, устраивает китайское общество и соответствует духу времени **[10]**.

Одной из базовых моделей социокультурных отношений в Китае с древних времён считалась модель семейных взаимоотношений, которая закрепилась благодаря конфуцианской нравственно-этической концепции и широко представлена в мифологии, религии, литературе и искусстве Китая. Китайской культуре свойственна преемственность, уважение древности и почитание старших, что обеспечивало на протяжении более чем двух тысячелетий стабильность и устойчивость существования китайской культуры, конфуцианских норм и традиций. Но под влиянием западной культуры в XX в., активизации глобализационных изменений в начале XXI в. у молодого поколения китайского общества формируются новые нормы морали, отличные от традиционного конфуцианского отношения к семейным ценностям **[8, с. 200]**.

Во-первых, ориентированность на социальный статус и успешность приводит к прагматичному подходу к браку. Во-вторых, у современных китайцев ярче проявлен эгоизм, нежелание тратить свою жизнь на семью (мужа и детей). И особенно это касается женщин, которые более ориентированы на социальную жизнь, а не на семейную в первую очередь. Установка государства жениться как можно позднее, а лучше вообще не жениться, которая активно реализовывалась до 1978 г., также снизила ценность семейных отношений. В-третьих, под влиянием революций и войн, которые пережил Китай в XX в., ещё более стала заметна невысокая ценность жизни как таковой, материнства и семьи. Распространяется отношение к семье как к необязательному союзу мужчины и женщины с целью заведения ребёнка, союзу, в котором партнёр легко заменим. Начиная с 2012 г., в Китае обострилась проблема разводов, впервые за более чем десятилетие рост числа разводов превысил рост числа браков. В сложившихся условиях широкое распространение получила социальная реклама в поддержку сохранения семьи. Наибольшую популярность приобрёл телевизионный ролик "Объятия", который постоянно демонстрируется не только на телевидении, но и в Интернете. Ключевая мысль этой социальной рекламы заключается в следующем: "Любовь. Не отпускайте её". По сюжету у молодой красивой пары наступает сложный период в жизни, молодой человек принимает решение подать на развод. Он протягивает документ о расторжении брака своей жене и просит подписать его. Девушка со слезами

на глазах, соглашается, но при условии, что ровно месяц он должен каждый день приходить к ней и просто обнимать её. Молодой человек соглашается. Девушка назначает свидание мужчине в один день в том месте, где они впервые встретились, на другой день, в месте, где он ей признался в любви, и так каждый день. За этот месяц молодой человек снова начал испытывать чувство любви к своей жене. Но в последний день девушка после объятий подаёт ему документ о разводе и уходит. Мужчина бежит за своей женой и кричит ей вслед: "Я всё ещё могу обнять тебя завтра?". Данная социальная реклама демонстрирует китайским семьям, находящимся в состоянии развода, что существует возможность вернуть прошлые отношения любви и сохранить семью, что, несмотря на большую статистику количества разводов, есть также статистика по тем, которые вернулись друг к другу и поженились снова.

В современном китайском обществе изменилось понимание термина "семья" среди молодёжи. Старшее поколение осознаёт под семьёй все связи (со всеми детьми, родителями, бабушками, внуками, и др.), молодое же поколение нередко сужает понятие семьи до "муж, жена, дети". Несмотря на исторически сложившуюся особенность в менталитете китайского народа, а именно почтение и особое уважение старшего поколения, в современном Китае сложилась немного иная ситуация. Ценность почитания старших нивелируется. Официальные власти возлагают ответственность за это на "культурную революцию", но основной причиной является развитие материальных факторов в городской жизни, растущее число работающей и зарабатывающей молодёжи, в результате чего нередко традиционное уважение к старшим подменяется отношениями, основанными на соотношении сил. Особенно ярко проявляется недостаток внимания старшему поколению китайцев, внуки и дети которых проводят большее количество времени на работе. Внимание современного китайца сосредоточено на получении экономических благ, карьера занимает значительное место в жизни китайца, семья отходит на второй план. В настоящее время в Китае получает распространение социальная реклама, направленная на почитание и уважение старших, на осуществление заботы о своих родителях, дедушках и бабушках. "Пусть Ваши родители тоже почувствуют Ваше внимание. Другое внимание, другое тепло"; "Пусть Ваши родители тоже почувствуют Ваше внимание. Другое внимание, другая радость"; "Пусть Ваши родители тоже почувствуют Ваше внимание. Другое внимание, другое счастье". Примечательно, что на плакатах с данной социальной рекламой изображаются пожилые люди, на фоне которых показаны дорогие украшения, с которыми и происходит специфичное сравнение тепла, радости и счастья.

Социальная реклама, которая призывает заботиться о пожилых гражданах, постоянно демонстрируется как на телевидении, так и в Интернете. Особую популярность приобрёл ролик, где по сюжету мать моет своего ребёнка и рассказывает сказку, затем укладывает его спать. Уложив ребёнка в постель, она начинает мыть ноги своей маме. Добрая старушка гладит дочку по волосам и нежно говорит: "Ты целый день занята на работе". "Мама, я не устала", – с улыбкой отвечает дочка. И, вернувшись в свою комнату, она видит своего ребёнка, держащего в руках полный таз с водой, который говорит: "Мама, давай я тебе расскажу сказку про маленькую уточку". Голос за кадром: "На самом деле родитель является самым лучшим учителем". Эта социальная реклама заставляет задуматься молодых китайцев о значимости почитания старших. Необходимо отметить, что в некоторых школах Китая даже показывают эти ролики для школьников как воспитательные фильмы **[6]**.

В социальной рекламе стараются донести главное, что "уважение к старшим и уход за родителями – это одна из ключевых конфуцианских добродетелей". На улицах китайских городов размещают социальную рекламу, в которой преподносится китайцам путь следования этой добродетели. "Правило 1: Почаще навещайте родителей вместе с супругом\супругой и детьми. Правило 2: Постарайтесь, насколько это возможно, проводить праздничные дни вместе с родителями. Правило 3: Устройте банкет на день рождения родителей. Правило 4: Сами готовьте своим родителям. Правило 5: Звоните родителям каждую неделю. Правило 6: Карманных денег у родителей не должно быть мало. Правило 7: Сделайте родителям "Карточку заботы" (распечатанная на принтере или написанная вручную карточка с указанием имени, адреса, телефона, болезнью и прочей важной информацией, чтобы пожилой чело-

век всегда носил с собой на случай, если ему вдруг станет плохо на улице). Правило 8: Внимательно слушайте родителей, когда они рассказывают о прошлом. Правило 9: Научите родителей пользоваться интернетом. Правило 10: Почаще фотографируйтесь с родителями. Правило 11: Свою любовь к родителям надо высказывать. Правило 12: Не заставляйте родителей переживать, объясняйте им свои поступки (дословный перевод "снимите камень с сердца у родителей"). Правило 13: Поддерживайте хобби своих родителей. Правило 14: Поддерживайте одиноких родителей жениться\выйти замуж вновь. Правило 15: В определённое время делайте родителям медицинское обследование. Правило 16: Купите родителям подходящую страховку. Правило 17: Почаще беседуйте с родителями по душам. Правило 18: Возьмите с собой родителей посетить важное мероприятие. Правило 19: Покажите родителям место, где вы работаете. Правило 20: Возьмите родителей в путешествие или в поездку по знакомым местам. Правило 21: Вместе с родителями занимайтесь зарядкой. Правило 22: Принимайте участие в деятельности родителей. Правило 23: Вместе с родителями посетите их старых друзей. Правило 24: Вместе с родителями посмотрите старое кино". Демонстрация данной социальной рекламы оказывает значительное воздействие на китайскую молодёжь, данные ролики не позволяют забывать о своих родителях, призывают детей помнить, что необходимо заботиться о пожилых гражданах КНР.

Распространение всемирной сети Интернет оказывает значительное влияние на формирование системы ценностей молодого поколения в Китае. В докладе о развитии китайской молодёжи, обнародованном Китайским центром по изучению проблем подрастающего поколения и отделом международных связей Центрального комитета Коммунистического союза молодёжи, отмечается тот факт, что на сегодняшний день глобализация оказывает серьёзное влияние на культуру и сферы потребления китайской молодёжи. В данном исследовании также делается акцент на том, что около 50% современной китайской молодёжи рассматривают популярные программы увеселительного характера из Европы и Америки в качестве своего выбора развлечений. Кроме того, сетевые игры и телесериалы Японии, Южной Кореи и других азиатских стран широко популярны среди молодёжи Китая. В современном Китае, как отмечается в докладе, миллионы подростков получают информацию посредством телевидения, кино и сетевых игр, в результате именно под их воздействием они формируют своё понимание добра и зла, истины и лжи, смотрят на жизнь и её ценности, определяют и формируют свои отношения с обществом. Потребление уже стало главной формой самовыражения и общепризнано современным подрастающим поколением в Китае.

В условиях распространения информационных технологий, в современном китайском обществе всё большее место занимают гаджеты. Миллионы китайцев своё свободное время проводят, проверяя информацию в смартфоне и просматривая обновления у виртуальных друзей в социальных сетях. Повальное увлечение Интернетом затягивает настолько, что люди не обращают внимания на то, что происходит вокруг. Даже со своими родными большей частью общаются посредством социальных сетей, а не в реальной жизни. Центр психологических исследований в китайском городе Шэньян заказал рекламному агентству Ogilvy (г. Пекин) несколько социальных плакатов, которые наглядно показывают последствия чрезмерного увлечения гаджетами. Чтобы предотвратить губительные последствия развития инновационных технологий для реального общения между людьми, в Китае получила распространение социальная реклама под лозунгами "Чем больше связей, тем меньше связей", "Чем больше ты на связи, тем меньше у тебя связи с окружающими". Автором оригинальной социальной рекламы стал молодой китайский дизайнер Шиянг Хе. На плакатах социальной рекламы изображены члены семьи, занимающиеся своими обыденными делами, но между ними размещается стена из огромного телефона. Данная социальная реклама актуализирует проблему того, что в современных китайских семьях все члены семьи проводят больше времени в социальных сетях, в сравнении с личным общением с родными и близкими людьми. Интернет является "стеной" между родственниками. Возможно, из подобного способа социализации и вытекает вышеупомянутая проблема среди китайцев, межпоколенная разобщённость, а также отсутствует понимание необходимости в заботе о пожилых людях.

Успехи современного Китая основываются на постоянном и упорном труде каждого китайского гражданина. Любовь к труду, целеустремлённость и терпение стремятся привить родители детям в китайских семьях. Каждый родитель надеется, что его ребёнок будет самым талантливым, образованным и успешным. Развитию и обучению детей уделяют значительное внимание в китайском обществе. Китайские дети с ранних лет привыкают трудиться каждый день, осваивая новые навыки и умения. Требовательные родители и строгие педагоги устанавливают жёсткие рамки, которым должен соответствовать ребёнок. В настоящее время всё больше получает распространение социальная реклама под лозунгом "Необходимо вернуть детям воскресенье", призывающая китайских родителей не нагружать детей занятиями во всё свободное детское время. На телевидении и в Интернете популярна социальная реклама, призывающая постоянно занятых работой родителей проводить свободное время с детьми.

Анализируя социальную рекламу, посвящённую проблемам детей в китайском обществе, необходимо отметить, что в последнее время получил распространение социальный проект "Невидимые дети Китая" или "Дети-хамелеоны – жители Китая". По данным международного чрезвычайного фонда помощи детям ООН Unicef, в Китае живёт более полутора миллиона неимущих детей, которых никто не замечает. Чтобы осветить эту проблему, рекламное агентство Ogilvy & Mather Shanghai разработало эту социальную кампанию, которая призывает всё-таки обратить внимание на несчастных детей и помочь им. На социальных плакатах изображаются нищие и бездомные китайские дети, которые незаметно сливаются с фасадами зданий, автобусных остановок, подземных переходов. Для китайского общества это достаточно сложная проблема, которая заслуживает пристального внимания не только со стороны властей, но и рядовых китайских граждан, которые могут не оставаться безучастными, а помочь этим бедным детям.

Таким образом, регионоведческий анализ эволюции социальной рекламы по вопросам семьи, материнства и детства в Китае позволяет определить не только наиболее острые проблемы китайского общества, но и выделить примерные пути их решения. Начиная с 1978 г., в социальной рекламе Китая находят отражение проблемы, связанные с вопросами семьи, материнства и детства. Использование социальной рекламы в рамках планирования деторождения и реализации политики "одна семья – один ребёнок" в 1980-е гг. оказало влияние на сокращение количества рождений, в котором было заинтересовано китайское правительство. Вся рекламная продукция, отражающая специфику патриотического воспитания подрастающего поколения, направлена на общегосударственные задачи построения социалистического общества. Борьба за здоровый образ жизни занимает особое место в социальной рекламе Китая и популяризирует в современных китайских семьях отказ от курения, предотвращение заболеваний СПИДом. Большая часть социальной рекламной продукции посвящена сохранению ценности почитания старших в условиях распространения среди молодых китайцев прагматичного подхода к семье. Регионоведческий анализ показывает, что в Китае особое распространение получает социальная реклама с призывом заботиться о своих родителях, дедушках и бабушках. Китайская социальная реклама направлена на сохранение крепких семей, сокращение количества разводов. Социальная реклама в КНР занимает весомое положение, так как является прямым связующим звеном между политическим руководством и всеми слоями китайского общества, а эффект от использования социальной рекламы достигается в короткие сроки и приносит огромную пользу государству.

Литература

1. Аронсон О.В. О социальной рекламе // Индекс. 1998. № 6. С. 34–45.
2. Денисов И. Второй не лишний. Москва. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://m.lenta.ru/articles/2015/11/06/morechinesechildren/ (дата обращения: 2.01.2018).
3. Думанская К.С. Лингвистические и культурные особенности печатной и наружной социальной рекламы в Китае // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 82–91.

4. Китай начнёт бесплатное лечение инфицированных ВИЧ / СПИДом. Москва. 2016 // [Электронный ресурс]. URL: https://laowai.ru/kitaj-nachnyot-besplatnoe-lechenie-inficirovannyx-vich-spidom/ (дата обращения: 27.12.2017).
5. Козлова Н.В., Цзян Хуа. Коммерческая и социальная реклама в Китае // Экономика и менеджмент: Социальное и экономическое развитие АТР: проблемы, опыт, перспективы. 2013. № 1. С. 94–98.
6. Лю Сяо Нань. Социальная реклама на китайском телевидении: особенности функционирования // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. 2014. № 4. С. 110–113.
7. Ма Лия. К вопросу об особенностях социальных рекламных коммуникаций в современном китайском обществе // Социодинамика. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_14458.html (дата обращения: 03.02.2018).
8. Макеева С.Б. Современные ценностные ориентации китайской молодёжи (глобализационный аспект) // Готлибовские чтения: Азиатско-тихоокеанский регион в контексте глобального развития: Материалы Международной-научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. С. 199–204.
9. Матвеева А.А. Особенности социальной рекламы в Китае // Экономика и управление: проблемы и решения. 2015. № 6. С. 60–65.
10. Морозова В.С. Глобализация и её влияние на ценностные ориентации китайской молодёжи // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. № 9. С. 2–7.
11. Троценко Л.А., Хуан Минтин. Социальная реклама на китайском телевидении // Учёные заметки Тихоокеанского государственного университета. 2016. Т. 7. № 2. С. 340–343.
12. Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации. СПБ. : Питер, 2003. 400 с.
13. Хакимова И.З., Чернышёва М.А. Китайская социальная реклама: приёмы речевого воздействия // Электронный научный журнал "АР-Консалт". 2017. № 19. С. 299–233.
14. Цзюань Гао. Китайская реклама: опора на традиционное потребительское поведение // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 1. С. 91–93.
15. Цзяо Чж., Березовская Я.Л. Особенности китайских рекламных текстов // Язык. Литература. Коммуникации. 2015. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://journals.susu.ru/lcc/article/view/109/293 (дата обращения: 03.02.2018).
16. Шабалина О.И. Символика guanxi в китайской рекламе // Реклама. Теория и практика. 2011. Т. 6. С. 334–352.
17. Шабалина О.И. Моделирование эмоционального поведения персонажей в китайской, российской и казахской рекламе // Практический маркетинг. 2012. № 3. С. 181.
18. 1949年到1982年：中国广告进入稚嫩的原始期 [Электронный ресурс]. URL: http://ent.qq.com/a/20090928/000278_2.htm (дата обращения: 23.12.2017).
19. 熊澄宇 文化产业研究战略与对策 / 熊澄宇. 出版社 : 清华大学出版社, 2006. 219 页. (дата обращения: 2.01.2018).
20. 2014-2018年中国广告市场容量测算及细分市场规模预测 [Электронный ресурс]. URL: http://www.chyxx.com/industry/201411/294994.html (дата обращения: 21.09.2017).
21. 傳統媒體進入新媒體年代－難關還是機遇 [Электронный ресурс]. URL: http://rthk.hk/mediadigest/20101214_76_122697.html (дата обращения: 23.11. 2017).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aronson O.V. O sotsial'noj reklame // Indeks. 1998. № 6. S. 34–45.
2. Denisov I. Vtoroj ne lishnij. Moskva. 2015 [EHlektronnyj resurs]. URL: https://m.lenta.ru/articles/2015/11/06/morechinesechildren/ (data obrashheniya: 2.01.2018).
3. Dumanskaya K.S. Lingvisticheskie i kul'turnye osobennosti pechatnoj i naruzhnoj sotsial'noj reklamy v Kitae // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2010. № 1. S. 82–91.
4. Kitaj nachnyot besplatnoe lechenie infitsirovannykh VICH / SPIDom. Moskva. 2016 // [EHlektronnyj resurs]. URL: https://laowai.ru/kitaj-nachnyot-besplatnoe-lechenie-inficirovannyx-vich-spidom/ (data obrashheniya: 27.12.2017).
5. Kozlova N.V., TSzyan KHua. Kommercheskaya i sotsial'naya reklama v Kitae // EHkonomika i menedzhment: Sotsial'noe i ehkonomicheskoe razvitie ATR: problemy, opyt, perspektivy. 2013. № 1. S. 94–98.
6. Lyu Syao Nan'. Sotsial'naya reklama na kitajskom televidenii: osobennosti funktsionirovaniya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Seriya: obshhestvennye nauki. 2014. № 4. S. 110–113.

7. Ma Liya. K voprosu ob osobennostyakh sotsial'nykh reklamnykh kommunikatsij v sovremennom kitajskom obshhestve // Sotsiodinamika. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_14458.html (data obrashheniya: 03.02.2018).
8. Makeeva S.B. Sovremennye tsennostnye orientatsii kitajskoj molodyozhi (globalizatsionnyj aspekt) // Gotlibovskie chteniya: Aziatsko-tikhookeanskij region v kontekste global'nogo razvitiya: Materialy Mezhdunarodnoj-nauchno-prakticheskoj konferentsii. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2017. S. 199–204.
9. Matveeva A.A. Osobennosti sotsial'noj reklamy v Kitae // EHkonomika i upravlenie: problemy i resheniya. 2015. № 6. S. 60–65.
10. Morozova V.S. Globalizatsiya i eyo vliyanie na tsennostnye orientatsii kitajskoj molodyozhi // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 9. S. 2–7.
11. Trotsenko L.A., KHuan Mintin. Sotsial'naya reklama na kitajskom televidenii // Uchyonye zametki Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. T. 7. № 2. S. 340–343.
12. Fedotova L.N. Sotsiologiya massovoj kommunikatsii. SPB. : Piter, 2003. 400 s.
13. KHakimova I.Z., CHernyshyova M.A. Kitajskaya sotsial'naya reklama: priyomy rechevogo vozdejstviya // EHlektronnyj nauchnyj zhurnal "AR-Konsalt". 2017. № 19. S. 299–233.
14. TSzyuan' Gao. Kitajskaya reklama: opora na traditsionnoe potrebitel'skoe povedenie // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 1. S. 91–93.
15. TSzyao CHzh., Berezovskaya YA.L. Osobennosti kitajskikh reklamnykh tekstov // YAzyk. Literatura. Kommunikatsii. 2015. № 2. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://journals.susu.ru/lcc/article/view/109/293 (data obrashheniya: 03.02.2018).
16. SHabalina O.I. Simvolika guanxi v kitajskoj reklame // Reklama. Teoriya i praktika. 2011. T. 6. S. 334–352.
17. SHabalina O.I. Modelirovanie ehmotsional'nogo povedeniya personazhej v kitajskoj, rossijskoj i kazakhskoj reklame // Prakticheskij marketing. 2012. № 3. S. 181.
18. 1949年到1982年：中国广告进入稚嫩的原始期 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://ent.qq.com/a/20090928/000278_2.htm (data obrashheniya: 23.12.2017).
19. 熊澄宇 文化产业研究战略与对策 / 熊澄宇. 出版社 : 清华大学出版社, 2006. 219 页. (data obrashheniya: 2.01.2018).
20. 2014-2018年中国广告市场容量测算及细分市场规模预测 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.chyxx.com/industry/201411/294994.html (data obrashheniya: 21.09.2017).
21. 傳統媒體進入新媒體年代–難關還是機遇 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://rthk.hk/mediadigest/20101214_76_122697.html (data obrashheniya: 23.11. 2017).

Макеева С.Б. Отражение проблем семьи, материнства и детства в социальной рекламе Китая (регионоведческий аспект).

На основе использования регионоведческого подхода рассматривается эволюция института социальной рекламы в Китае с 1978 г. по настоящее время, выделяются основные социальные проблемы, связанные с вопросами семьи, материнства и детства. Автор анализирует данные ключевые проблемы, пути их решения, которые получили распространение в социальной рекламной продукции КНР в период с 1978 г. – по настоящее время. На основе анализа социальной рекламы Китая выделяются особенности политики планового деторождения в КНР в 1980-е гг.; рассматриваются закономерности патриотического воспитания подрастающего китайского поколения; выявляются основные направления популяризации здорового образа жизни в китайских семьях; выделяются проблемы, связанные с сохранением ценности почитания старших; анализируются причины распространения среди китайских детей призыва к необходимости заботиться о своих престарелых родителях, пожилых гражданах КНР; определяются разрушительные последствия распространения информационных технологий для семейных взаимоотношений в Китае; актуализируется необходимость разрешения острой социальной проблемы китайских "невидимых" детей.

Ключевые слова: *регионоведческий подход, рекламная продукция, социальная реклама, китайское общество, социальные проблемы, политика "одна семья – один ребёнок", плановое деторождение, общественное мнение, патриотическое воспитание, профилактика СПИДа, традиционные ценности, семейные взаимоотношения, почитание старших, "невидимые дети", информационные технологии, социальные сети, межпоколенная разобщённость, информационная "стена"*

Makeeva S.B. Reflection of problems of family, motherhood and childhood in social advertising in China (regional studies aspect).

Based on the use of regional studies approach considers the evolution of the Institute of social advertising in China from 1978 to the present, highlights the major social problems associated with issues of family, motherhood and childhood. The author analyses the key problems, ways of their solution, which was spread in social of the promotional products of China in the period 1978 – present. Based on the analysis of social advertising China special features of a policy of planned births in China in the 1980-ies; discusses the patterns of Patriotic education of the younger Chinese generation, identifies the main directions of promoting a healthy lifestyle in Chinese families, it highlights concerns related to the preservation of the values of honoring elders, analyzes the reasons for the distribution among Chinese children call in need to care for their aging parents, elderly Chinese citizens; determined the devastating consequences of the spread of information technology to family relations in China; actualizarea the need to resolve acute social problems of the Chinese "invisible" children.

Key words: *regional studies approach, promotional products, social advertising, Chinese society, social problems, the policy of "one family – one child", planned procreation, the public opinion, Patriotic education, AIDS prevention, traditional values, family relationships, reverence for elders, the "invisible children", information technology, social networks, intergenerational divisions, the information "wall"*

Для цитирования: Макеева С.Б. Отражение проблем семьи, материнства и детства в социальной рекламе Китая (регионоведческий аспект) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 19–30. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/19-29

For citation: Makeeva S.B. Reflection of problems of family, motherhood and childhood in social advertising in China (regional studies aspect) // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 3-16. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/19-29

◆

УДК 316.334.52

Высоцкая А.В.

Система среднего общего образования в российских регионах: построение имитационной модели

Образование – это сфера социальной жизни, с которой ежедневно в разной форме и степени сталкивается каждая семья в каждом регионе Российской Федерации. Индикаторы оценки, в том числе, уровня среднего общего (полного) образования становятся сегодня не только средством диагностики качества образования, но и средством управляющего воздействия на образовательный процесс, который должен обеспечить положительную динамику тех показателей, по которым оценивают развитие общества в целом.

Образование является важным ресурсом не только для индивидуального, но и общественного развития **[16]**.

Исследованием проблем функционирования и моделированием российской системы образования учёные стали заниматься с 1992 г., вскоре после вступления в силу закона "Об образовании". Ананишнев В.М.,Фурсов В.В. рассматривали теоретические проблемы моделирования в сфере образования, критерии и показатели эффективности деятельности образовательных учреждений, а также технологии управления в сфере образования **[1]**.С 2002 г. национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики "проводится мониторинг экономики образования, который обеспечивает формирование информационной базы, необходимой для анализа, моделирования и прогноза развития сферы образования **[6]**.

Исследованием образования в разрезе образовательного неравенства занимается группа учёных под руководством Д.Л. Константиновского в центре социологии образования, науки и культуры Института социологии Российской академии наук **[5, 7]**.

После введения ЕГЭ учёные активно включились в процесс изучения данного явления. Специалисты различных сфер деятельности пытаются установить связь между баллами ЕГЭ и качеством образовательной подготовки в российских школах, выявить региональные особенности и обосновать региональные отличия результатов ЕГЭ **[11]**.

Целью данного исследования выступает имитационное моделирование региональных систем общего среднего образования для установления причинно-следственных отношений между элементами системы, а также их математическое обоснование.

Методологической основой моделирования регионального развития среднего (полного) общего образования является системный анализ, нацеленный на построение обобщённой (единой) модели объекта, отражающей важнейшие факторы и взаимосвязи реальной системы.

Изучение статистических данных, касающихся социально-экономических характеристик субъектов РФ, а также региональных систем общего образования, позволило сформировать набор из 30 управляющих факторов, воздействующих на результативность ЕГЭ. Анализируемые параметры разбиты на три уровня: "Демография" (9 показателей), "Общее образование" (14 показателей), "Экономика и инфраструктура региона" (7 показателей) **[15]**.

Количественное наполнение этих 30-ти управляющих факторов, а также целевого фактора (средний балл ЕГЭ) осуществлялось посредством обращения к источникам статистической информации. Были выбраны три периода наблюдения: 2013/14, 2014/15 и 2015/16 учебные годы. Статистические данные для изучения были взяты из сборников "Регионы России" **[10]**, единой

© *Высоцкая А.В., 2018*

ВЫСОЦКАЯ Алёна Валерьевна, и.о. заведующего кафедрой "Информационные системы" Комсомольского-на-Амуре государственного университета *(г. Комсомольск-на-Амуре).* **E-mail:** al-w-buaa@rambler.ru

межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), а также информационно-аналитических отчётов региональных центров обработки информации (РЦОИ) и региональных центров оценки качества образования (РЦОКО).

Региональная система образования – это сложная динамическая система, находящаяся в постоянном взаимодействии с внешней средой, представленной демографическими, социально-экономическими, природно-экологическими и другими показателями региона.

Системный анализ предполагает определение "Входов" и "Выходов", "Внешней среды", а также структурных элементов самой системы. В соответствии с п. 4 ст. 10 Федерального закона № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. "Об образовании в Российской Федерации" **[14]**, в Российской Федерации устанавливаются следующие уровни общего образования: дошкольное, начальное общее, основное общее и среднее общее образование.

Задачей данного этапа исследования является декомпозиция среднего (полного) образования, который охватывает уровни "начальный", "основной" и "средний". Поэтому "Вход" системы предполагает выделение потока детей, переходящих с уровня дошкольного образования на уровень начального школьного образования. "Выходом" будет являться "Уровень ЕГЭ" как показатель освоения Федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования.Он определяется нами как среднее от суммы средних баллов ЕГЭ в регионах поматематике профильного уровня и русскому языку за период 2014–2016 гг.

В дальнейшей детализации нуждаются как потоки обучающихся, так и показатели перехода с одного на другой уровень образовательной системы. Что касается общего потока учащихся, то в дальнейшем из него будет выделен поток детей с ограниченными возможностями здоровья, поток детей-правонарушителей и преступников, поток детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Эта детализация обусловлена наличием специальных образовательных учреждений, условий, методови специальных образовательных программ для этих групп детей.

Показатели перехода с одного на другой уровень образовательной системы будут являться "Выходами"; для начального уровня – предметные и метапредметные результаты **[12]**, при этом результаты по всем основным разделам учебной программы, как минимум, с оценкой "зачтено" ("удовлетворительно"), а результаты выполнения итоговых работ с правильным выполнением не менее 50 % заданий базового уровня.Для оценки основного общего образования (5-9 класс) стандарт устанавливает проведение государственной (итоговой) аттестации обучающихся в форме Основного государственного экзамена (ОГЭ)или Государственного выпускного экзамена (ГВЭ-9).В соответствии с требованиями стандарта аттестация выпускников программ среднего образования принимает форму единого государственного экзамена (ЕГЭ) или ГВЭ-11 **[13]**.

Связи "Входов", "Выходов" и "Внешней среды" будет осуществляться с использованием инструмента имитационного моделирования. Это наглядный инструмент понимания и проверки, позволяющий учитывать как дискретные, так и непрерывные факторы, атакже случайные воздействия на систему **[2]**.

Исходными данными для имитационного моделирования служат уравнения регрессии, построенные для трёх периодов: 2013/14, 2014/15, 2015/16 учебные годы. В данных уравнениях У – это "Уровень ЕГЭ", а Х – это показатели одной их трёх подсистем: "Демография", "Общее образование", "Экономика и инфраструктура региона", влияющих на У:

$$Y_{2013/2014} = 60{,}5 - 0{,}31 \cdot x_1 - 0{,}64 \cdot x_{16} - 0{,}078 \cdot x_{18}, \quad (1)$$

$$Y_{2014/2015} = 46{,}4 - 0{,}085 \cdot x_{18} - 0{,}129 \cdot x_{27} + 0{,}301 \cdot x_{18}, \quad (2)$$

$$Y_{2013/2014} = 83{,}81 - 0{,}224 \cdot x_1 - 0{,}2 \cdot x_{10} - 0{,}08 \cdot x_{18}. \quad (3)$$

Где x1 – "Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума"; x10 – "Отношение средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего образования к средней заработной плате в регионе"; x16 – Удельный вес вечерних общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций; x18 – "Доля госу-

дарственных (муниципальных) общеобразовательных организаций, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общей численности государственных (муниципальных) учреждений"; x27 – Удельный вес домохозяйств, имеющих ПК с доступом к интернету, %; x29 – Уровень занятости населения.

Итоговое значение результирующего показателя "Уровень ЕГЭ в регионе" определяется по комбинированному уравнению множественной регрессии (4).

$$\text{Уровень_ЕГЭ}=A+X1*\text{Доля_насел_ддоход_ми}+X10*\text{Отнош_зп_пед_регион}+ X16*\text{Доля_вечерн_шк}+X18*\text{Доля_неблагоуст_шк}+X27*\text{Уд_весПК_Интерн}+ +X29*\text{Ур_занят_насел} \quad (4)$$

Для перехода к имитационному моделированию опишем присутствующие в регрессионных уравнениях управляющие (X) и целевой (y) факторы в терминах системной динамики, т.е. перекодируем их в накопители, динамические переменные и параметры **[15]**. Полученные данные представлены в *таблице 1*.

Табл. 1. Элементы модели "Средний балл ЕГЭ в регионах" и исходные значения для проведения экспериментов

Фактор	Обозначение в модели, элемент модели, единица измерения	Значение по умолчанию	Диапазон значений
Средний балл ЕГЭ в регионе	Уровень_ЕГЭ, Динамическая переменная, балл	Определяется по формуле 4	0–100
Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ	Расходы_бюдж, Накопитель, Млн.руб.	0	0–∞
Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ на образование	Расходы_на_Образ, Динамическая переменная, Млн.руб.	11 773	11 773,6–1 534 246
Численность городского населения в регионе	Числ_гор_насел, Накопитель, Чел.	0	0–∞
Общая численность населения региона	Числ_насел, Параметр, регулируемое значение, Чел.	150	150–12 108,3
Численность населения в регионе, имеющая доход ниже прожиточного минимума	Населён_с_мин_доход, Динамическая переменная, Чел.	0	0–12 108,3
Численность занятого населения	Числ_занят_насел, Динамическая переменная, Чел.	0	0–12 108,3
Средняя заработная плата педагогических работников образовательных учреждений	Зп_пед_работн, Параметр, регулируемое значение, Руб.	25 144	12 733–70 000
Среднемесячная начисленная заработная плата работников	Ср_зп_региона, Параметр, регулируемое значение, Руб.	25 928	11 311–66 000
Отношение средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего образования к средней заработной плате в регионе	Отнош_зп_пед_регион, Динамическая переменная, %.	0	0–∞
Удельный вес домохозяйств, имеющих ПК с доступом к интернет	Уд_вес_ПК_Интер, Параметр, регулируемое значение, %	59,7	1–91,7

Источник: составлено автором

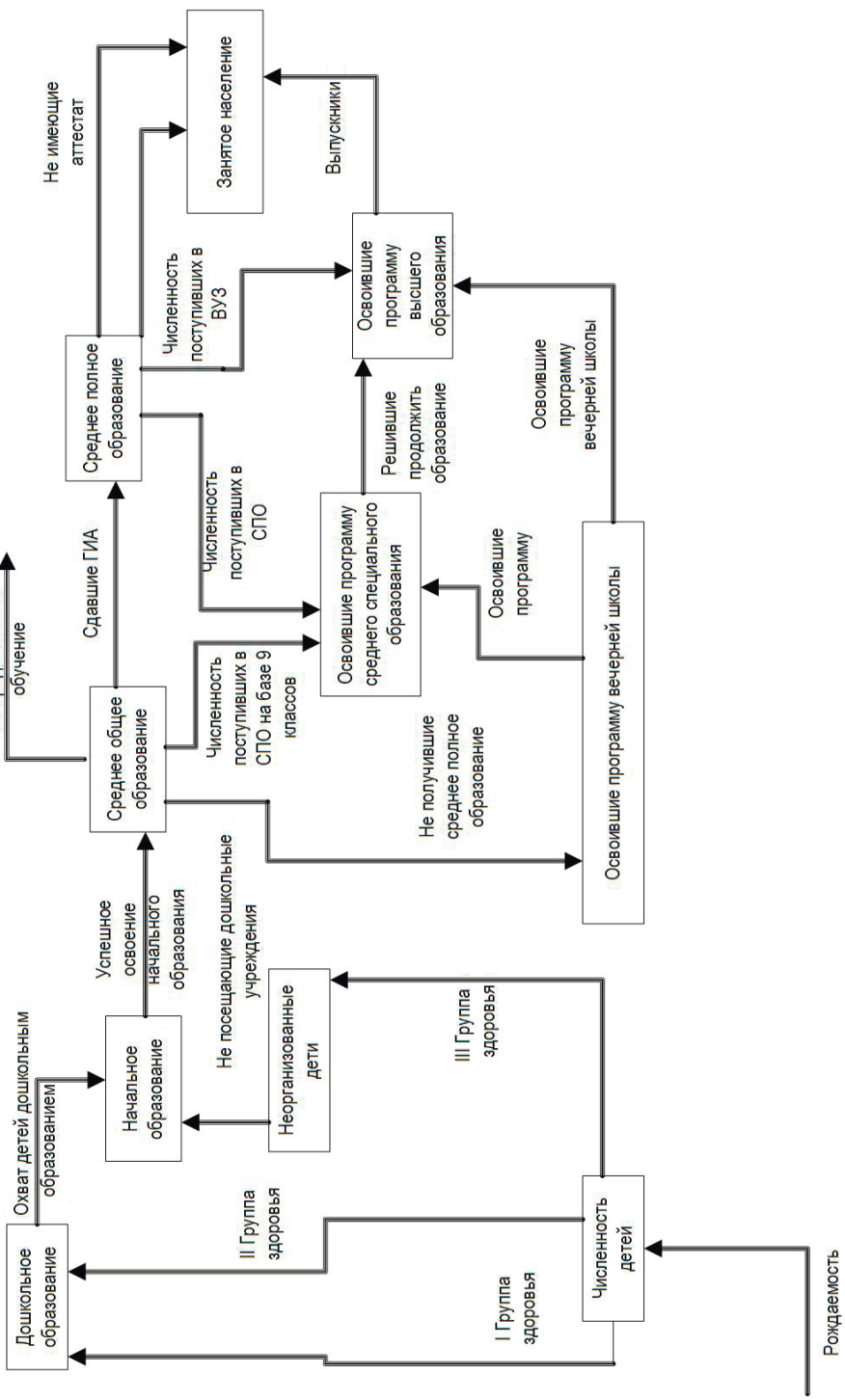

Схема 1. Агрегированная модель образования в регионах РФ

Помимо указанных в таблице элементов в итоговую модель будут включены константа "А", коэффициенты влияния, регулируемые параметры.

Исходное значение регулируемых параметров и динамических переменных по умолчанию задаётся как среднее от данныхпо 75 регионам(на конец 2013 г.). Динамические переменные и накопители, имеющие значение по умолчанию 0, меняют свою величину в момент запуска имитационной модели под воздействием прямых и обратных связей. 2013/14 учебный год взят нами как базовый потому, что именно в 2014 г. Рособрнадзор провёл ряд мероприятий, которые помогли избежать утечки контрольно-измерительных материалов и создать для каждого региона РФ равные условия для сдачи ЕГЭ **[4]**.

Созданная системно-динамическая модель общего и профессионального образования в РФ содержит описание структуры системы образования и определяет характер взаимодействия различных её частей. Графическая модель *(схема 1)*, реализована в программе MicrosoftVisio 2016, предназначенной для создания схем, организационных диаграмм, блок-схем, планов и визуализации информации **[10]**.

Агрегированная модель позволяет определить направления потоков детского населения, начиная от потока "Рождаемость", через все уровни общего образования: дошкольное, начальное, среднее основное, среднее общее и три уровня профессионального образования: среднее профессиональное; высшее образование– бакалавриат; высшее образование – специалитет, магистратура.

Модель также отражает цикличные процессы обучения, в случае, если ученик не переходит на следующий уровень образования, а возвращается на предыдущий этап, а также имеет внешний выход из системы образования, обозначенный как "Трудовая деятельность", что является входным потоков в накопителе "Численность занятого населения".

Построенная математическая модель *(формула 4)* отражает детализированную модель причинно-следственных связей факторов и результирующего показателя. К регулируемым параметрам и динамическим переменным прикреплены бегунки, позволяющие менять исходные значения и проводить эксперименты. При запуске модели в среде AnyLogic© , где исходные данные взяты как среднее по выборке за 2013/14 учебный год, получен результирующий показатель ЕГЭ в 53,703 балла. Фактический средний результат сдачи ЕГЭ в 2013/14 уч.году по 75 регионам РФ составил 53,702 балла, таким образом уровень прогнозирования значения, полученное в результате вычислительного эксперимента составила составил 99, 998%.

Если при запуске модели изменить исходные данные на средние значения 2014/15 уч.г., то смоделированный "Уровень ЕГЭ" будет 55,683 балла, при фактическом среднем показателе 55,95 балла, т.е. точность смоделированного значения 99,52%.

При моделировании по средним результатам и показателя 2015/16 уч.г. точность прогноза имитационной модели составляет 99,7% (значение по эксперименту 57,136 балла, фактическое среднее 56,97 балла).

При запуске модели, по желанию, можно менять один или несколько параметров, таким образом, без привлечения специальных средств, можно провести детерминированный факторный анализ методом цепной подстановки.

Так, изменив от исходных данных только параметр "Доля государственных (муниципальных) общеобразовательных организаций, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общей численности государственных (муниципальных) учреждений" (поскольку, влияние этого фактора на результирующий показатель выявлено в каждом из рассматриваемом периоде) с 12,88 до 11,592% (снижение показателя на 10%), без изменения коэффициента влияния "х18", "Уровень ЕГЭ" повысился с 53,703 до 53,804 баллов, т.е. 0,18%.

Для дальнейшего изменения был выбран фактора "Удельный вес вечерних общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций" (поскольку в реальных социально-экономических условиях данный показатель поддаётся регулированию, по сравнению с такими факторами, как "Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума"или "Уровень занятости населения"). Если снизим долю вечерних об-

разовательных организаций с 2,491 до 1%, то показатель "Уровень ЕГЭ" при неизменности других факторов увеличится до 54,759 баллов, по сравнению с предыдущим значением 53,804 балла, т.е. относительный прирост составил 1,77%.

Подобным образом, можно спроектировать состояние "Уровень ЕГЭ в регионе" для любого субъекта Российской Федерации, комбинируя значения управляющих факторов и устанавливая им не среднегодовое значение по стране, а вводя показатели, достигнутые конкретным регион РФ в определённый период. Созданная модель показала высокий уровень надёжности прогнозирования, поэтому анализ возможных / желаемых/ целевых сценариев, будет обладать высокой степенью достоверности.

Таким образом, построенная имитационная модель "Уровень ЕГЭ в регионе" представляет фрагмент оценки и управления показателями освоения программы общего среднего (полного) образования, на основе результатов анализа наиболее существенных демографических, институциональных и экономико-инфраструктурных факторов. Модель позволяет провести имитацию процесса управления региональными ресурсами и сглаживания региональных рисков.

Предложенная методика обработки и анализа данных будет использована в дальнейшем для оценки успешности освоения программ среднего общего образования по результатам ГИА и для построения имитационной модели, которая позволит оценить "успешность освоения образовательных программ" при текущих региональных условиях, оптимизировать показатели понижающего и стимулирующего характера, а также определить оптимальную структуру и значения параметров модели.

Литература

1. Ананишнев В.М. Моделирование в сфере образования // Системная психология и социология. 2010. № 2 (1). [Электронный ресурс]. URL: http://systempsychology.ru/journal/2010_1_2/36-ananishnev-vm-modelirovanie-v-sfere-obrazovaniya.html (дата обращения: 01.12.2017).

2. Васильев К. К., Служивый М. Н. Математическое моделирование систем связи : учебное пособие. [Электронный ресурс]. URL: http://sernam.ru/book_mm.php?id=5. (дата обращения: 09.10.2017).

3. ЕГЭ, ОГЭ, ГВЭ и ГИА: как не запутаться в школьных экзаменах // Официальный сайт образовательного портала start2study.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.start2study.ru/blog/ege-oge-gve-gia. (дата обращения: 03.11.2017).

4. История Единого государственного экзамена в России // Специализированное издание по образованию "ГлавСправ". [Электронный ресурс]. URL: http://edu.glavsprav.ru/spb/ege/history. (дата обращения: 25.12.2017).

5. Константиновский Д.Л., Чередниченко Г.А. и др. Российская молодежь в динамике десятилетий. Статистические материалы и результаты исследований: [монография]. М.: IS RAS. 2017. 167 с.

6. Мониторинг экономики образования. // Официальный сайт национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" [Электронный ресурс]. URL: https: / /memo.hse.ru/ (дата обращения: 12.11.2017).

7. Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Сборник научных трудов. // Центр социологических исследований. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/index.php? page_id=1198&id=4550 (дата обращения: 10.11.2017).

8. Остапенко Р.И. Использование структурных уравнений в моделировании процессов управления образованием // Управление образованием: теория и практика. 2013. № 4912. С. 1–8.

9. Приказ Минобрнауки России № 1645 от 29 декабря 2014 года "О внесении изменений в приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования"" // Министерство образования и науки Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://минобрнауки.рф/документы/5185 /файл/4110/Prikaz_№ _1645_ot_29.12.2014.pdf (дата обращения: 16.11.2017).

10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат. сб. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main /rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 06.10.2017).

11. Социология образования. Труды по социологии образования. 2010 . Т. 14. Вып. 24. 191 с.

12. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (1–4 кл.) // Министерство образования и науки Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://минобрнауки.рф /документы/922/файл/748/ФГОС.pdf (дата обращения: 01.11.2017).
13. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (10–11 кл.) // Министерство образования и науки Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://минобрнауки.рф/документы/2365 (дата обращения: 01.11.2017).
14. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с изменениями 2017–2016 года) // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http:/ / минобрнаукиюрф/документы/2974 (дата обращения: 12.09.2017).
15. Филипова А.Г., Высоцкая А.В. Методика построения имитационной модели (на примере среднего балла ЕГЭ в российских регионах) // Вестник института социологии. 2017. № 4, Том 8. С. 71–89.
16. Филипова А.Г. Институт образования как субъект защиты детства // Человек и образование. 2010. № 4. С. 4–9.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ananishnev V.M. Modelirovanie v sfere obrazovaniya // Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya. 2010. № 2 (1). [EHlektronnyj resurs]. URL: http://systempsychology.ru/journal/2010_1_2/36-ananishnev-vm-modelirovanie-v-sfere-obrazovaniya.html (data obrashheniya: 01.12.2017).
2. Vasil'ev K. K., Sluzhivyj M. N. Matematicheskoe modelirovanie sistem svyazi : uchebnoe posobie. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://sernam.ru/book_mm.php?id=5. (data obrashheniya: 09.10.2017).
3. EGEH, OGEH, GVEH i GIA: kak ne zaputat'sya v shkol'nykh ehkzamenakh // Ofitsial'nyj sajt obrazovatel'nogo portala start2study.ru. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.start2study.ru/blog/ege-oge-gve-gia. (data obrashheniya: 03.11.2017).
4. Istoriya Edinogo gosudarstvennogo ehkzamena v Rossii // Spetsializirovannoe izdanie po obrazovaniyu "GlavSprav". [EHlektronnyj resurs]. URL: http://edu.glavsprav.ru/spb/ege/history. (data obrashheniya: 25.12.2017).
5. Konstantinovskij D.L., CHerednichenko G.A. i dr. Rossijskaya molodezh' v dinamike desyatiletij. Statisticheskie materialy i rezul'taty issledovanij: [monografiya]. M.: IS RAS. 2017. 167 s.
6. Monitoring ehkonomiki obrazovaniya. // Ofitsial'nyj sajt natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshaya shkola ehkonomiki" [EHlektronnyj resurs]. URL: https: / /memo.hse.ru/ (data obrashheniya: 12.11.2017).
7. Obrazovanie i nauka v Rossii: sostoyanie i potentsial razvitiya. Sbornik nauchnykh trudov. // TSentr sotsiologicheskikh issledovanij. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.isras.ru/index.php? page_id=1198&id=4550 (data obrashheniya: 10.11.2017).
8. Ostapenko R.I. Ispol'zovanie strukturnykh uravnenij v modelirovanii protsessov upravleniya obrazovaniem // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika. 2013. № 4912. S. 1–8.
9. Prikaz Minobrnauki Rossii № 1645 ot 29 dekabrya 2014 goda "O vnesenii izmenenij v prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federatsii ot 17 maya 2012 g. № 413 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego (polnogo) obshhego obrazovaniya"" // Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federatsii. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://minobrnauki.rf/dokumenty/5185 /fajl/4110/Prikaz_№ _1645_ot_29.12.2014.pdf (data obrashheniya: 16.11.2017).
10. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2015. Stat. sb. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main /rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (data obrashheniya: 06.10.2017).
11. Sotsiologiya obrazovaniya. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. 2010 . T. 14. Vyp. 24. 191 s.
12. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart nachal'nogo obshhego obrazovaniya (1–4 kl.) // Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federatsii. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://minobrnauki.rf /dokumenty/922/fajl/748/FGOS.pdf (data obrashheniya: 01.11.2017).
13. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart nachal'nogo obshhego obrazovaniya (10–11 kl.) // Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federatsii. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://minobrnauki.rf/dokumenty/2365 (data obrashheniya: 01.11.2017).
14. Federal'nyj zakon "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federatsii" ot 29.12.2012 № 273-FZ (s izmeneniyami 2017–2016 goda) // Ofitsial'nyj sajt Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federatsii. [EHlektronnyj resurs]. URL: http:/ /minobrnaukiyurf/dokumenty/2974 (data obrashheniya: 12.09.2017).

15. Filipova A.G., Vysotskaya A.V. Metodika postroeniya imitatsionnoj modeli (na primere srednego balla EGEH v rossijskikh regionakh) // Vestnik instituta sotsiologii. 2017. № 4, Tom 8. S. 71–89.
16. Filipova A.G. Institut obrazovaniya kak sub"ekt zashhity detstva // CHelovek i obrazovanie. 2010. № 4. S. 4–9.

Высоцкая А. В. Система среднего общего образования в российских регионах: построение имитационной модели.

Инструментом исследования региональных систем общего среднего образования выбрано имитационное моделирование. Оно используется для установления причинно-следственных отношений между элементами системы и проведения экспериментов с исходными данными. Системный анализ позволяет обозначить "Входы", "Выходы" и "Внешнюю среду" и элементы самой системы. На средний балл ЕГЭ как "Выход" оказывают влияние демографические, институциональные и экономико-инфраструктурные факторы. Построенное уравнение многофакторной регрессии определяет силу связей между ними. Модель позволяет провести имитацию процесса управления региональными ресурсами и сглаживания региональных рисков.

Ключевые слова: *среднее общее (полное) образование, средний балл ЕГЭ, регионы, имитационная модель, факторы влияния*

Vysockaya A.V. The system of secondary general education in the Russian regions: the construction of a simulation model.

The tool of research of regional systems of general secondary education is imitating modeling. It is used to establish the cause-effect relationships between the elements of the system and to conduct experiments with the original data. System analysis allows to designate "Inputs", "Outputs" and "External environment" and elements of the system itself. The average score of the USE as "Exit" is influenced by demographic, institutional and economic-infrastructure factors. The constructed equation of multifactor regression determines the strength of the relationships between them. The model allows simulating the process of managing regional resources and smoothing regional risks.

Key words: *secondary general (full) education, average score of the Unified State Examination, regions, simulation model, influence factors*

Для цитирования: Высоцкая А.В. Система среднего общего образования в российских регионах: построение имитационной модели // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 30–37. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/30-37

For citation: Vysockaya A.V. The system of secondary general education in the Russian regions: the construction of a simulation model // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 30–37. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/30-37

◆

УДК 316.4

Абросимова Е.Е.

Детский видеоблогинг в Приморском крае: региональные особенности и проблемы

Видеоблогинг как форма размещения информации в Интернет находится сегодня на пике популярности. В него максимально включены дети и подростки. Именно они являются основными потребителями данного продукта. Видеоблогосфера становится виртуальным социумом, в котором дети общаются, находят единомышленников, получают новые знания, развлекаются, дружат, создают виртуальные сообщества и т.д. Для подростков ведение видеоблогов становится средством самовыражения, интернет позволяет раскрыть невидимые окружающими стороны собственной личности, таланты (чувство юмора, силу и ловкость, кругозор, любовь к животным, hand-made умения). В то же время видеоблогинг несёт определённые риски для детей и подростков **[11]**.

Дети и подростки представляют собой социальную общность, наиболее восприимчивую к техническим и социокультурным инновациям, которые оказывают различное по своей силе влияние на их социализацию. Старшее поколение не в такой мере зависит от плодов "информационной революции", как подростки, которые не представляют свою жизнь без персонального компьютера, без Интернета, без планшетных компьютеров, без смартфонов. Все эти гаджеты прочно вплетены в среду досуга и постепенно вытесняют на периферию прежние формы свободного времяпровождения. Для части подростков характерно доминирование гедонистической ориентации на получение в свободное время исключительно удовольствий и развлечений **[3]**.

Однако глубокое погружение детей и подростков в интернет-среду и именно в видеоблогосферу не подразумевает исключительно пассивное потребление транслируемой информации. Видеоблогосфера, являясь альтернативой традиционному социуму, провоцирует юных интернет-пользователей к различного рода активностям.

Дети формируют контент двумя основными способами: пассивным и активным. В первом случае, просматривая видео, дети-зрители участвуют в формировании рейтинга популярности видеоблогеров. К активному способу можно отнести комментарии, которые дети оставляют под просмотренным видео, в которых они могут обращаться как к самому автору, так и общаться между собой на заданную в ролике тему. К активному способу видеоблогинга относится непосредственное создание видеоблогов, обновление видеоконтента, установление обратной связи с подписчиками и пр.

Под детским видеоблогингом мы будем понимать процесс включения ребёнка в создание и/или управление контентом видеоблогосферы в целом.

Ему присущи такие специфические функции, как коммуникативная функция, функция самопрезентации, функция развлечения и обучения. В связи с динамичным развитием данного явления в последнее время стала актуальна и профессиональная функция.

Всё это актуализирует целый ряд исследовательских задач: выявление особенностей детского видеоблогинга, тенденций его развития, изучение региональной специфики видеоблогосферы и медиаобразования детей. В современных условиях российские регионы существенно разнятся по уровню развития и качеству социально-инфраструктурных объектов. Социально-инфраструктурная обеспеченность региона напрямую влияет на социальный потенциал детства, а значит, формирует основы будущего региона: професси-

© *Абросимова Е.Е., 2018*

АБРОСИМОВА Евгения Евгеньевна, младший научный сотрудник Центра научных исследований, проектов и программ Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток).* **E-mail:** gaijony@mail.ru

онализации его кадров, демографического роста, репродуктивного здоровья, экономического и культурного развития и т.д. **[10, с. 115]**. Поскольку современная социально-экономическая ситуация спровоцировала информационно-технологическое неравенство российских регионов, мы предполагаем, что в Приморском крае будет выявлена своя специфика включения детей в видеоблогосферу.

Приморский край как один из регионов, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, имеет определённые территориально-инфраструктурные характеристики. Его площадь равняется 164 673 км^2. Административный центр – город Владивосток. По данным краевого комитета статистики, численность постоянного населения региона на начало 2017 г. составляла 1 923 116 чел., плотность населения – 11,68 чел./км^2 **[2]**.

Возможность просмотра видео на мобильных устройствах подразумевает качественное покрытие данной территории сетью Интернета. Статистические данные дают общую картину доступности интернета для населения края. Данные по Приморскому краю показывают, что уровень доступа к сети Интернет достаточно высок. Данные представлены в *таблице 1*.

Не всегда качество самого мобильного устройство позволяет ребёнку просматривать видео, а значит быть включённым в видеоблогинг даже в качестве пассивного участника, не говоря уже о создании контента. Данные по численности населения в крае с доходами ниже прожиточного минимума демонстрируют, что в период с 2013 по 2015 гг. этот показатель варьировался от 15,9% до 15,3%. Краевой показатель превысил среднее по России: 2013 г.- 10,8%; 2014 г. – 11,2%; 2015 г. – 13,3% **[7]**. Это значит, что примерно каждая седьмая семья в регионе находится за чертой бедности.

Эмпирической базой нашего исследования являются данные анкетного опроса детей Приморского края о видеоблогинге, данные других эмпирических исследований видеоблогосферы (например, исследование "Российский видеоблогинг", агентство "Полилог", 2015 г. **[6]**), а также сами видеоблоги и программы по медиаобразованию.

Анкетирование проводилось с июля по декабрь 2017 г. В опросе принимали участие жители Приморского края в возрасте от 8 до 15 лет. Общий объём выборочной совокупности составили 320 человек. Выбор возрастного диапазона был обусловлен тем, что современные дети входят в интернет до-

Табл. 1. Домашние хозяйства, имевшие персональный компьютер и доступ к сети Интернет (по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; в процентах от общего числа домохозяйств соответствующего субъекта Российской Федерации)

Годы	2013		2014		2015	
	Удельный вес домохозяйств, имевших персональный компьютер	в том числе имевших доступ к сети Интернет	Удельный вес домохозяйств, имевших персональный	в том числе имевших доступ к сети Интернет	Удельный вес домохозяйств, имевших персональный	в том числе имевших доступ к сети Интернет
Российская Федерация	71,4	65,1	74,8	69,4	72,5	72,1
Дальневосточный федеральный округ	76,6	65,4	78,1	64,4	70,3	73,0
Приморский край	78,3	73,0	74,9	68,9	72,0	74,3

Источник: составлено автором по данным: **[7]**.

статочно рано, но осознанный выбор контента, а порой и его создание приходятся на начальную и среднюю школу. Опрос проводился на территории наиболее крупных городов края (Владивосток, Находка, Артём, Большой Камень, Уссурийск). Количество респондентов-девочек (56,2%) немного превысило количество респондентов-мальчиков (43,8%).

Были сформулированы две рабочие гипотезы исследования. Первая гипотеза касалась наличия зависимости между уровнем школьной успеваемости, повседневной занятостью ребёнка и его вовлеченностью в видеоблогинг. Вторая гипотеза основана на связи между размером города проживания ребёнка и его вовлеченностью в видеоблогинг, поскольку территориальные особенности формируют ту среду, в которой ребёнок живёт и развивается.

Анкета, предложенная респондентам для опроса, состояла из двух частей. Первая часть носила общий характер, и вопросы были направлены на изучение представления и отношения респондентов к видеоблогингу. Детям предлагалось сформировать своё определение видеоблогинга, отразить наиболее интересные темы для просмотра, а также указать своих любимых видеоблогеров. Второй блок вопросов был адресован только тем респондентам, которые имеют собственный видеоблог. Они были направлены на изучение того, насколько респонденты серьёзно относятся к ведению собственного влога и прибегают ли к помощи посторонних.

Было выявлено следующее соотношение респондентов по уровню их вовлеченности в процесс видеоблогинга: 3% – не смотрят видеоблоги, пассивные участники – 73,4%, активные участники – 26,6%.

Ведут видеоблог 26,6% ответивших детей. Можно отметить, что это достаточно высокий показатель, указывающий на то, что влогосфера воспринимается современными детьми не только как возможность потребления визуальной информации, но и возможность для самореализации и саморазвития. Несмотря на кажущуюся лёгкость и простоту, создание и ведение видеоблога требует от автора определённых навыков и знаний.

Для проверки первой гипотезы участникам исследования был задан вопрос об их успеваемости в школе. Большинство респондентов достаточно успешны и учатся на положительные оценки: "четвёрки и пятёрки" – 49,6%; "только пятёрки" – 9,9%. "Больше четвёрок" и "больше троек, но есть и другие оценки" выбрали 26,8% и 12,1% ответивших соответственно. То есть у большинства респондентов хорошая успеваемость.

Современные дети ведут активный образ жизни и помимо школы, посещают различные дополнительные занятия. В *таблице 2* представлены данные, иллюстрирующие корреляцию дополнительных занятий и детского видеоблогинга.

Представленные данные позволяют сделать вывод, что чем чаще дети посещают дополнительные занятия, тем меньше времени у них остаётся на ведение собственного влога. Однако очевидно и то, что отсутствие дополнительных занятий не является гарантией того, что ребёнок будет активно проявлять себя в видеоблогинге. Предложенная нами рабочая гипотеза о наличии зависимости уровня повседневной занятости ребёнка и его вовлеченности

Табл. 2. Активность участников детского сегмента видеоблогосферы в разрезе посещаемости дополнительных занятий.

Посещаемость дополнительных занятий	Пассивный видеоблогинг	Пассивный видеоблогинг с желанием создать свой блог в будущем	Активный видеоблогинг
1-2 раза в неделю	68,8%	29,6%	31,2%
3-4 раза в неделю	72,1%	26,7%	27,9%
5-6 раз в неделю	79,2%	39,3%	20,8%
Не занимаются	73,2%	52,5%	26,8%

Источник: составлено автором

Табл. 3. Активность участников детского сегмента видеоблогосферы в разрезе населённых пунктов.

Населённый пункт	Не смотрят видеоблоги вообще	Смотрят видеоблоги		
		Пассивный видеоблогинг	Пассивный видеоблогинг с желанием создать свой влог в будущем	Активный видеоблогинг
Владивосток	12,6 %	75,4 %	48,4 %	24,6 %
Уссурийск Находка, Артём	5,1 %	76,6 %	54,3 %	23,4 %
Большой Камень	-	52,8	100,0 %	47,2

Источник: составлено автором

в видеоблогинг подтвердилась с поправкой на то, что пассивный образ повседневной жизни распространяется и на видеоблогосферу. Те респонденты, которые не имеют дополнительных занятий, но мечтают о создании видеоблога, тем не менее не прикладывают для реализации этого желания никаких усилий.

Вторая гипотеза проверялась наряду с вопросами о вовлеченности детей в видеоблогинг вопросом "паспортички" о населённом пункте проживания.

Города проживания респондентов были разделены на три группы: крупные города (250 тыс. – 1 млн.), большие города (100 до 250 тыс.); средние и малые города (до 100 тыс.). К первой группе относится Владивосток, ко второй – Уссурийск, Находка, Артём, к третьей – Большой Камень. В *таблице 3* приведены данные по детскому видеоблогингу в территориальном разрезе[1].

Несмотря на то, что статистические данные свидетельствуют о том, что жители более крупных населённых пунктов имеют больше возможности для активного участия в видеоблогинге, результаты анкетирования демонстрируют обратное. Респонденты г. Большой Камень в наибольшей степени вовлечены в видеоблогосферу в сравнении с респондентами более крупных городов, представленных в выборке. Возможно, это отражает однообразие досуга в малом городе и, как следствие, более глубокое погружение в видеоблогинг.

52,1% из тех респондентов, которые на момент опроса не имели собственного видеоблога, ответили, что хотели бы его создать в будущем. Среди причин отсутствия влога на момент опроса, респонденты, которым было предложено выбрать несколько вариантов, отметили следующее: "мне это не интересно" – 40%; "у меня нет свободного времени" – 34,7%; "у меня нет оборудования для этого" – 33,3%; "я не умею снимать видео" – 21,3% ответивших.

Поскольку 21,3% детей-участников исследования в качестве причины собственного неучастия в видеоблогинге указали отсутствие необходимых навыков, мы решили изучить территориальные особенности организации медиаобразования школьников в Приморском крае.

Во Владивостоке – столице Приморского края – проходят наиболее значимые и масштабные мероприятия, направленные на повышение уровня медиаграмотности современных детей. Одним из таких мероприятий является Дальневосточный МедиаСаммит – отраслевая конференция специалистов в области СМИ, общественных отношений и информационных технологий. Это мероприятие стало традиционным для Приморского края, начиная с

[1] Таблица составлена на основании результатов проведенного анкетирования. Столбец 2 "Не смотрят видеоблоги вообще" – отрицательные ответы на вопрос "Смотришь ли ты видеоблоги?". Столбец 4 – результаты ответов на вопрос о желании респондентов создать свой видеоблог в будущем. 3 и 5 столбец – результаты ответов на вопрос о наличие у респондентов собственного видеоблога, только эти вопросы в сумме дают 100%, т.к. являются ответами на один вопрос. Все результаты представлены в разрезе населенных пунктов и анализировать их необходимо по этому признаку.

2014 г. прошли уже 4 конференции. В 2017 г. в линейку мероприятий впервые была введена секция TEENMedia. На этой секции детям была предоставлена возможность попробовать себя не только в роли представителей традиционных СМИ, но также приобрести навыки создания и ведения собственного видеоблога. Эксперты МедиаСаммита провели для ребят мастер-классы по видеосъёмке, монтажу, вёрстке печатных изданий, ведению блогов и работе в социальных сетях.

В рамках МедиаСаммита ежегодно, с 2014 г., проводится Дальневосточный медиафестиваль для школьников и студентов "Открытие". Он направлен на формирование в Приморском крае "образовательной среды, ориентированной на удовлетворение потребностей и запросов молодёжи, мотивированной к творческой деятельности в области медиаинформационных технологий, обеспечение её гармоничного профессионального самоопределения в будущем" **[9]**.

В 2017 г. в Саммите принимали участие дети из медиапроектов. Среди них были проект "Школьные новости" (с. Лазо); журнал "ПроМолодежь" (г. Артём); Школа-студия детского кино и телевидения "25 Регион" (г. Уссурийск); "Молодёжный Fresh" (г. Фокино). Большинство проектов являются инициативными, функционирующими на любительском уровне, но некоторым проектам удалось дорасти до серьёзного, профессионального уровня. Так, журнал "ПроМолодежь" (г. Артём) за четыре года стал полноценным средством массовой информации для молодёжи и площадкой для творческой реализации молодых людей. Уникальность журнала заключается в том, что он создаётся молодёжью и для молодёжи. Журнал представляет собой полноценное издание, в котором отражаются все актуальные события городского и краевого масштаба. На сегодняшний день в создании молодёжного журнала участвуют порядка 40 авторов из числа артёмовских школьников, студентов и работающей молодёжи – как профессиональные журналисты, так и начинающие авторы. Выпуск журнала осуществляется в формате печатного издания и под непосредственным кураторством управления информации администрации Артёмовского городского округа **[4]**.

Другой пример – это Школа-студия детского кино и телевидения "25 Регион" (г. Уссурийск). Школа-студия детского кино и телевидения осуществляет обучение детей по четырём основным направлениям: журналистика, видеография, актёрское мастерство и компьютерная графика **[8]**.

Во Владивостоке реализуется проект "Детские Вести". Проект "Детские Вести" является преемником взрослой программы "Вести: Приморье". Проект существует с августа 2016 г. Участниками и авторами сюжетов становятся школьники Приморского края. Они же являются и ведущими этого проекта. Программы, которые выходят в эфир, носят информационно-аналитический характер с поправкой на детский зрительский сегмент. В настоящее время зона вещания программы "Детские Вести" охватывает всю территорию Приморского края **[5]**.

Можно сделать предварительный вывод о том, что медиаобразование Приморского края ориентировано на более традиционные формы СМИ и практически не использует ресурс видеоблогосферы.

При поиске возможности получения дополнительных знаний и навыков в сегменте видеоблогинга в Приморском крае было обнаружено только одно учреждение дополнительного образования – студия "СластиФантасти". Оно находится в г. Владивостоке. Слоган студии звучит как: "Студия, где всё делают дети! YouTube – не главное, но без него сегодня никак. Юные журналисты и ведущие. Здесь учатся быть блогерами. Современное хобби как творчество и знания одновременно. Каждому по каналу на YouTube!" Помимо курсов "Юного журналиста" данное учреждение проводит занятия, направленные на формирование навыков, необходимых для ведения собственного видеоблога. В рамках данного курса дети снимают видео для своих каналов, готовят сценарии, придумывают заголовки, сюжеты, репетируют сценки, знакомятся с элементами актёрского мастерства, учатся вести передачи, проводят виртуальные прямые эфиры на телевидении, знакомятся с профессиями журналиста, телеведущего, радиоведущего **[1]**.

В образовательных учреждениях Приморского края также не удалось обнаружить специальных образовательных курсов, в рамках которых бы изу-

чались интернет-пространство, социальные сети, видеоблогосфера и пр. Хотя, в нашей стране разработаны и выпущены в форме методических пособий программы курса по повышению медиаграмотности в школах: "Медиаобразование в школе. Сборник программ для преподавания дисциплин" Е.Л. Вартановой, О.В. Смирновой и др. (2010); "Медиаобразование в школе: школьный интернет-портал" И.В. Стечкина, Д.А. Олеринской, Л.А. Кругловой (2009).

Отсутствие территориальных границ, стремительное и глубокое вхождение в повседневную жизнь детей Интернета, распространение разнообразных ресурсов и рисков в виртуальной среде актуализируют проблему повышения медиаграмотности молодого поколения. Медиаобразование даст детям возможность чувствовать себя уверено и комфортно в новой для них среде.

Современные дети достаточно заняты в повседневной жизни. Помимо школы, они часто посещают другие учреждения дополнительного образования. Но это не мешает им быть активными участниками видеоблогинга. Те же дети, что не проявляют высокого уровня активности в повседневной жизни, отличаются отсутствием глубокой вовлеченности и в видеоблогосферу. Юные жители малых городов Приморского края активнее включены в видеоблогинг, нежели остальные участники, проживающие в более крупных населённых пунктах.

Необходимо дальнейшее изучение детского сегмента видеоблогосферы как в региональном разрезе, так и на общероссийском уровне. Оно позволит понять структуру ценностных ориентаций современных детей, их культурно-досуговые предпочтения.

Литература

1. "СластиФантасти", [Электронный ресурс]. URL: http://slastifantasti.ru/ (дата обращения: 5.01.2018).
2. Официальная статистика // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю, [Электронный ресурс]. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/ statistics/ population/ (дата обращения: 5.01.2018).
3. Павлов С. В. Досуговые практики городских подростков в современной России: социологический анализ: автореф. дис. канд. соц. наук, Москва, 2013.
4. Популярный журнал "ПроМолодежь" вышел в Артеме //Primamedia.ru, [Электронный ресурс]. URL: http://primamedia.ru/news/310574/ (дата обращения: 5.01.2018).
5. Программа "Детские Вести", [Электронный ресурс]. URL: http://vestiprim.ru/programs/childrens_news/ (дата обращения: 5.01.2018).
6. Российский видеоблогинг 2015. Роль и значение в коммуникациях в цифровой среде: Видфест. М., 2015. 20 с.
7. Российский статистический ежегодник // Федеральная служба государственной статистики, [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 5.01.2018).
8. Творческое объединение "25 регион", [Электронный ресурс]. URL:http://25regiontv.ru/ (дата обращения: 5.01.2018).
9. Фестиваль "Открытие", [Электронный ресурс]. URL: http://xn--80aakdqcwfa1cp.xn--p1acf/festival/ (дата обращения: 5.01.2018).
10. Филипова А.Г. Социальная инфраструктура для детей: объективные и субъективные оценки (на примере Приморского края) // Региональные проблемы, 2017. Т. 20. № 4. С. 115–122.
11. Филипова А.Г., Ардальянова А.Ю., Абросимова Е.Е. Видеоблогинг и современные подростки: опасности Интернет-пространства // Теория и практика общественного развития. 2017. № 8. С. 9–13.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. "SlastiFantasti", [EHlektronnyj resurs]. URL: http://slastifantasti.ru/ (data obrashheniya: 5.01.2018).
2. Ofitsial'naya statistika // Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Primorskomu krayu, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/ statistics/ population/ (data obrashheniya: 5.01.2018).

3. Pavlov S. V. Dosugovye praktiki gorodskikh podrostkov v sovremennoj Rossii: sotsiologicheskij analiz: avtoref. dis. kand. sots. nauk, Moskva, 2013.
4. Populyarnyj zhurnal "ProMolodezh'" vyshel v Arteme //Rrimamedia.ru, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://primamedia.ru/news/310574/ (data obrashheniya: 5.01.2018).
5. Programma "Detskie Vesti", [EHlektronnyj resurs]. URL: http://vestiprim.ru/programs/childrens_news/ (data obrashheniya: 5.01.2018).
6. Rossijskij videobloging 2015. Rol' i znachenie v kommunikatsiyakh v tsifrovoj srede: Vidfest. M., 2015. 20 s.
7. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (data obrashheniya: 5.01.2018).
8. Tvorcheskoe ob"edinenie "25 region", [EHlektronnyj resurs]. URL: http://25regiontv.ru/ (data obrashheniya: 5.01.2018).
9. Festival' "Otkrytie", [EHlektronnyj resurs]. URL: http://xn--80aakdqcwfa1cp.xn--p1acf/festival/ (data obrashheniya: 5.01.2018).
10. Filipova A.G. Sotsial'naya infrastruktura dlya detej: ob"ektivnye i sub"ektivnye otsenki (na primere Primorskogo kraya) // Regional'nye problemy, 2017. T. 20. № 4. S. 115–122.
11. Filipova A.G., Ardal'yanova A.YU., Abrosimova E.E. Videobloging i sovremennye podrostki: opasnosti Internet-prostranstva // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2017. № 8. S. 9–13.

Абросимова Е.Е. Детский видеоблогинг в Приморском крае: региональные особенности и проблемы.

В статье рассматривается специфика детского сегмента видеоблогосферы в регионе. Регионом исследования стал Приморский край. Также анализируется уровень развития медиаобразования в Приморье, и в частности в сегменте видеоблогосферы. Методом исследования является анкетирование детей и подростков. Результаты анкетирования показывают, насколько глубоко погружены современные дети в видеоблогинг, а также отражают зависимость этого показателя от уровня активности детей в повседневной жизни и размеров населенного пункта. Анализ предложений на рынке дополнительного образования для детей Приморского края отразил ряд проблем и особенностей медиаобразования в данном регионе.

Ключевые слова: *Приморский край, регион, детский видеоблогинг, влог, видеоблогосфера, видеоблог, дети, подростки, Интернет*

Abrosimova E.E. Children's video blogging on Primorye territory: regional features and problems.

The article deals with the specificity of the child segment of the videooblog sphere in the region. The region of the study was Primorye. The level of development of media education in Primorsky region is also analyzed, and in particular in the segment of the video blog sphere. The method of research is the questionnaire of children and adolescents. The results of the questionnaire show how deeply modern children are immersed in video blogging, as well as reflect the dependence of this indicator on the level of activity of children in everyday life and a community. The analysis of proposals in the market of additional education for the children of Primorsky region reflected a number of problems and features of media education in this region.

Key words: *Primorye territory, region, children's video blogging, vlog, videoblog, videoblog, children, teenagers, Internet*

Для цитирования: Абросимова Е.Е. Детский видеоблогинг в Приморском крае: региональные особенности и проблемы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 38–44. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/38-44

For citation: Abrosimova E.E. Children's video blogging on Primorye territory: regional features and problems // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 38–44. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/38-44

◆

УДК 316. 334.2

Яровая В.Е.

Детские сетевые магазины Приморского края: региональные особенности и возможности для потребительской социализации

Введение

Одним из важных участников процесса потребительской социализации детей дошкольного возраста выступают магазины: розничные магазины и гипермаркеты; общие и специализированные детские магазины; магазины, включающие или нет детские рекреационные зоны.

Активное включение ребёнка в процесс потребления вызвало развитие отрасли детского маркетинга. Маркетологи двояко воспринимают детей, с одной стороны, как сегодняшних потребителей детских товаров и услуг, а с другой, как завтрашних взрослых потребителей со сформированными потребительскими установками **[2]**. Дети-потребители вовлечены в процесс потребления как непосредственно, так и через своё влияние на потребительские предпочтения родителей. В свою очередь, потребительские установки детей формируются под воздействием рекламы, СМИ, интернета. И здесь не помогают для ограничения манипуляторного воздействия взрослых установка детского интерфейса на компьютер, использование детского поисковика или выбор детского тарифа для мобильного телефона **[6]**.

На детское потребление огромное влияние оказывает стремительно развивающаяся индустрия детских товаров. В документальном фильме "Дети-потребители" (Consuming Kids: The Commercialization of Childhood, 2008) констатируется, что наука о потребностях стимулирует развитие новой науки о детстве и что в современном мире детям больше не позволяют быть детьми.

В нашей стране отрасль детских товаров также постоянно расширяется, но в основном за счёт зарубежных производителей. В стратегии Ассоциации производителей детских товаров, которая утверждена Распоряжением Правительства РФ от 11 июня 2013 г. № 962-р., отмечается, что доля российских товаров, произведённых на территории РФ должна составлять не менее 36%, а совокупно с детским питанием – не менее 45% от общего объёма рынка детских товаров **[5]**. Объём отечественного производства детских товаров в России в 2012 г. составил 134970 млн. рублей, что соответствует 20,6 процента общего объёма рынка детских товаров, а в 2017 г. он уже превысил 530 млрд. рублей **[3]**.

Одним из участников процессов распространения детских товаров и потребительской социализации детей является детский магазин, который имеет свою, относительно небольшую историю развития. В Советском Союзе первый магазин с названием "Детский мир" открылся 8 сентября 1947 г. в Москве. Сейчас это сеть, имеющая свои филиалы практически во всех российских регионах. Однако на Дальнем Востоке данная торговая сеть не представлена.

Современные детские магазины имеют разные форматы существования – от небольших розничных магазинчиков до детских гипермаркетов. В современных торговых центрах выделяются целые этажи, предназначенные для детских нужд с сетевыми и розничными магазинами, детскими игровыми зонами, иногда – с детскими кафе. Супер- и гипермаркеты общей направленности, как правило, также стараются учесть нужды маленьких потребителей.

© *Яровая В.Е., 2018*

ЯРОВАЯ Вероника Евгеньевна, старший преподаватель кафедры философии и юридической психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток).* **E-mail:** ronika11@mail.ru

Методология и методы

Задачами настоящего исследования выступают выявление региональных особенностей функционирования детских магазинов, описание их участия в процессе потребительской социализации дошкольников. Методами сбора эмпирического материала являются анализ сайтов детских магазинов и родительских форумов, а также наблюдение в детских магазинах. Для исследования выбраны три детских сетевых магазина, функционирующих в Приморском крае. С целью соблюдения этических принципов исследования они будут обозначены как детские сетевые магазины "А", "Б" и "В". В *таблице 1* приведены их основные организационные характеристики.

Как видно из *таблицы 1*, наиболее представлены данные сети в городе Владивостоке. Наибольшее количество филиалов в городе Владивостоке есть у сети "Б", а торговая сеть "В" имеет большее количество филиалов в крае. Все три сети имеют помимо Владивостока филиалы ещё в семи городах Приморского края. Для сравнения: всего в Приморском крае 12 городов, в т.ч. 1 – крупный (г. Владивосток), 3 – больших (Находка, Артём, Уссурийск), 1 – средний (Арсеньев), 7 – малых (Большой Камень, Дальнегорск, Дальнереченск, Спасск-Дальний, Фокино, Лучегорск, Лесозаводск) **[1]**. Таким образом, детские магазины наличествуют в двух третьих городов Приморского края. Филиалы сетевых магазинов слабо представлены в малых городах края и совсем не представлены в сельской местности. А соотношение детей, проживающих в городах и сельской местности, примерно 3 к 1: по данным на начало 2017 г. из 337,6 тыс. жителей Приморского края в возрасте 0–15 лет 252,1 тыс. человек проживали в городах, а 85,2 тыс. человек – в сельской местности **[8]**. Сельские жители вынуждены пользоваться или услугами маленьких магазинов, или посещать сетевые магазины в городах Приморья.

Однако проявления территориального неравенства наблюдаются и в г. Владивостоке. Всего в городе 5 районов – Советский, Первореченский, Первомайский, Фрунзенский и Ленинский. Наиболее престижными по степени развитости инфраструктуры считаются Первореченский, Ленинский и часть Советского района. Фрунзенский район – большой по площади, имеет слабую заселённость за счёт включения в его состав островов Рейнике, Русского и Попова.

Проведенный анализ расположения данных магазинов позволил обнаружить зоны концентрации сетевых магазинов в разных районах города: от спальных до центра. В периферийных районах города это связано с более низкой арендной платой, в центральных районах – большой проходимостью. Наибольшая нехватка детских магазинов выявлена во Фрунзенском и Советском районах города. Отсутствие магазинов в отдельных кварталах этих го-

Табл. 1. Характеристики представленности детских сетевых магазинов в Приморском крае

Название магазина	Тип сети	Размещение магазинов в Приморском крае	Время работы	Пункты выдачи заказов интернет-магазина
А	Общероссийская, около 50 магазинов по всей стране. Создана в 2000 г.	4 во Владивостоке, 1 в Арсеньеве и 1 в Артёме, 1 в Уссурийске	С 10 до 21	Отсутствует
Б	Дальневосточная сеть. Представлена только в Приморском и Хабаровском краях. Создана в 2000 г.	8 филиалов во Владивостоке, 2 магазина в Находке и 1 в Артёме, 1 в Большом Камне	С 10 до 23	Есть 6 пунктов выдачи заказов, расположенных в разных районах города
В	Региональная сеть. Представлена только в Приморском крае. Первый магазин во Владивостоке открыт в 2015 г.	3 в городе Владивостоке, 1 в Находке, 1 в Артёме, 1 в Лесозаводске, 1 в Уссурийске, 1 в Фокино	С 10 до 20	Отсутствует

Источник: составлено автором.

родских районов может быть обусловлено небольшой концентрацией детей, неразвитой инфраструктурой, удаленностью. Во Фрунзенском районе детские сетевые магазины отсутствуют на островной части.

Результаты и их обсуждение

Изучение детских сетевых магазинов было продолжено в направлении анализа их сайтов. Выделенные единицы анализа представлены в *таблице 2*.

Все сети имеют сайты. Наименее удобным является сайт сети "А" – отсутствует каталог товара, об ассортименте можно судить только по тем товарам, которые отражены в акционной газете. На сайте магазина "Б" есть электронный каталог: есть общие разделы, такие как детское питание, для мам и малыша, зимние товары, крупногабарит, игрушки, одежда, подарочные сертификаты, подгузники и гигиена, творчество и канцелярия, товары для праздника. Также есть деление внутри разделов на более мелкие. Например, во вкладке "игрушки", представлены 17 разделов, такие как деревянные игрушки, конструкторы и т.д. Товар, представленный в электронном каталоге, можно сортировать по цене, алфавиту и популярности. На сайте сети магазинов "В" отсутствует информация об ассортименте, но представлена газета с акционными товарами.

На сайтах всех трёх сетевых магазинов не предусмотрена возможность размещения покупателем отзыва о магазине или о приобретённом товаре. В целом можно отметить, что сайты магазинов направлены на формирование их имиджа через фотографии торговых пространств, детей в них, описания удобства расположения магазинов, а не на создание комфортных условий для поиска и покупки необходимых детских товаров.

Далее на основании данных родительских форумов (Владмама, vl.ru) были проанализированы отзывы покупателей. Было замечено, что существенной разницы в организации среды взрослые покупатели не видят. Они одинаково жалуются на отсутствие пандусов, лифтов, держателей у дверей:

"При входе в магазин нет заезда для колясок!" (о магазине Б);

"За день десятки покупателей корячатся с колясками по вашей лестнице сами или помогая друг другу" (о магазине Б).

К другим недостаткам посетители относят отсутствие туалетов, комнаты "матери и ребёнка". Необходимо отметить, что детские магазины как пространство для особой категории покупателей (родителей с маленькими детьми) никак не учитывает их потребности. Более комфортным оказывается посещение тех магазинов, которые размещены в торговых центрах, т.к. в этом случае родители с детьми могут воспользоваться имеющейся инфраструктурой торгового центра – туалетами, кафе, детскими площадками и пр. Подобные недостатки детских магазинов, а также городских пространств для детей отмечаются А.Г. Филиповой **[7]**.

Отзывы покупателей также очень часто касаются оценок персонала – консультантов, кассиров, охранников и пр. Фигура продавца-консультанта как агента потребительской социализации значима для ребёнка дошкольного возраста. Через взаимодействие с продавцами, кассирами, ребёнок приобретает опыт общения с взрослым, получает представление о мире потребления. Для взрослых важно, чтобы продавец мог ответить на вопросы ребёнка, был вежлив и улыбчив, в результате чего возрастает лояльность к магазину. Как от агента потребительской социализации от продавца ждут качественного выполнения функций, а если эти ожидания не оправдываются, то люди могут перестать посещать данный магазин или будут пользоваться его услугами только в случае крайней необходимости.

Однако в отзывах взрослых покупателей наличествуют противоречивые оценки работы обслуживающего персонала детских магазинов:

*"Хамство персонала, иногда нет в торговом зале ни одного продавца-консультанта" (*о магазине *А);*

*Приветливые девочки консультанты, огромный выбор и тёплая атмосфера, не хочется уходить (*о магазине *Б).*

Негативные оценки родителями работы продавцов детских магазинов связаны с незнанием последними возрастных особенностей детей, несформированностью у них навыков работы с детьми дошкольного возраста. Для

Табл. 2. Характеристики электронных каталогов детских торговых сетей

	А	Б	В
Наличие каталога товаров	Отсутствует	Есть	Отсутствует
Возможность заказа обратного звонка	Отсутствует	Есть	Отсутствует
Возможность доставки товара	Отсутствует	Есть. Можно заказать доставку курьером или выбрать одну из шести точек самовывоза	Отсутствует
Информация об акциях	Есть	Есть	Есть
Навигация по сайту	Неудобная	Относительно удобная	Неудобная

Источник: составлено автором.

дошкольников посещение магазина является формой игровой деятельности, они ожидают от продавца активного включения в игру, правила которой чаще всего они определяют сами, проявляя свою активность как субъекта процесса потребительской социализации.

Характеристики ассортимента детских товаров в целом положительны. В качестве плюсов форумчане отмечают большой выбор, проведение магазином акций, а также специфическую особенность детских гипермаркетов – интеграцию разного рода товаров:

"Очень удобно, что в одном магазине можно купить всё, что нужно для ребёнка" (о магазине В).

Преимуществом сетевых детских магазинов является то, что в них представлены товары для всех возрастов, начиная от товаров для новорождённых, заканчивая товарами для младшего школьного возраста.

Сетевые магазины А и Б используют дисконтные карты. Сетевой магазин В не имеет собственной бонусной карты, но допускает оформление скидки по бонусным картам других детских магазинов. Наличие карт является необходимой частью по формированию лояльности покупателя. И незначительность скидок по бонусным картам является существенным недостатком данных торговых сетей.

Все обозначенные сетевые магазины ориентированы на семьи с разным доходом. Периодически в них проводятся акции, которые позволяют приобретать товары людям с низким достатком. Однако сеть магазинов Б явно ориентирована на премиум сегмент. Это можно подтвердить тем, что дисконтная карта выдаётся только при покупке от пяти тысяч рублей, более высокой стоимостью товара и наличием игрушек, произведённых в Европе, и, соответственно, имеющих более высокую стоимость.

Хотя нам не удалось найти данные об изменении ценовых предпочтений на игрушки и другие детские товары в Приморском крае, но общероссийские тенденции говорят о том, что покупательская способность семей с детьми снизилась на 30%. Многие потребители переориентировались на нижний ценовой сегмент при покупке игрушек. Выросла доля товаров для творчества, конструкторов, спортивных игрушек, сократилась доля радиоуправляемых игрушек, классических кукол, классических игровых наборов для мальчиков и девочек.

Оценки качества детских товаров также имеют значительный разброс:

- ♦ Большая часть качества детских игрушек одноразовое (о магазине А);
- ♦ Много просроченных продуктовых товаров (о магазине Б);
- ♦ Соответствие цены и качества (о магазинах А и В);
- ♦ Можно найти и по качеству, и по цене хороший товар (о магазине Б).

Рынок детской продукции очень разнообразен, постоянно обновляется, в т.ч. за счёт китайской продукции, его сложно контролировать.

Аналитики сети магазинов "Детский мир" составили рейтинг новогодних подарков по данным родительских покупок в ноябре – декабре 2017 г. **[4]**. Мы использовали этот рейтинг для сравнения представленных в нём

Табл. 3. Сравнительный анализ цен электронного каталога магазина "Детский мир" и детской торговой сети Б

Перечень товаров	Цена в "Детском мире"	Цена в магазине "Б"
Куклы и пупсы DEMI STAR	От 149 рублей	Информация отсутствует
Мотоцикл Kreiss	1999	Информация отсутствует
Автомобили и треки HotWheels	Машинки от 99 р Треки от 329	Машинки от 169 р Треки
Радиоуправляемые машины NEW BRIGHT	От 599	Информация отсутствует
Конструкторы	От 69 рублей	От 131 рубля
Коллекционные фигурки My Little Pony	От 189 р	Информация отсутствует
Коллекционные фигурки Sylvanian Families	От 29 рублей	От 375 рублей
Куклы Barbie	От 389 рублей	От 375 рублей
Бластеры Nerf (Hasbro)	От 349 рублей	От 704 рублей
Сборные модели "Звезда"	От 119 рублей	Информация отсутствует

Источник: составлено автором.

товаров и цен с ассортиментов и ценами магазинов Приморского края. Для сравнительного анализа был выбран магазин Б в связи с наличием электронного каталога товаров.

Как можно заметить из данных *таблицы 3*, многие игрушки, входящие в топ предпочтений детей других регионов, в Приморском крае отсутствуют. Также отмечена более высокая стоимость товара в крае по обозначенным позициям. Более низкая цена в Приморском крае на куклы Барби объясняется тем, что это мини Барби, спрос на которые в других регионах может отсутствовать, поэтому их нет в каталоге "Детского мира". Специфика ассортимента регионального сетевого магазина заключается в наличии большого количества игрушек японского производства. Так, на сайте магазина Б представлено 634 наименования данной категории товаров.

Как мы видим, в "Топе предпочтений" находятся игрушки определённых брендов, что можно объяснить влиянием рекламы и СМИ. Современные дети проводят много времени у телевизора, поэтому они потребляют много рекламы. Посещая магазин, ребёнок уже может иметь конкретные предпочтения, сформированные под воздействием рекламы, любимых мультиков и телепередач.

Результаты наблюдения, проведённого в магазинах, относящихся к трём выделенным сетям, размещены в *таблице 4*.

Как мы видим, в основном данные магазины находятся в доступных для покупателей местах. Однако в торговых сетях А и Б не используются ресурсы детства – нет кафе, где бы ребёнок и родители могли перекусить, нет игровых зон для отдыха и развлечения детей. Наличие этих составляющих является важным для ребёнка, так как в процессе совершения покупки ребёнок может устать, он не может долго концентрировать своё внимание на одной деятельности, ему необходимо переключение и удовлетворение базовых потребностей. Поход в детский магазин зачастую рассматривается как праздник, от которого ребёнок ждёт чуда, и подкрепление этих переживаний дополнительными факторами усиливает степень удовольствия от покупки.

Во всех магазинах осуществлено зонирование по возрасту и типам товаров: есть зоны для крупногабаритных товаров – детской мебели, велосипедов и т.д., выделены отделы, предлагающие одежду и игрушки, есть отделы с детским питанием. Игрушки расположены так, чтобы ребёнок сам мог дотянуться и выбрать нужную для себя. В магазине А и В есть столы, где ребёнку могут продемонстрировать возможности игрушки.

Табл. 4. Анализ организационно-территориальных ресурсов детских торговых сетей Приморского края

Критерии сравнения	А	Б	В
Особенности расположения (этаж, торговый центр)	Нижние этажи	Как отдельно стоящие здания, так и верхние этажи торговых центров	Расположены в больших торговых центрах
Окружение ("соседи")	Мебельные магазины, продуктовые магазины (в том числе продающие алкогольную продукцию)	Продуктовые магазины (в том числе продающие алкогольную продукцию)	Кинотеатр, магазины разной направленности. Кафе
Близость остановок общественного транспорта, наличие парковок	Расположены близко к остановкам, есть собственные парковки	Расположены близко к остановкам, есть собственные парковки	Расположены близко к остановкам, есть собственные парковки

Источник: составлено автором.

Наличие игровых зон отмечено в сети А и Б, что является важной составляющей, так как ребёнок воспринимает поход в магазин как праздник и игру. Он не может долго бродить по торговым рядам, ему нужно переключиться на игру. В магазине А выдают шарики на входе, есть тележки в виде машинок для комфортного перемещения ребёнка по залу. Во всех анализируемых нами сетевых магазинах звучат детские песенки, но также наблюдается скученность и нагромождение товаров по причинам недостаточности торговых площадей в г. Владивостоке, высокой арендной платы и т.д.

Выводы

Детские магазины являются непосредственным институтом, обеспечивающим успешную потребительскую социализацию детей разных возрастов и, в первую очередь, дошкольников. В магазине ребёнок включается в процессы получения информации о товаре и особенностях его использования, принятия решения о покупке и совершения платежа. У ребёнка формируются потребительские предпочтения, проявляющиеся в приверженности товарам определённых брендов.

Как показал анализ территориального размещения магазинов трёх сетей в Приморском крае, детские сетевые магазины представлены во Владивостоке, всех крупных и некоторых малых городах Приморского края. Жители сельских поселений вынуждены довольствоваться детским ассортиментом, представленным в универсальных магазинах, либо совершать поездки в близлежащие города за покупками товаров для детей.

По нашему мнению, сельские магазины дают детям больше возможностей для освоения роли покупателя – дети раньше начинают совершать самостоятельные покупки, более активно протекают их взаимодействия с продавцом, который заинтересован в продажах больше, нежели, чем продавец-консультант гипермаркета. Но сельские магазины имеют более ограниченный ассортимент, ориентированы на товары нижнего ценового сегмента, поэтому ребёнок лишается возможности делать выбор, оценивать качество товара, формировать свои потребительские предпочтения. Изучение различий детских магазинов, расположенных в городах и сельских районах, будет продолжено в рамках дальнейших исследований.

Методы наблюдения и анализа интернет-форумов позволили обнаружить особенности магазинов разных сетей (А, Б и В), а также обозначить некоторые проблемы их функционирования. Сетевые магазины имеют неудобную инфраструктуру, иногда "соседей", недружественных к детям, а также обслуживающий персонал, не всегда выполняющий функции агента потребительской социализации детей-дошкольников. Ряд взрослых потребителей отмечает ограниченность ассортимента детских товаров, высказывает претензии к их качеству.

Для того чтобы магазины в Приморском крае усилили свою функцию участников процесса потребительской социализации детей дошкольного возраста, на наш взгляд, важно сделать несколько шагов. Первый шаг касается изменения пространства магазина, повышения его комфортности. Необходимо убрать нагромождение товаров, облегчить возможности посещения магазина с коляской, ликвидировать отсутствие комнат "матери и ребёнка". Детские сетевые магазины практически не используют ресурсы детства, в виде детских кафе, развлекательных центров, ориентированных на совместный семейный отдых. Так же отмечено соседство детских сетевых магазинов с магазинами, реализующими алкогольную продукцию.

Второй шаг связан с обучением персонала, который должен говорить с ребёнком на одном языке, включать его в процесс обсуждения потребительских свойств товара и делать это не в агрессивно-навязчивой манере, а мягко и доброжелательно. Третий шаг связан с развитием системы он-лайн покупок. Это поможет, с одной стороны, разгрузить торговые площади магазинов, переместив часть продукции в складские помещения, а, с другой, – сэкономить время, затрачиваемое семьёй на поездку в магазин.

Литература

1. Города Приморского края [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14t/IssWWW.exe/Stg/daln/primor.htm (дата обращения: 12.01.2017).
2. Кузнецова Ю.В. Новые способы продвижении товаров: современные формы маркетинговых коммуникаций в России// Вестник Евразии, 2006, № 2. С. 25–46.
3. Объём рынка игрушек в России в денежном выражении составляет 54 миллиарда рублей [Электронный ресурс]. URL: http://rdt-info.ru/2017071112515/ob-em-rynka-igrushek-v-rossii-v-denezhnom-vyrazhenii-sostavlyaet-54-milliarda-rubley.html (дата обращения: 12.01.2017).
4. Рейтинг новогодних подарков для детей [Электронный ресурс]. URL: http://acgi.ru/news_492736/ (дата обращения: 12.01.2017).
5. Стратегия развития индустрии детских товаров на период до 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/pril/81/68/27/962_strategiia.pdf (дата обращения: 12.01.2017).
6. Филипова А.Г. Культурно-информационное пространство детства: риски и ресурсы социальной защиты // Вестник Пермского университета. Философия, психология, социология. 2013. № 4. С. 196.
7. Филипова А.Г. Социальное пространство детства: принципы маркирования территорий. // The Journal of Social Policy Studies, Журнал исследований социальной политики. 2012. 10(1). С. 79–94.
8. Численность населения Приморского края по полу и возрасту на 1 января 2017 года [Электронный ресурс]. URL: http://primstat.gks.ru (дата обращения: 12.01.2017).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Goroda Primorskogo kraya [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14t/IssWWW.exe/Stg/daln/primor.htm (data obrashheniya: 12.01.2017).
2. Kuznetsova YU.V. Novye sposoby prodvizhenii tovarov: sovremennye formy marketingovykh kommunikatsij v Rossii// Vestnik Evrazii, 2006, № 2. S. 25–46.
3. Ob"yom rynka igrushek v Rossii v denezhnom vyrazhenii sostavlyaet 54 milliarda roublej [EHlektronnyj resurs]. URL: http://rdt-info.ru/2017071112515/ob-em-rynka-igrushek-v-rossii-v-denezhnom-vyrazhenii-sostavlyaet-54-milliarda-rubley.html (data obrashheniya: 12.01.2017).
4. Rejting novogodnikh podarkov dlya detej [EHlektronnyj resurs]. URL: http://acgi.ru/news_492736/ (data obrashheniya: 12.01.2017).
5. Strategiya razvitiya industrii detskikh tovarov na period do 2020 goda. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://rg.ru/pril/81/68/27/962_strategiia.pdf (data obrashheniya: 12.01.2017).
6. Filipova A.G. Kul'turno-informatsionnoe prostranstvo detstva: riski i resursy sotsial'noj zashhity // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya, psikhologiya, sotsiologiya. 2013. № 4. S. 196.
7. Filipova A.G. Sotsial'noe prostranstvo detstva: printsipy markirovaniya territorij. // The Journal of Social Policy Studies, ZHurnal issledovanij sotsial'noj politiki. 2012. 10(1). S. 79–94.

8. CHislennost' naseleniya Primorskogo kraya po polu i vozrastu na 1 yanvarya 2017 goda [EHlektronnyj resurs]. URL: http://primstat.gks.ru (data obrashheniya: 12.01.2017).

Яровая В.Е. Детские сетевые магазины Приморского края: региональные особенности и возможности для потребительской социализации.

Общество потребления создало магазины не просто для удовлетворения потребностей, но и как институт потребительской социализации. Задачами настоящего исследования стали выявление региональных особенностей функционирования детских магазинов, описание их участия в процессе потребительской социализации дошкольников. Методами сбора эмпирического материала являются анализ сайтов детских магазинов, анализ родительских форумов, а также наблюдение в детских магазинах. Для исследования выбраны три детских сетевых магазина, функционирующих в Приморском крае.

Ключевые слова: *дети, потребительские предпочтения, потребительская социализация, детский магазин, институт социализации, индустрия потребления*

Yarovaya V.E. Children's network stores in Primorsky territory: regional features and opportunities for consumer socialization.

The consumer society created stores not just for satisfying needs, but also as an institution for consumer socialization. The objectives of this study were to identify the regional features of the functioning of children's stores, a description of their participation in the process of consumer socialization of preschool children. Methods of collecting empirical material are analysis of children's shopping sites, analysis of parental forums, as well as observation in children's stores. For the study, three children's network stores operating in Primorsky Krai were selected.

Key words: *children, consumer preferences, consumer socialization, children's shop, socialization institute, consumption industry*

Для цитирования: Яровая В.Е. Детские сетевые магазины Приморского края: региональные особенности и возможности для потребительской социализации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 45–52. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/45-52

For citation: Yarovaya V.E. Children's network stores in Primorsky territory: regional features and opportunities for consumer socialization. // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 45–52. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/45-52

◆

УДК 930.1

Шевский Д.С.

Закономерности диффузии инноваций в Китае с древнейших времен до XVIII в.

Китайская цивилизация – одна из самых древних (если не самая древняя), которая смогла сохранить свои сущностные характеристики (в первую очередь, письменность и верования) вплоть до наших дней. Китай широко известен своими изобретениями и общим культурным влиянием на многие страны Восточной Азии – Вьетнам, Корею, Японию и д.р., а китайский шелк находят даже в Эбердингене – на юге Германии, и датируется он VI в. до н.э. **[18, p. 44]**. Некоторые теоретики, считающие, что мир с древнейших времен представляет собой единую мир-систему, предлагают считать Поднебесную вплоть до XVI в. центром этой системы **[17]**. Таким образом, не приходится сомневаться в развитости и величии Китайской цивилизации, но возникает вопрос – что именно делало Китай столь значительным и влиятельным в своем регионе? Ответ очевиден – его нововведения как экономического, так и военно-политического толка. Но, как будет показано ниже, Поднебесная являлась на протяжении большей части истории не генератором новаций, а блестящим и творческим их потребителем. Насколько Китай был открыт к иным культурным традициям и их открытиям? С чем были связаны такие заимствования, есть ли корреляции с политико-экономической историей и можно ли сформулировать некоторые закономерности? Попробуем ответить на эти вопросы, используя в качестве методологического базиса достижения макросоциологии – науки, выявляющей закономерности динамики исторического процесса как на уровне мира в целом, так и на уровне отдельных стран **[13]**.

Термин "диффузия инноваций" в данной статье определяется как перенятие различных изобретений (не обязательно материально-технических) одной культуры другой.

Выбор верхней рамки исследования (XVIII в.) обусловлен тем, что Китай с этого времени становится все более втянут в орбиту международных отношений и даже краткий очерк того, как повлияли страны Запада на развитие Китая, требует отдельного исследования ввиду значительного масштаба произошедших изменений.

Начнем с рассмотрения ключевого, военно-политического аспекта, обуславливающего сам факт существования Китая не как культурного образования, а как государственного. Насколько способность к отражению внешних угроз была следствием успешного заимствования чужих достижений в отношении к формам ведения войны и типам вооружения, а так же – как это коррелировало с типом политической организации? Начнем разбор в обратном порядке, а именно – с причин возникновения иных форм политической организации и чем это сопровождалось.

В первую очередь Китай известен своим циклическим развитием, но при детальном рассмотрении оказывается, что если и можно выделить циклы, то только начиная с конца I тыс. н.э. Циклы, которые можно выделить однозначно и на протяжении практически всей китайской истории, – это демографические циклы **[8; 12]**. Древнейшее достоверно известное государственное образование на территории Китая – это Шан (с XVII в. до н.э. по XI в. до н.э.) – достаточно рыхлое объединение, созданное, скорее всего, колесничими-завоевателями. Затем наступает период Западного Чжоу (XI в. до н.э. – 770 г. до н.э.), а после – период нестабильности и раздробленности – т.наз. Восточное Чжоу. Строй Чжоу многие исследователи определяют

© *Шевский Д.С., 2018*

ШЕВСКИЙ Дмитрий Сергеевич, аспирант департамента политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" *(г. Москва).* **E-mail:** shevskiyd@mail.ru

как феодальный **[5, с. 268; 22, p. 22–23**, но есть и критики – **9**, напр., **гл. 3]**. Второй период Восточного Чжоу – период "Сражающихся царств", длившийся 259 лет, сменяется предельной централизацией в правление Цинь (221–202 гг. до н.э). Династию Цинь свергает новообразованная династия Хань, управление которой на первых порах было номинальным – 7 вассальных царств на территории Хань могли себе позволить даже чеканку собственной монеты, не говоря уже о самостоятельных армиях **[12, с. 259]**. После падения Хань наступает период "троецарствия" (220–280 гг.), затем достаточно непродолжительно власть захватывает царство Цзинь (265–316 гг.). Вплоть до VI в. на территории Китая царит нестабильность – местные династии сражаются с пришлыми, объединения кратковременны. И лишь после династии Тан (618–907) и полувековой раздробленности вырисовывается циклическая динамика – Сун, Юань, Мин, Цин.

Несмотря на такое разнообразие, при рассмотрении истории Китая бросается в глаза постоянное колебательное движение от предельной централизации и попыток ликвидации частной собственности до ослабления контроля (и ослабления государства) и "культивирования" частной собственности. Государство, в периоды своих взлетов, стремилось подчинить всю собственность, а в периоды ослабления оно, будучи не в силах бороться с частными владениями, вынуждено было смиряться с их существованием. Такая динамика обусловлена "вызовами" внешнего мира (социальной среды).

В политической антропологии, начиная с 40-х гг. XX в., стало ясно, что кочевничество азиатских степей связано неразрывно с оседлыми государствами (см. напр. **[15]**), а в нашем случае – с Китаем **[1]**. Кочевые племена остро нуждались в продукции земледельцев, они не могли существовать вне оседлого населения. И если в Китае образовывалась сильная государственность – кочевники вынуждены были реагировать соответствующе. Ведь для принуждения Китая к неэквивалентному обмену необходимы достаточные военные ресурсы, а когда Китай вступал в период построения централизованной системы – его армия становилась сильнее, что и стимулировало кочевников образовывать собственные крупные конфедерации. Несмотря на то, что нет жесткой корреляции между образованием кочевых конфедераций и сильными государственными образованиями Китая, но обусловленность все же есть – Хуннское объединение шло синхронно образованию империй Цинь и Хань, династиям Суй и Тан соответствовали Тюркские и Уйгурский каганаты, пришлые кочевые династии – Тоба и Цин сражались с объединениями Жужаней и Джунгаров, соответственно. Не всегда есть такая закономерность, но все же она наблюдается **[1, с. 439]**

П.В. Турчин пошел дальше **[24]** и предположил, что здесь может действовать и петля обратной связи – крупные централизованные образования возникают как ответ на угрозу со стороны степей. Для аргументации П.В. Турчин приводит таблицу регионов, откуда происходило объединение Китая **[24, p. 193],** и оказывается, что все династии, кроме Минской, происходили с севера – где была постоянная угроза войны. Находясь на границе "цивилизованного мира", с постоянной угрозой вторжений, уровень сплоченности на таких территориях будет выше, что играет немаловажную роль в войнах (см. также очень интересные рассуждения о роли полупериферии в становлении централизованных объединений в вышеизложенном ракурсе **[16, ch. 5]**).

Если мы обратимся к конкретной истории, то обнаружим, что очень часто одним из первых дел, при централизации, становилась борьба с кочевниками. Так, например, становление империи Цинь при Ши-хуанди сопровождалось постройкой Великой китайской стены, а наступившая централизация при императоре У-ди в период династии Хань включала в себя и создание нового рода войск – конных лучников, сумевших оттеснить кочевников; первый император империи Суй, образованной после свержения пришлой династии, так же провел реформы в армии, создав отряды кавалеристов на манер тюркских племен.

Конные лучники, кавалеристы табгачи – это результат заимствований из степей. Таким образом, военные инновации часто оказываются связаны с защитой от кочевников, которая, также стимулирует и создание империй – достаточно широко распространенная корреляция в мировой истории **[24]**. В

исторической макросоциологии уже достаточно давно известно, что для создания боеспособной армии нужна крепкая налоговая база, что и стимулирует создание сильного государства (см., напр., **[10; 14]** и др.).

Но только ли внешние причины стимулировали социально-политическое развитие Китая? Вторым и уже внутренним "вызовом" становится демографическое давление и, соответственно, адекватные ему новые формы организации экономики и политики.

М. Вахиа (Vahia M.) и Н. Ядав (Yadav N.) предлагают достаточно интересную модель развития общества **[25, p. 100]**, которая является углубленным развитием модели Ч. Снукса **[21]** о выше упомянутой корреляции исторической динамики с демографией. Модель построена на выявлении связи организации и средств производства с политической системой:охота/собирательство как начало социально-политической эволюции, затем, после появления земледелия – полуоседлый образ жизни, после появления металлов (олова и бронзы) – возникновение деревень, после появления ирригации, крупных поселений и дальней торговли – появление городов, затем появление железа. На этом авторы заканчивают, но можно попробовать продолжить, что появление железа приводит к образованию империй (см., напр., **[7, с. 50]**). Железо, которое проще было достать и которое могли обрабатывать простые крестьяне, стимулировало появление крупных армий, где главную роль будет играть имперская администрация, а не как прежде – колесничная аристократия **[10, с. 34]**. По мнению некоторых авторов **[4],** именно в появлении крупных империй и стоит искать причины так называемого "Осевого Времени" – периода появления прозелетических религий, некоторые из которых впоследствии вошли в число мировых. Ведь когда появилась возможность создания массовых армий и, соответственно, крупных территориальных захватов, для поддержания порядка требовались новые формы религии, которые были бы не локальными и актуальными для одной народности, а именно универсальными.

П.В. Турчин обращает внимание, что главнейшие достижения китайской политической эволюции в древности совпадают с инновационной активностью, а именно, появление животноводства (овец и коз), пришедшего явно с запада, совпадает с культурой Луньшань (предгосударственность); знакомство с лошадью, бронзой и колесницами – в период Шань (ранняя государственность), а оседлывание лошадей и появление конных лучников – это "Циньско-Ханьское объединение" (развитая государственность) **[24, p. 198]**, что согласуется с вышеизложенной концепцией об увеличении политической сложности в связи с технологическими инновациями, вызванными демографическим давлением.

Самым впечатляющим примером, на наш взгляд, пусть и не универсальным, а локальным, но соответствующим общей тенденции, стали административные реформы и определенные инновации в середине XI в., вызванные демографическим давлением. В первую очередь можно отметить реформы в правление Шеньцзуна (1068–1085 гг.), которые были направлены на восстановление и развитие сельского хозяйства. Были обложены налогом земли, принадлежавшие чиновничьему аппарату, проводилась масштабная мобилизация населения для постройки ирригационных сооружений. Но, с точки зрения многих ученых, важнейшим следствием демографического давления стало заимствование скороспелых сортов риса из Южного Вьетнама (Тьямпы) **[3, с. 192; 8, с. 188; 12, с. 355]**, в результате чего была значительно увеличена несущая способность земли. До этого времени несущая способность земли не позволяла превысить численность населения сверх 60 млн. человек, однако после этих реформ и нововведений население превысило прежний допустимый порог, но рост был прерван искусственно – вторжениями Чжурчженей и Монголов **[8; 12]**.

Среди неспециалистов бытует представление, что Китай являет собой некое определенное культурно-национальное целое, некую гомогенность. Но Китай никогда не был гомогенным. Так, по современным данным, Поднебесная демонстрирует этническое разнообразие – на севере Китая население похоже больше на тибетцев и непальцев, на юге – вьетнамцев и филиппинцев **[6, с. 413]**, что уже говорит о том, что трудно выделить диффузионные волны, так как возникает вопрос – что считать Китаем? Так, например, чу-

гунное литье и рис пришли с южных регионов **[там же, с. 425]** – это Китай или нет? Более того, известно, что на современной территории Китая находились поселения индоевропейцев – тохаров. Хотя и ведутся споры об их этнической принадлежности, но генетически установлено – что они пришли с запада и отголоски смешения слышны и до сих пор **[23, с. 99]**.

Именно такое разнообразие культур в рамках одной "региональной метакультуры" не позволяло Китаю быть закрытым к иноземным влияниям во всех аспектах. Бронзовое литье, гончарный круг, пшеница прибыли с Ближнего Востока, что подтверждается как генетикой **[6, с. 421]**, так и лингвистическим анализом **[12, с. 148]**. Стоит подчеркнуть, что не всегда такая диффузия была постепенной и происходила снизу – так, например, обработка бронзы была привнесена создателями государственности Шан.

Когда, в результате завоевания, было основано древнейшее археологически подтвержденное государственное образование Шан, аристократия которого представляла собой колесничих воинов, то одно из главных составляющих вооружения – лошади – не выращивались на территории подконтрольной пришлой династии, а получались с приграничных степных территорий от кочевников **[12, с. 148]**. Факт остается фактом – Китай с древнейших времен не был автономен, и его система не представляла собой автаркию.

Более того – китайская цивилизация была открыта и культурному влиянию извне. На ранних этапах становления государственности (Шан и Чжоу) на территории Китая находились иранские маги – что подтверждается как лингвистическим анализом, так и письменными источниками **[18, p. 39]**. Маги, строившие свою систему на культе предков, занимались гаданием, толкованием снов, примет и многим другим. Ритуализация таких религиозных верований сыграла в дальнейшем важную роль в становлении имперской системы **[2]**.

К рубежу эр устанавливаются регулярные связи между Китаем и Европой по Великому шелковому пути, результатом чего, по мнению некоторых ученых, стало распространение чумы из Китая, что в итоге привело к ослаблению Римской и Ханьской империй **[19, ch. 3]**.

Различные экзотические предметы, например, панцири черепах или рога носорогов ввиду их относительной редкости могли становиться символами статусности и власти в Китае **[3, с. 176]**. Китайцы так же ввозили с северо-западных территорий нефрит.

Интересно отметить, что некоторые историки считают, что такие выдающиеся достижения Китая, как книгопечатание и порох, возможно, не являются чисто китайскими, а являются развитием на китайском фундаменте буддийской учености **[20, p. 10–11]**. Первым обнаружил почвы, содержащие селитру, индийский монах в 644 г. А самое первое свидетельство существования огнестрельного оружия найдено в Сычуане (1127 г.) – недалеко от Тибета. Возможно, также, что и книгопечатание было изобретено в буддийских монастырях (700–750 гг.). Авторы такой позиции не утверждают, что эти изобретения автоматически теряют статус китайских. Главная мысль здесь – Китай был открыт культурным влияниям извне и своей терпимостью к иным культурным традициям мог стимулировать изобретательность и успешно адаптировать ее результаты.

Буддизм сыграл большую роль в китайской истории не только в этом – так как распространение буддизма в Китае требовало обеспечения ритуального церемониала, то это увеличило роль торговли буддийскими принадлежностями с Индией **[3, с. 177]**. Но развитие чайных церемоний в Китае позволило ему выбиться в торговле как одному из самых главных поставщиков товаров для реализации чайных церемоний (в т.ч. и фарфора). Хлопок, сахарный тростник и куры пришли в Китай из Индии **[11, с. 479]**.

Свидетельством размаха китайской международной торговли может служить большое количество черепков фарфора, найденных на восточном побережье Африки **[10, с. 67]**.

Последнее, что мы бы хотели рассмотреть, – это распространение религиозных верований в Китае в их связи с политической историей. Восприимчивость китайского населения к новым религиозным (и, соответственно, этическим) учениям, на наш взгляд, была обусловлена фактором политической нестабильности. Так, например, конфуцианство появилось в период феодаль-

ной раздробленности Чжоу – когда практически не было власти; буддизм распространялся и стал популярным в период III–V вв., когда доминировали иноземные династии в политической истории, когда вообще невозможно было говорить о едином государстве. Манихейство – христианская ересь, стало популярным в период малоземелья при династии Сун и даже привело к огромному восстанию в 1120 г., в результате которого погибло около трех миллионов человек **[12, с. 357]**. Если продолжить дальше, то, например, популярность марксизма так же была обусловлена политической слабостью китайской государственности.

Таким образом, можно уверенно сказать, что Китай не был на протяжении практически всей истории закрыт для иностранного влияния, но особенно восприимчив Китай становился, либо, когда боролся с кочевниками, либо, когда наступала политическая нестабильность и потеря всяких жизненных ориентиров среди населения, вызванных, в первую очередь, демографическим давлением. Война не только вызывала необходимость заимствований, но и стимулировала создание сильных государств. Но только лишь успешное отражение захватчиков не гарантировало стабильности, внутренним определяющим фактором стала численность населения. Популяционное давление зачастую определяло внутренние "вызовы", которые также стимулировали нововведения. Описанные в статье закономерности заимствований показывают, что Китай не является особенным случаем в мировой истории, а подчиняется общей логике и закономерностям, выявленным в мировой истории в рамках макросоциологии.

Литература

1. Барфилд Т. Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. 2006. С. 415–441.
2. Баум Р. 2006. Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / под ред. Гринина Л.Е., Бондаренко Д.М., Крадина Н.Н., Коротаева А.В. Волгоград: Учитель, 2006. С. 244–266.
3. Бентли Дж. Образы Всемирной истории в научных исследованиях XX века // Время мира. Альманах. Вып.1: Историческая макросоциология в XX веке. 2000.
4. Берзин Э. О. Вслед за железной революцией // Историческая психология и социология истории № 2. 2009. С. 184–194.
5. Васильев Л.С. Древний Китай. Том 2. Период Чуньцю (VIII-V вв. до н.э.). М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН. 2000.
6. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ / пер с англ. М.: АСТ; CORPUS. 2010.
7. Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. Изд.2-е, испр. М.: КомКнига. 2007.
8. Коротаев А.В., Малков В.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М.: КомКнига. 2005.
9. Крил Г.Х. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. Спб.: "Евразия", 2001.
10. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Издательский дом "Территория будущего". 2008.
11. Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. Изд. 2-е, стер. К.: Ника-центр. 2013.
12. Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Издательский дом "Территория будущего". 2008.
13. Розов Н.С. Историческая макросоциология: становление, основные направления исследований и типы моделей//Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 151–161.
14. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства: 990–1992 гг. М.: Территория будущего. 2009.
15. Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе// Раннее государство, его альтернативы и аналоги. 2006. С. 468–489.
16. Chase-Dunn Ch., Hall Th. D. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO: Westview Press. 1997.
17. Frank A.G., Gills B.K. The world system. Five hundred years or five thousand? L., 1993.

18. Mair V. H. "Old Sinitic *myag, Old Persian maguš, and English 'Magician' // Early China. 1990 № 15. P. 27–47.
19. McNeil W. Plagues and Peoples. Garden City, NY: Anchor Press/Doubleday. 1976.
20. Shaffer L. "Southernization" // Journal of World History № 5, Spring, 1994, P. 1–21.
21. Snooks G.D. Uncovering the Laws of Global History // Social Evolution & History. Vol.1, 2002. № 1. P. 25–53.
22. The Cambridge History of China, Vol.1. Cambridge University Press, 2008
23. Thornton C.P., Schurr T.G. Genes, language, and culture: An example from the Tarim Basin// Oxford journal of archeology, 2004, № 1. P. 83–106.
24. Turchin P. A Theory for Formation of Large Empires // Journal of Global History 2009. № 4. P. 191–207.
25. Vahia M., Yadav N. Reconstructing the History of Harappan Civilization // Social Evolution & History. Vol.10, 2011. № 2. P. 87–120.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Barfild T. Mir kochevnikov-skotovodov // Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi. 2006. S. 415–441.
2. Baum R. 2006. Ritual i ratsional'nost': korni byurokraticheskogo gosudarstva v Drevnem Kitae // Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi: Sbornik statej / pod red. Grinina L.E., Bondarenko D.M., Kradina N.N., Korotaeva A.V. Volgograd: Uchitel', 2006. S. 244–266.
3. Bentli Dzh. Obrazy Vsemirnoj istorii v nauchnykh issledovaniyakh XX veka // Vremya mira. Al'manakh. Vyp.1: Istoricheskaya makrosotsiologiya v XX veke. 2000.
4. Berzin EH. O. Vsled za zheleznoj revolyutsiej // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii № 2. 2009. S. 184–194.
5. Vasil'ev L.S. Drevnij Kitaj. Tom 2. Period CHun'tsyu (VIII-V vv. do n.eh.). M.: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN. 2000.
6. Dajmond Dzh. Ruzh'ya, mikroby i stal': Sud'by chelovecheskikh obshhestv / per s angl. M.: ACT; CORPUS. 2010.
7. D'yakonov I.M. Puti istorii: Ot drevnejshego cheloveka do nashikh dnej. Izd.2-e, ispr. M.: KomKniga. 2007.
8. Korotaev A.V., Malkov V.S., KHalturina D.A. Zakony istorii. Matematicheskoe modelirovanie istoricheskikh makroprotsessov. Demografiya, ehkonomika, vojny. M.: KomKniga. 2005.
9. Kril G.KH. Stanovlenie gosudarstvennoj vlasti v Kitae. Imperiya Zapadnaya CHzhou. Spb.: "Evraziya", 2001.
10. Mak-Nil U. V pogone za moshh'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshhestvo v XI–XX vekakh. M.: Izdatel'skij dom "Territoriya budushhego". 2008.
11. Mak-Nil U. Voskhozhdenie Zapada: Istoriya chelovecheskogo soobshhestva. Izd. 2-e, ster. K.: Nika-tsentr. 2013.
12. Nefedov S.A. Faktornyj analiz istoricheskogo protsessa. Istoriya Vostoka. M.: Izdatel'skij dom "Territoriya budushhego". 2008.
13. Rozov N.S. Istoricheskaya makrosotsiologiya: stanovlenie, osnovnye napravleniya issledovanij i tipy modelej//Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2009. № 2. S. 151–161.
14. Tilli CH. Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva: 990–1992 gg. M.: Territoriya budushhego. 2009.
15. KHazanov A.M. Kochevniki evrazijskikh stepej v istoricheskoj retrospektive// Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi. 2006. S. 468–489.
16. Chase-Dunn Ch., Hall Th. D. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO: Westview Press. 1997.
17. Frank A.G., Gills B.K. The world system. Five hundred years or five thousand? L., 1993.
18. Mair V. H. "Old Sinitic *myag, Old Persian maguš, and English 'Magician' // Early China. 1990 № 15. P. 27–47.
19. McNeil W. Plagues and Peoples. Garden City, NY: Anchor Press/Doubleday. 1976.
20. Shaffer L. "Southernization" // Journal of World History № 5, Spring, 1994, P. 1–21.
21. Snooks G.D. Uncovering the Laws of Global History // Social Evolution & History. Vol.1, 2002. № 1. P. 25–53.
22. The Cambridge History of China, Vol.1. Cambridge University Press, 2008
23. Thornton C.P., Schurr T.G. Genes, language, and culture: An example from the Tarim Basin// Oxford journal of archeology, 2004, № 1. P. 83–106.
24. Turchin P. A Theory for Formation of Large Empires // Journal of Global History 2009. № 4. P. 191–207.

25. Vahia M., Yadav N. Reconstructing the History of Harappan Civilization // Social Evolution & History. Vol.10, 2011. № 2. P. 87–120.

Шевский Д.С. Закономерности диффузии инноваций в Китае с древнейших времен до XVIII в.

В статье, используя достижения макросоциологии, анализируются закономерности заимствований изобретений в Китае. Анализ произведен по трем направлениям: военно-технологические инновации, изменения в сельском хозяйстве и распространение новых религиозных верований. Показано, что военно-технологические изменения были вызваны необходимостью отпора внешних захватчиков, что, в свою очередь, приводило к созданию централизованных империй. В целях снижения демографического давления происходили изменения в сельском хозяйстве, повышавшие несущую способность земли. Распространение новых религиозных верований как собственных, так и заимствованных происходило в результате политической и социальной нестабильности в Китае.

Ключевые слова: *макросоциология, диффузия инноваций, военно-технологический детерминизм, структурно-демографическая теория, законы истории, Китай*

Shevskij D.S. The regularities of diffusion of innovation in China: from ancient times to the eighteenth century.

The article aims to consider the ways borrowed diffused throughout China, and the factors that influenced the diffusion. A macrosociological approach has been adopted to achieve this goal. Three benchmarks of comparison have been chosen, those of changes in military technologies, changes in agriculture, and the spread of new religious beliefs. It has been shown that changes in military technologies were caused by wars with foreign invaders, which advanced the introduction of China's centralized political system. In order to diminish demographic pressure changes in agricultural practices, aimed to improve soil fertility, were introduced. The striking capacity of the country to adopt foreign practices easily was due to the ethnic diversity that had made people more adaptable and ready to accept other cultural traditions.

Key words: *macrosociology, diffusion of innovations, military-technological determinism, structural-demographic theory, the laws of history, China*

Для цитирования: Шевский Д.С. Закономерности диффузии инноваций в Китае с древнейших времен до XVIII в // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 53–59. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/53-59

For citation: Shevskij D.S. The regularities of diffusion of innovation in China: from ancient times to the eighteenth century // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 53–59. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/53-59

◆

УДК 930.26 (571.63)

Гельман Е.Н.

Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней

Введение

Остатки бохайского города-порта Краскинского городища (Яньчжоу) расположены на юге Приморского края, на берегу бухты Экспедиции залива Посьета. Памятник является ключевым для археологического изучения государства Бохай (698–926 гг.) в России. Это было первое государственное образование, созданное преимущественно тунгусо-маньчжурскими народами. Владения Бохая охватывали юго-восточную Маньчжурию (КНР), северную часть Корейского полуострова (КНДР) и юго-западную часть современного Российского Приморья.

Письменные сведения по истории Бохая сохранились частично в китайских и японских хрониках, а также более поздних корейских. Все они детально изучены современными историками, но нуждаются в проверке и подкреплении новыми данными. Единственным источником дополнительной информации остаются широкие и систематические археологические исследования.

Территориально-административное устройство в Бохае сложилось в основном во второй половине VIII в. при третьем правителем Да Циньмао (737–973 гг.) под китайским (эпохи Тан) влиянием. Из китайских и японских хроник известно, что к началу IX в. в Бохае были образованы 15 областей, 62 округа и 125 уездов. Остатки четырёх столиц (Верхняя, главная столица – Лунцюаньфу, Западная – Ялуфу и Восточная – Лунъюаньфу) находятся в КНР и одной (Южной – Наньхайфу) – в КНДР. Как установлено к настоящему моменту, на территории России были расположены часть бохайской области Шуайбинь в долине р. Раздольная (Суйфун – субстратный топоним, сохранившийся с эпохи раннего средневековья) и округ Янь, входивший в столичную область Лунъюаньфу (Восточная столица). Центр округа Яньчжоу находился на Краскинском городище, примерно в 50 км от остатков столицы – городища Баляньчэн недалеко от современного г. Хунчунь.

Использованные материалы и методы изучения

Исследование основано на архивных источниках, материалах полевых работ, публикациях, отражающих данную тему. Традиционно при изучении памятника применялись археологические методы стратиграфического и планиграфического анализа. Для датировки культурных отложений применялись радиоуглеродный, стратиграфический и типологический методы. При изучении планиграфии памятника полезными и эффективными стали геофизические методы: электрометрия, магнитометрия, каппаметрия (послойное определение в процессе раскопок намагниченности культурных отложений).

Геологические методы позволили выявить возможные местонахождения природных источников горного сырья, которое использовалось населением Краскинского городища для строительства и бытовых нужд, а также определить границы зоны хозяйственного использования прилегающей территории. Для реконструкции природных условий и определения биоресурсов, использовавшихся бохайцами, применялись палинологический и диатомовый анализы, методы зооархеологии и палеоботаники. При анализе артефактов невозможно было обойтись без методов изучения состава веществ, таких

© *Гельман Е.Н., 2018*

ГЕЛЬМАН Евгения Ивановна, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток).* **E-mail:** gelman59@mail.ru

как мокрый химический анализ, спектроскопия, рентгенофлуоресцентный и другие.

Исторические вехи исследований средневекового города

Впервые предположение о том, что в районе залива Посьета может находиться бохайский порт, высказал архимандрит Палладий – священнослужитель Православной Российской церкви, в миру Кафаров Пётр Иванович (1817–1878 гг.). Впервые он попал в Китай в составе 12-й русской православной миссии в Пекине (1840–1847 гг.), а позднее был назначен начальником 13-й (1849–1859 гг.) и 15-й (1865–1878 гг.) миссий **[9, с. 114–122; 10; 13, с. 87]**. Только в 1860–1864 гг. он служил в Риме, после чего опять попросился в Пекин. Пётр Иванович прожил в Китае в целом 30 лет, изучая китайский язык и культуру. Он собрал обширный материал на китайском, корейском, японском языках по истории народов Дальнего Востока. К сожалению, большинство его книг исчезли, когда он умер в Марселе в 1878 г., возвращаясь в Россию морским путём.

Благодаря энциклопедическим знаниям Архимандрита Палладия Императорское Русское географическое общество обратилось к нему с просьбой осуществить путешествие в Уссурийский край в 1870–1871 гг. с целью изучения истории и этнографии. Архимандрит Палладий выбрал очень сложный маршрут: Пекин – через горный проход Шаньхайгуань к Гирину и прямо на север к Амуру – Айхунь и Благовещенск – Хабаровск – Южно-Уссурийский край. Он покинул Пекин 30 апреля 1870 г. Его сопровождал картограф Гаврила Нахвальных, который выполнял сложную съёмку территории, неизвестной для европейцев. Часть дневника Петра Ивановича о путешествии от Пекина до Благовещенска была переписана, а карта скопирована англичанином Эдвардом Дельмаром Морганом (1840–1909). Он выступил на заседании Лондонского королевского географического общества 18 марта 1872 г. и опубликовал эти заметки в журнале **[20, 204–217; 18, с. 204–217]**.

Данные о древностях в Уссурийском крае, предварительно осмотренные М.И. Венюковым (1832–1901), И.А. Лопатиным (1832–1909), Н.М. Пржевальским (1839–1888) и другими русскими путешественниками и учёными очень пригодились Архимандриту Палладию при подготовке к экспедиции. Он обследовал многие памятники во время своей поездки, для идентификации древних поселений и городов использовал сведения из китайских летописей. Китайские монеты, найденные во время обследования, стали датирующим материалом. Пётр Иванович посетил бухты Ольга и Находка, обследовал городище вблизи р. Партизанской (Николаевское-1), осмотрел остатки укреплений вблизи с. Никольского. Он отметил наличие в Уссурийском крае памятников добохайского времени – илоу, уги, мохэ. В апреле 1871 г. П.И. Кафаров побывал в бухте Экспедиции – на Краскинском городище, которое считал бохайским портом и центром округа Янь, упоминавшимся в летописях. Впервые Архимандрит Палладий об этом месте упоминает в письме Императорскому Русскому Географическому Обществу (РГО) от 23 августа 1870 г. Он отметил что, судя по материалам китайских летописей "в Посьете, между реками Яньчу (Яньчихэ) и Гицинь (Казинь) долженствовал быть в старину военный порт." Но побродив по памятнику и не увидев остатков монументальных сооружений, Пётр Иванович усомнился в том, что городище представляет собой остатки морского порта, он ошибочно определил его как остатки хранилища солеварен. Его не убедили даже собранные обломки керамики и черепицы с орнаментированными дисками, грубо обработанные камни **(Архив РГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.** – Кафаров Палладий, архимандрит. Пребывание во Владивостоке и посещение южно-уссурийских портов в 1871 г.**)**[1]. Тем не менее, каждая строчка его дорожных заметок и ныне имеет значительную ценность для историков и археологов. Дневники Петра Ивановича с подробными записями хранятся в архиве РГО. К сожалению, они полностью никогда не были опубликованы.

Городище дважды подвергалось частичному разрушению. С 1864 г. в районе залива Посьета появились посёлки корейских крестьян-переселенцев из Кореи – Тизинхэ, Янчихэ, Сидими, Адими, Краббе, Фуругельма **[1]**. В кон-

[1] Архив РГО – Архив Русского географического общества.

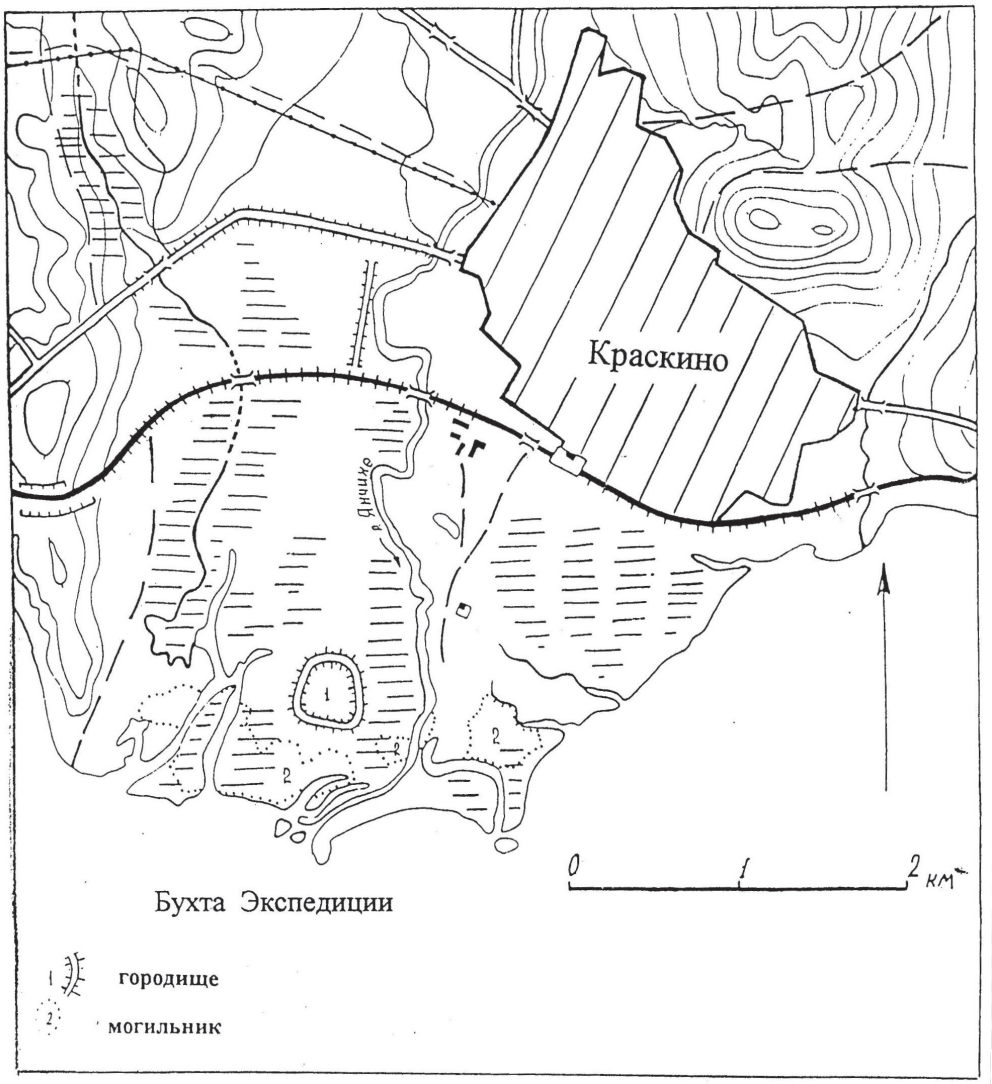

Рис. 1. Местоположение Краскинского городища и могильника
Источник: составлено автором на основе **[12, с. 111, рис. 2]**

це XIX в. корейские крестьяне устроили усадьбу в северной части Краскинского городища и часть его площади распахали. В 30–50-х гг. XX в. подразделения местного воинского гарнизона проводили здесь учения, от которых сохранились следы окопов, землянок и блиндажей. Тем не менее, в целом Краскинское городище сохранилось достаточно хорошо.

В следующий раз городище на берегу бухты Экспедиции специально обследовалось только в 1958 г., когда его посетили молодые московские учёные Гаральд Иванович Андреев (1926–1970) и Жанна Васильевна Андреева (1930–2015) во время археологических поисков в составе Прибрежного отряда Дальневосточной археологической экспедиции на юге Приморья близ бухты Экспедиции **(Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 1777. Л. 12)**[2].

В 1960 и 1963 гг. памятник обследовал Эрнст Владимирович Шавкунов (1930–2001). Он выполнил инструментальную съёмку крепостных сооружений и на основе собранной черепицы датировал памятник VIII–X вв. **[17, с.**

[2] Архив ИА РАН – Архив института археологии РАН

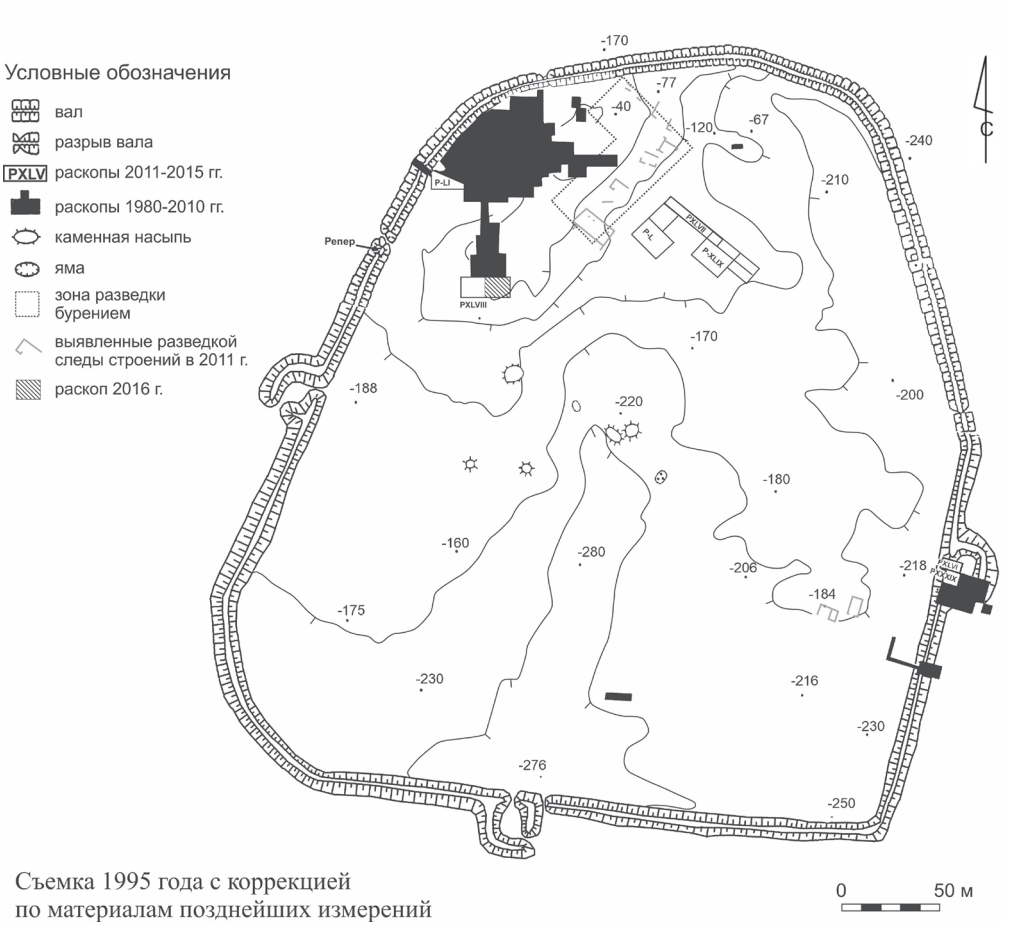

Рис. 2. План Краскинского городища
Источник: составлено автором на основе **[7, с. 118, рис. 1]**
с дополнениями по результатам полевых исследований автора

141–144]. Э.В. Шавкунов пришёл к выводу о том, что городище является центром бохайского округа Янь, откуда осуществлялась основная связь Бохая с Японией. Таким образом, первоначальное предположение Архимандрита Палладия подтвердилось. В настоящее время эту точку зрения поддерживают все китайские, японские и южнокорейские археологи и историки.

Раскопки на памятнике ведутся уже более четверти века археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, сначала под руководством В.И. Болдина (с 1980 по 2007 гг.), затем – Е.И. Гельман **[8, с. 211–213]**.

Результаты исследований

Краскинское городище располагается в приустьевой правобережной части долины р. Цукановки (Яньчихэ), изрезанной со стороны бухты Экспедиции узкими ингрессионными заливчиками *(рис. 1)*. Название реки в начале XVIII в. на китайских картах представлено как Янчухэ **[15, с. 151, 152]**. Вероятнее всего оно восходит к субстратному топониму в китайском переводе и связано с названием центра округа Яньчжоу (означает Соляной округ). Вероятно, город контролировал производство соли, но важнейшая функция Краскинского городища была обусловлена его удачным географическим положением – из этого города-порта начиналась морская дорога в Японию.

От берега и бухты городище отстоит на 400 м, от ближайшего залива – примерно на 100 м. Городище имеет форму, близкую к прямоугольнику с дугообразным северным валом, периметр которого достигает 1380 м, а площадь поверхности внутри валов составляет около 12,6 га *(рис. 2)*. В настоящее время вал возвышается на высоту 1,5-2 м. Примерно таким же его увидел Архимандрит Палладий: "…В полверсты от бухты есть старинный городок почти овальной формы; он поднят над уровнем окрестной местности на сажень" **(Архив РГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 8)**. На некоторых участках задернованного вала обнажились его каменные конструкции. Ширина вала по верху составляет 1 м, а в его основании – 10–12 м.

Осевая линия городища ориентирована на север с отклонением на 20 градусов к востоку. Имеются трое ворот (южные, восточные и западные), защищённые с внешней стороны прямоугольными предвратными укреплениями. Выходы из укреплений восточных и западных ворот обращены на юг, т.е. в сторону бухты Экспедиции, а выход из южных ворот – в сторону устья реки Цукановки (Яньчихэ).

Северо-западная часть внутри городища является наиболее возвышенной. Самая низкая часть находится ближе к южным воротам. От южных ворот в направлении северной крепостной стены прослеживается понижение (до 30 м шириной), предположительно улица, разделяющая город на восточную и западную части. Во время посещения городища П.И. Кафаров обратил внимание, что "внутри его попадаются грубо обделанные камни и обломки черепицы" **(Архив РГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 8)**.

В бохайское время климат, судя по некоторым археологическим и, косвенно, по летописным данным был несколько теплее. На нескольких бохайских памятниках Приморья обнаружены два вида вымерших морских моллюсков – анадар (Anadara inaequivalvis, Anadara subcrenata), происходивших из северной части залива Петра Великого. Находки этого моллюска указывают на более тёплый гидрологический режим в бохайское время по сравнению с современным на 1–2, как следствие более тёплых климатических условий **[14, с. 133]**. Палинологические исследования на Краскинском городище **[11, с. 351–354]** показали изменения природных условий на протяжении его существования. До того, как оно было построено, на этой территории были густые долинные леса. В период функционирования памятника предположительно происходила смена нескольких периодов: с сухого на влажный, а затем снова на более засушливый. Диатомовый анализ свидетельствует о том, что материковые отложения содержат находки морских и солоновато-водных диатомовых водорослей, а в культурных отложениях присутствуют пресноводные речные и озёрно-болотные диатомовые водоросли. Это свидетельствует о неоднократных паводках и формировании в северной части городища рыхлых отсортированных отложений **[11, с. 354]**. В процессе изменений природных условий изменялась береговая линия бухты Экспедиции, а также русло р. Цукановки (Яньчихэ). На следы многочисленных наводнений в долине реки обратил внимание и Архимандрит Палладий: "…По болотистой долине видны следы разливов Яньчухэ на далёкое пространство" **(Архив РГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 8)**.

Геологические исследования Краскинского городища **[16, с. 131–140]** и его окрестностей выявили минеральные ресурсы, которые использовались его жителями. Изучение элементов строительных конструкций городища и горных пород из его окрестностей, анализ геологических карт и данные геологических маршрутов позволили установить, что все обломки каменного материала, обнаруженные на памятнике, не являются местными образованиями. Они оказались на территории городища в результате деятельности человека. Природные камни, применявшиеся в строительстве на городище делятся на окатанные и неокатанные. Окатанные камни доставлялись из мест, где возможна его естественная обработка (русла и прирусловые участки рек, пляжи на морском побережье). Неокатанные обломки отбирались из природных карьеров (коренные обнажения, склоновые россыпи). Для строительства и хозяйственных нужд жители Краскинского городища использовали горные породы, распространённые в его окрестностях. Кроме того, П.И. Кафаров обратил внимание, что в долине другой ближайшей к городищу р. Нли есть следы добычи золота **(Архив РГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 9)**, запасы которого

в настоящее время промышленного значения не имеют. Он также отметил открытые каменноугольные шахты в долине р. Яньчихэ (Цукановки). В процессе раскопок на памятнике установлено, что бохайское население активно использовало каменный уголь для отопления жилищ и в производственной деятельности. В целом, зона хозяйственного использования минерального сырья характеризуется концентрическим строением с центром в месте расположения городища. Её радиус не превышает 10 км **[16, с. 139, 140]**. Главными транспортными артериями для доставки камня являлись море и река.

Городские укрепления городища первоначально сооружались из грубо обработанных каменных блоков (в среднем 0,3×0,4×0,8 м) в основном белого цвета с желтоватым оттенком (туфы). Выходы аналогичных пород известны в междуречье Цукановки и Камышовой, а также вблизи устья р. Гладкая. Камень добывали в естественных карьерах и транспортировали по ингрессионному заливу и вдоль северного побережья бухты Экспедиции.

Из туфов были сложены две стены крепостного вала – внутренняя и внешняя, расстояние между ними – чуть более 2 м, пространство между ними засыпалось землёй. Наружная кладка была высотой 2,6–2,7 м, внутренняя – 1–1,2 м. Ворота первоначально представляли собой проход в стене шириной около 5 м. На следующем этапе были построены защитные сооружения ворот и башни, а также неоднократно осуществлялся ремонт стен. Фронтальные башни построены из каменных блоков, одна из них раскопана на восточном участке стены. Размеры башни составили 3×4,75 м.

Защитные сооружения ворот (захабы) имеют прямоугольную форму и в настоящее время их размеры в заплывшем состоянии составляют 25×38–44 м. Проход в городской стене прикрывается глухой стеной (длиной 38–44 м), выход из захаба у западных и восточных обращён в сторону бухты Экспедиции (на юго-запад), а у южных ворот – на р. Цукановку (на юго-восток). Раскопки проводятся только на восточных воротах, и они ещё не завершены. В процессе исследований установлено, что толщина стен защитных сооружений ворот составляет 5,5 м. Длина короткой стены составила 14,4 м, длинной стены – 16,6 м. Ширина прохода в юго-западной короткой стене – 5 метров. Расстояние от прохода в крепостной стене до юго-западной стены захаба достигает 11,3 м, площадь внутри защитных сооружений составляет 239 м^2. С юго-востока к ним ведёт дорога с галечным покрытием, которая имеет мощную подушку из битой, использованной черепицы (в ней сохранились колеи от тележных колёс) и грубозернистого песка. Сверху уложена крупная галька, забутованная мелкой галькой и песком. Дорога в захабе под прямым углом ведёт к проходу в городской стене. Её ширина внутри защитных сооружений ворот составила 2 4 м вместе с черепичным слоем. Удалось также проследить небольшой отрезок этой дороги с внутренней стороны города.

Для ремонта использовался окатанный и слабо крупный окатанный камень, который мог добываться в центральной и южной частях полуострова Новгородского и на северо-восточном побережье бухты Экспедиции. Доставка на городище такого камня могла осуществляться прибрежно-морским путём на расстояние до 6,5 км. На последнем этапе существования памятника крепостные стены были перекрыты галечно-земляной насыпью. Подобный камень залегает в русловых отложениях р. Цукановка, откуда его по реке доставляли в городище. Ширина прохода в воротах на этом этапе составляла около 3,5 м.

Планировка городища изучена частично, но уже можно сказать, что город был поделён на прямоугольные кварталы, ориентированные относительно центральной оси памятника (примерно по линии север-юг) с небольшим отклонением к востоку. Постройки внутри кварталов ориентированы преимущественно диагонально относительно сторон света. Эти данные первоначально получены на основании раскопок, а затем подтвердились результатами магнитометрии и бурения **[3; 6]**.

В северо-западной части памятника располагался храмовый комплекс, к югу и востоку от него частично изучены жилые кварталы. В процессе археологических исследований установлено, что мощность культурных отложений на городище превышает 2 м. На разных участках выявлено несколько строительных горизонтов. В районе храмового комплекса установлено наличие трёх горизонтов, в районе жилых кварталов пять-шесть горизонтов. Вероятно,

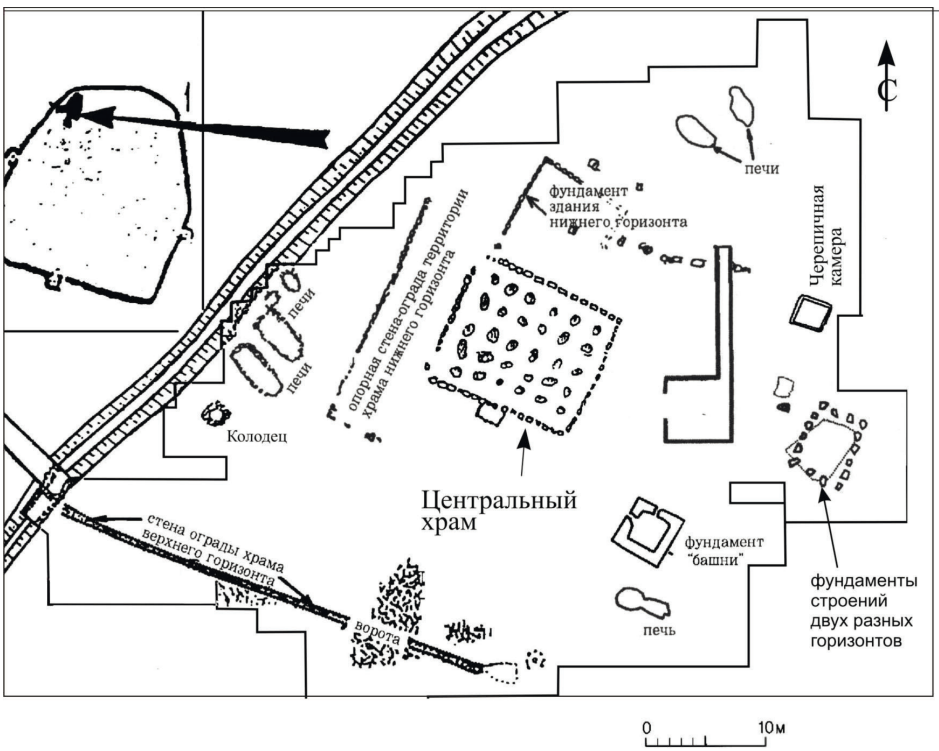

Рис. 3. Ситуационный план объектов, расположенных в северо-западной части городища
Источник: составлено автором на основе **[5, с. 76, рис. 1]**
с дополнениями по результатам полевых исследований автора

такая разница обусловлена разной продолжительностью существования объектов. Жилища, по сравнению с храмовыми постройками, безусловно, были менее долговечны. Храмовый комплекс отделялся от других кварталов города оградой на каменном основании. На основании каппаметрии в сочетании с геохимическим исследованием отобранных образцов почвы из разных строительных горизонтов была построена геохимическая модель культурного слоя на одном из полностью раскопанных участков. Она подтвердила результаты археологических исследований **[2, с. 72–76]**.

Для изучения планировки памятника существенное значение имеют дороги. Кроме дороги с каменным покрытием в районе восточных ворот, найдены участки дорог в жилом квартале в северной части памятника, в том числе перекрёсток двух дорог, ориентированных по линии восток-запад и север-юг, он позволил выявить разделённые дорогами фрагменты четырёх кварталов, исследования которых продолжаются. На участке дороги, ориентированной по линии север-юг выявлены пять строительных горизонтов, причём в четырёх верхних горизонтах дорога имела каменное покрытие. Ширина дорожного полотна на этих выявленных участках достигает 5 метров вместе с обочинами. Ширина галечного покрытия 2–2,5 м.

Храмовый буддийский комплекс находится в северо-западной возвышенной части городища *(рис. 3)*, примыкает к северному участку крепостной стены и в верхнем строительном горизонте отделяется от городских кварталов оградой на каменном фундаменте (изучен южный отрезок ограды). Ворота устроены напротив храма, а дополнительный проход – ближе к крепостной стене. Храмовый комплекс начал функционировать на раннем этапе существования городища, судя по находкам черепицы в нижнем пятом строительном горизонте в жилом квартале. Вместе с тем выявлены только три строительных горизонта, отражающие динамику застройки комплекса, что, видимо, объясняется тем, что храмовые здания перестраивались существен-

но реже, чем жилища. Все сооружения были ориентированы одинаково: по линии северо-восток – юго-запад. Возведению всех зданий предшествовало строительство черепичных печей, в которых обжигалась черепица, после использования печи разрушались и засыпались **[5, с. 77–79]**.

Храм верхнего горизонта был сооружён на искусственной земляной платформе высотой от 0,43-0,49 м по краям до 0,8 м в центре, размерами 10,4×11,8 м (122,7 м^2) **[4]**. Платформа ориентирована углами по сторонам света, её края по периметру укреплены подпорной каменной стенкой, сложенной в два ряда. Для постройки колоннадного типа использованы 30 каменных баз, из которых сохранились 25. Расстояние между ними составляло 1,3-1,4 м, и они располагались в шесть рядов по пять в каждом из них. Вход находился с юго-западной продольной стороны, где в центральной части к платформе вплотную примыкала ступенька (0,12×1,3×1,3 м), укреплённая по краям двойным рядом камней. Пол храма был вымощен речной галькой (0,1–0,2 м толщиной), а в его центральной части сохранилось место алтаря, в виде возвышения до 0,2 м высотой и площадью 1,5 м. Площадь здания на платформе составляла 8,3-9,5 м (78,8 м^2). Крыша была четырёхскатной, перекрывая немного края платформы. Конёк крыши по краям был увенчан двумя архитектурными деталями типа "совиный хвост" (чивэй, чивэнь), а в центре – предположительно лепным украшением в форме бутона лотоса, от которого сохранились основа и лепесток, крепившийся в нижней части бутона.

В 15-ти м от южного угла храма был найден каменный фундамент здания **[5, с. 76, 77]**, скорее всего, башни для колокола или барабана, так как пагоды, согласно архитектурным канонам буддизма, располагают напротив главного храма на одной линии с ним. Размеры почти квадратного фундамента составили 4,2×4,4 м (18,06 м^2), ширина каменной кладки, выложенной двумя-тремя слоями, достигала 0,82-0,92 м. Внешний и внутренний края кладки выложены правильными рядами, между ними камень забутовывался почти без ориентировки. Крыша здания была четырёхскатной, слой черепицы после разрушения здания сформировался не только над фундаментом, но и со всех четырёх сторон от него.

В 14-ти м к востоку от восточного угла храма было обнаружено полуподземное сооружение со стенами, сложенными из черепицы **[12, с. 56–64]**. Оно получило условное название черепичной камеры, размеры внутреннего пространства которой составили 2,6×2,3 м (5,98 м^2). Длина стен почти квадратной постройки снаружи черепичных стен составили 2,75-3 м. Глубина камеры не превышала 1,2 м. Углами постройка ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. При возведении стен использовалась старая, фрагментированная, преимущественно плоская черепица, которая укладывалась пачками, скреплявшимися железными скобами. Камера имела черепичную крышу, её деревянные конструкции сгорели и рухнули внутрь. Назначение подземного сооружения не ясно, но с большой долей вероятности можно предположить, что это было хранилище, постепенно превратившееся в мусорную яму.

На Краскинском городище частично или полностью изучены 24 жилища. Они подразделяются на два типа: полуземлянки с очагом и наземные, слегка заглублённые с кановой отопительной системой. В обоих случаях они имеют прямоугольную форму, редко – квадратную, углы обычно округлые. Жилища чаще всего ориентированы по линии северо-восток – юго-запад, реже встречается ориентировка по линии северо-запад – юго-восток, север-юг, запад-восток.

Глубина котлованов полуземлянок достигала 0,4-0,5 м, площадь одной полностью изученной полуземлянки составляет около 12 м^2. В ней найден очаг овальной формы диаметром около одного метра. В некоторых полуземлянках найдены столбовые ямки, которые располагались в основном по периметру жилища, реже в центральной части. Однако полученных данных пока не достаточно для надёжной реконструкции полуземлянок. Причиной гибели части бохайских жилищ были пожар и наводнения, почти все полуземлянки после разрушения использованы в качестве мусорных ям.

Наземные жилища обычно слегка немного заглублены на 0,2–0,3 м. Их площадь достигала 15–57 м^2, но чаще в среднем не превышала 20–30 м^2.

Самые большие жилища найдены только в верхнем строительном горизонте. Для основания стен нередко использовался камень, который укладывался в 1–3 слоя и обмазывался глиной. В одном из жилищ верхнего горизонта была обнаружена пристройка, имевшая каменное основание. Она могла использоваться как тамбур или как открытая веранда под крышей перед входом в жилище. Все наземные жилища имели отопительную систему типа кан с двухканальными каналами и П-образной формы в сечении.

При сооружении дымоходных каналов кана их стенками являлись врытые вертикально каменные плиты или крупные плоские гальки, перекрытые сверху другими подходящими камнями. Длина секций канов зависела от размеров жилищ, ширина секций обычно превышала один метр. Ширина дымоходных каналов в среднем составляла 22–30 см. Столбовые ямы прослежены в отдельных случаях, но позволяют предполагать, что жилища имели каркасно-столбовую конструкцию. К жилищам примыкали небольшие дворы, в которых найдены остатки хозяйственных ям разных размеров. Как правило, они обмазывались глиной, одна из таких ям располагалась под навесом.

На памятнике раскопан один колодец, построенный на территории храмового комплекса. Он существовал длительное время, имел небольшую глубину (около 3 метров), так как грунтовые воды на городище располагались всегда довольно высоко **[6]**. Шахта колодца имеет круглую в плане форму вверху и квадратную форму внизу. Углы колодца были ориентированы почти по сторонам света. Он был построен вблизи черепичных печей и, видимо, предназначался, в первую очередь для нужд черепичного производства. Колодец сооружался из камня вперемешку со старой и бракованной черепицей, только внутреннее кольцо колодца, а также кладка нижней квадратной шахты были сложены целиком из камня. Колодец возводился на деревянном срубе из 2-х венцов плах и брусьев (2 ряда) толщиной 14–15 см. Дно было выложено каменной галькой средних и мелких размеров, под которой располагался фильтр оригинальной конструкции. Он состоял из слоя песка, который находился между двумя плетнями – сплетёнными из тонких ивовых прутьев, закреплённых на дубовом каркасе. Все деревянные конструкции колодца сохранились в естественном виде. Колодец был заброшен в последний период существования городища и завален камнями, ветками деревьев, в том числе фруктовых, керамическими сосудами и черепицей.

Здания на платформе, которые можно условно отнести к общественным или административным зданиям, изучались частично. В северо-западной части памятника, в жилом квартале, в верхнем строительном горизонте расчищены остатки сооружения площадью 88 м^2. В северной части памятника исследования бурением позволили выявить остатки каменных фундаментов ещё девяти зданий, площадь которых составила 36–220 м^2, а вблизи восточных ворот найдены каменные фундаменты двух построек площадью 35 и 55 м^2. Все обнаруженные здания относились к разным строительным горизонтам **[7, с. 119–124]**.

Заключение

Краскинское городище выполняло несколько основных функций. Как административно-территориальная единица в государстве Бохай, город являлся окружным центром Яньчжоу, входившим в столичную область Лунюаньфу. В округ входили четыре уезда: Хайан, Цзехай, Гэчуань и Лунхэ. А.Л. Ивлиев полагает, что город Яньчжоу мог быть одновременно и уездным центром Хайан, название которого переводится как "находящийся на северном берегу моря", что соответствует местонахождению Краскинского городища на северном берегу бухты Экспедиции **[19, с. 140]**. Сочетание двух административных функций (в том числе окружного и уездного центра) встречалось и в других регионах Бохая.

Название города, упомянутое в "Синь тан шу", как справедливо предположил Палладий Кафаров, совпадает с гидронимом – рекой Яньчихэ (Янь – означает "соль"). Город у моря обеспечивал добычу соли, которая традиционно осуществлялась на берегу бухты Экспедиции вплоть конца XIX в. Соль в средневековье имела высокую цену и могла в качестве налогов изыматься для нужд других регионов государства.

Главная функция города заключалась в том, чтобы обеспечивать морской путь в Японию. Эта задача придавала ему высокий статус и сохранила в истории его название. "Дорога в Японию" упоминается в письменных источниках, она официально как сухопутная начиналась в Восточной столице (городище Баляньчэн близ г. Хунчунь КНР). За всё время дипломатических отношений между Бохаем и Японией из Краскинского городища отправились 33 бохайских посольства из 34. Все японские посольства (таких миссий было 13) отправлялись домой также через этот порт. Сами посольства являлись формой международной торговли, как государственной, так и частной. Самые разнообразные товары перемещались через Краскинское городище, которые прибывали сюда как морем, так и сухопутным путём. К сожалению, большая их часть не сохраняется в почве – шёлковые ткани, шёлковая вата, пояса, меха, женьшэнь, панты. Находка кости верблюда указывает на то, что сюда приходили караваны с грузами. С большой долей вероятности можно утверждать, что в одной из частей города находится квартал, где останавливались посольства и находились склады для товаров. Так как бухта Экспедиции была мелководной, рейд, где останавливались корабли, скорее всего, находился в Посьете. Оттуда на лодках через залив и по реке товары и людей можно было доставить в Краскинское городище. Не случайно дорога из восточных ворот направляется в сторону р. Цукановки (Яньчихэ). Таким образом, власти и население города обеспечивало функционирование порта.

Вместе с тем, город являлся крупным торгово-ремесленным центром, здесь велась преимущественно меновая торговля товарами из других стран, из других регионов Бохая и местного производства. Свидетельства обработки чёрных и цветных металлов, гончарное и черепичное производства, ткачество, деревообработка и косторезное дело обеспечивали потребности жителей и гостей города в массовых товарах.

Часть населения занималась сельским хозяйством – выращиванием зерновых и бобовых культур, садоводством, разведением домашних животных. Без собственного обеспечения пищей город не смог бы выживать. Охота, морской промысел, собирательство и рыболовство играли вспомогательную, но важную роль в системе жизнеобеспечения Краскинского городища – центра округа Яньчжоу.

Литература

1. Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск–Владивосток: изд-во "Книжное дело". 1928. 86 с.

2. Бессонова Е.А., Гельман Е.И., Николаева Н.А. Применение каппаметрии поверхности почвы для картирования археологических объектов, погребенных в паводковых наносах // Вестник ДВО РАН, 2013. № 4. С. 70–77.

3. Бессонова Е.А., Ивлиев А.Л. Результаты применения магниторазведки для решения археологических задач на Краскинском городище // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 92–101.

4. Болдин В.И. Буддийский храм Краскинского городища // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 1993. С. 49–59.

5. Болдин В.И., Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г. "Интеграция" на Краскинском городище: 4 года исследований // Вестник ДВО РАН. 2001. № 3. С. 74–90.

6. Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Болдин В.И. Раскопки колодца Краскинского городища // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В.Шавкунова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2000. С. 153–165.

7. Гельман Е.И., Ивлиев А.Л. Новый метод археологической разведки (на примере Краскинского городища) // Вестник ДВО РАН, 2013. № 1 (167). С. 117–124.

8. Гельман Е.И., Ким Ын-Кук, Чжун Сук-Бэ, Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Ким Ын-Ок. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2014 году. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии. Сеул, 2015. Т. I. 363 с.

9. Ларичев В.Е. Потерянные дневники Палладия Кафарова // Известия СО АН СССР. Серия общ. наук. 1966. № 1, вып. 1. С. 114–122.

10. Ларичев В.Е. Путешествие в страну восточных иноземцев. Новосибирск: Наука, 1973. 339 с.

11. Лящевская М.С. Результаты палинологического изучения отложений раскопа в жилом квартале Краскинского городища // Гельман Е.И., Ким Ын-Кук, Чжун Сук-Бэ, Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Ким Ын-Ок. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2014 году. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии. Сеул, 2015. Т. I. С. 351–354.
12. Отчет об археологических исследованиях бохайских памятников в Приморском крае России в 2004 году. Сеул: Фонд изучения Когурё, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сеул, 2005. 453 с.
13. Пиков Г.Г. Два юбилея: архимандрит Палладий (П.И. Кафаров) и его "Словарь". Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Том 11, выпуск 10: Востоковедение. С. 86–90.
14. Раков В.А., Гельман Е.И. Малакофауна бохайского городища Горбатка// Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во Института истории, 2002. С. 127–133.
15. Соловьев Ф.В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1975. 222 с.
16. Съедин В.Т., Бессонова Е.А., Гельман Е.И., Зверев С.А., Коптев М.А., Ноздрачев Е.А. Минеральное сырье Краскинского городища (Приморский край) // Вестник ДВО РАН, 2013. № 1 (167). С. 131–140.
17. Шавкунов Э.В. Бохайское городище близ пос. Краскино в Приморье // Записки Приморского филиала Географического Общества СССР. Т.25. 1966. С. 141–144.
18. Archimandrite Palladius and E. Delmar Morgan. An Expedition Through Manchuria from Pekin to Blagovestchensk in 1870: Journal of the Royal Geographical Society of London. Published by: Blackwell Publishing on behalf of The Royal Geographical Society (with the Institute of British Geographers). Vol. 42, 1872. Pp. 142–180.
19. Ivliev A.L. Nature and function of Kraskino walled town in Primorye region through the historical viewpoint // Краскинское городище Приморья – характер и функциональное назначение. Токио, 2013. С. 139–143. Яп. и англ. яз.
20. Morgan, E. Delmar. The Recent Journey of the Archimandrite Palladius Through Manchuria // Proceedings of the Royal Geographical Society of London (Published by: Blackwell Publishing on behalf of The Royal Geographical Society (with the Institute of British Geographers). Vol. 16, No. 3. 1871–1872. Pp. 204–217.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Anosov S.D. Korejtsy v Ussurijskom krae. KHabarovsk–Vladivostok: izd-vo "Knizhnoe delo". 1928. 86 s.
2. Bessonova E.A., Gel'man E.I., Nikolaeva N.A. Primenenie kappametrii poverkhnosti pochvy dlya kartirovaniya arkheologicheskikh ob"ektov, pogrebennykh v pavodkovykh nanosakh // Vestnik DVO RAN, 2013. № 4. S. 70–77.
3. Bessonova E.A., Ivliev A.L. Rezul'taty primeneniya magnitorazvedki dlya resheniya arkheologicheskikh zadach na Kraskinskom gorodishhe // Vestnik DVO RAN. 2007. № 5. S. 92–101.
4. Boldin V.I. Buddijskij khram Kraskinskogo gorodishha // Problemy ehtnokul'turnoj istorii Dal'nego Vostoka i sopredel'nykh territorij. Blagoveshhensk, 1993. S. 49–59.
5. Boldin V.I., Gel'man E.I., Ivliev A.L., Nikitin YU.G. "Integratsiya" na Kraskinskom gorodishhe: 4 goda issledovanij // Vestnik DVO RAN. 2001. № 3. S. 74–90.
6. Gel'man E.I., Ivliev A.L., Boldin V.I. Raskopki kolodtsa Kraskinskogo gorodishha // Istoriya i arkheologiya Dal'nego Vostoka. K 70-letiyu EH.V.SHavkunova. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta, 2000. S. 153–165.
7. Gel'man E.I., Ivliev A.L. Novyj metod arkheologicheskoj razvedki (na primere Kraskinskogo gorodishha) // Vestnik DVO RAN, 2013. № 1 (167). S. 117–124.
8. Gel'man E.I., Kim Yn-Kuk, CHzhun Suk-Beh, Astashenkova E.V., Piskareva YA.E., Kim Yn-Ok. Arkheologicheskie issledovaniya na Kraskinskom gorodishhe v Primorskom krae Rossii v 2014 godu. Institut istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, Fond izucheniya istorii Severo-Vostochnoj Azii. Seul, 2015. T. I. 363 s.
9. Larichev V.E. Poteryannye dnevniki Palladiya Kafarova // Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshh. nauk. 1966. № 1, vyp. 1. S. 114–122.
10. Larichev V.E. Puteshestvie v stranu vostochnykh inozemtsev. Novosibirsk: Nauka, 1973. 339 s.
11. Lyashhevskaya M.S. Rezul'taty palinologicheskogo izucheniya otlozhenij raskopa v zhilom kvartale Kraskinskogo gorodishha // Gel'man E.I., Kim Yn-Kuk, CHzhun Suk-Beh, Astashenkova E.V., Piskareva YA.E., Kim Yn-Ok. Arkheologicheskie issledovaniya na Kraskinskom gorodishhe v Primorskom krae Rossii v 2014 godu. Institut istorii,

arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, Fond izucheniya istorii Severo-Vostochnoj Azii. Seul, 2015. T. I. S. 351–354.

12. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh bokhajskikh pamyatnikov v Primorskom krae Rossii v 2004 godu. Seul: Fond izucheniya Koguryo, Institut istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. Seul, 2005. 453 s.

13. Pikov G.G. Dva yubileya: arkhimandrit Palladij (P.I. Kafarov) i ego "Slovar'". Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2012. Tom 11, vypusk 10: Vostokovedenie. S. 86–90.

14. Rakov V.A., Gel'man E.I. Malakofauna bokhajskogo gorodishha Gorbatka// Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Izd-vo Instituta istorii, 2002. S. 127–133.

15. Solov'ev F.V. Slovar' kitajskikh toponimov na territorii sovetskogo Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Institut istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka, 1975. 222 s.

16. S"edin V.T., Bessonova E.A., Gel'man E.I., Zverev S.A., Koptev M.A., Nozdrachev E.A. Mineral'noe syr'e Kraskinskogo gorodishha (Primorskij kraj) // Vestnik DVO RAN, 2013. № 1 (167). S. 131–140.

17. SHavkunov EH.V. Bokhajskoe gorodishhe bliz pos. Kraskino v Primor'e // Zapiski Primorskogo filiala Geograficheskogo Obshhestva SSSR. T.25. 1966. S. 141–144.

18. Archimandrite Palladius and E. Delmar Morgan. An Expedition Through Manchuria from Pekin to Blagovestchensk in 1870: Journal of the Royal Geographical Society of London. Published by: Blackwell Publishing on behalf of The Royal Geographical Society (with the Institute of British Geographers). Vol. 42, 1872. Pp. 142–180.

19. Ivliev A.L. Nature and function of Kraskino walled town in Primorye region through the historical viewpoint // Kraskinskoe gorodishhe Primor'ya – kharakter i funktsional'noe naznachenie. Tokio, 2013. S. 139–143. YAp. i angl. yaz.

20. Morgan, E. Delmar. The Recent Journey of the Archimandrite Palladius Through Manchuria // Proceedings of the Royal Geographical Society of London (Published by: Blackwell Publishing on behalf of The Royal Geographical Society (with the Institute of British Geographers). Vol. 16, No. 3. 1871–1872. Pp. 204–217.

Гельман Е.Н. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней.

В статье рассмотрены итоги многолетних систематических раскопок Краскинского городища (Яньчжоу), начатых во 2-ой половине XX в. Впервые местонахождение памятника было определено по летописным данным архимандритом Палладием Кафаровым, который посетил город-порт в 1871 г. В процессе исследований использовался комплекс современных научных методов, в том числе археологических, геологических, геофизических и биологических. Город выполнял несколько основных функций, в том числе административную - в качестве окружного центра столичной области государства Бохай (698–926). Его название в китайской транскрипции (Яньчжоу) означает, что здесь велась добыча соли. Главнейшей функцией средневекового города являлось обеспечение морского пути в Японию, сухопутный участок которой начинался в Восточной столице.

Ключевые слова: *Архимандрит Палладий, Дальний Восток, Маньчжурия, государство Бохай (698–926), археология, бухта Экспедиции, Краскинское городище*

Gel'man E.N. Bohai walled town in Russia history: from Archimandrite Palladius to present days.

The article summarizes outcomes of many years of excavations of Kraskinskoye walled town which began in the second half of 20th century. The discovery of the site is credited to archimandrite Palladius Kafarov who relied on chronicles and visited the port city in 1871. Research efforts involved a variety of modern techniques specific to archaeology, geology, geophysics, and biology. The town had more than one role to play, including administrative tasks as the district center of Capital province. Its Chinese name (Yanchou) in written form suggests the salt procurement. But the authors maintain that the foremost purpose of the site was to enable the marine access to Japan on the road that went from the Eastern Capital.

Key words: *Archimandrite Palladius, Far East, Manchuria, Bohai state (698–926), archaeology, Expedition bay, Kraskinskoye walled town*

Для цитирования: Гельман Е.Н. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 60–72. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/60-72

For citation: Gel'man E.N. Bohai walled town in Russia history: from Archimandrite Palladius to present days // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 60–72. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/60-72

◆

УДК 323+327

Бостан К.А., Кузнецов А.М.

Идея "фронтира": выгодное приобретение или опасный "фантом"?

Сибирско-дальневосточные и иные фронтиры. Постановка вопросов. Открывшиеся в конце 1980-х гг. возможности усвоения ранее не приветствовавшихся идей и их свободного обсуждения с зарубежными специалистами повлияли на внедрение в российскую обществоведческую науку разного рода "импорта". При оценке сложившейся ситуации следует также учитывать значение открывавшихся при *правильной* постановке вопросов перспектив получения невиданного ранее блага – зарубежных грантов. Новые обстоятельства явно простимулировали и всплеск "исследовательских проектов" по сравнительному изучению ряда проблем, в том числе, освоения (колонизации) Сибири, Дальнего Востока России и "Дикого запада" США. В результате наши авторы стали примерять к российским реалиям и термин "фронтир", ранее полагавшийся неприемлемым как откровенно "буржуазное порождение". Росту популярности фронтирных разработок явно способствовало появление русскоязычной версии работы классика жанра **[34]**. Первыми активистами в этих начинаниях выступили сибирские историки **[7; 13; 14; 23; 24; 26; 31; 33; 37; 38]**. Вскоре под воздействием очарования звучного "ненашего" слова оказались их дальневосточные коллеги **[25; 40]**. С некоторым запозданием "эстафету" приняли и специалисты из других регионов **[6; 22]**.

Однако, несмотря на проявившийся энтузиазм, и в историческом "цехе" нашлись скептики, которые обратили внимание на ряд несоответствий, возникавших при попытках укоренения идеи фронтира на российской почве. Как показали историографические исследования, ещё в начале XX в. был поставлен вопрос: почему условия пограничья, "фронтира" способствовали развитию демократии в США, но не привели к возникновению демократической политической системы в Сибири? **[5]**. В советский период было отмечено, что колонизация Запада США проходила на основе сложившихся капиталистических отношений, в то время как Сибирь и отчасти Дальний Восток осваивались преимущественно в других условиях **[2; 3]**. Российские авторы ещё представили американский "фронтир" и сибирский "рубеж" как факторы "цивилизационного разлома" **[1]**. Появились и более серьёзные упрёки в адрес наших исследователей, у которых "теоретические разработки идеи, предложенной Ф. Тернером, были направлены не на углублённое изучение методологических *составляющих* (здесь и далее курсив наш – К.Б., А.К.) явления, а на построение линий компаративного анализа американского и сибирского фронтиров" **[33, с. 189]**.

Казалось, позицию скептиков в данном вопросе смогли дезавуировать наши философы, которые как раз и должны были помочь историкам преодолеть дисциплинарную ограниченность используемой ими методологии. Они вполне определённо высказались в отношении целесообразности понятия фронтира, а затем ещё расширили ареал его применения. "В историческом, географическом, политологическом дискурсе оно удобно в качестве термина для обозначения локуса пространства, протяжённой территории, возникающей в результате движения населения, расширения пределов государства и создания новой контактной зоны на границах новоприобретённых земель, в

© *Бостан К.А., Кузнецов А.М., 2018*

БОСТАН Ксения Алексеевна, студентка магистратуры Института североамериканских исследований им. Джона Ф. Кеннеди, Freie Universität Berlin *(г. Берлин, Германия).* **E-mail:** ksenia.bostan@gmail.com

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** kuznetsov.2012@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ проект № 17-12 10001

пределах которой происходит взаимодействие с соседними этническими группами, *политическими образованиями*, цивилизациями. Эти значения наследуют исходным смыслам понятия и реалиям не только североамериканского континента, но и других территорий" **[12, с. 26]**. Однако обращает внимание, что наши авторы, активно эксплуатирующие термин "фронтир", не особо утруждают себя анализом его первичных значений и их дальнейшей эволюции **[29]**. Попробуем устранить этот недостаток.

Некоторые вопросы американской истории и политики в дискурсе фронтира. Для основной части российских специалистов непреложным является тезис о том, что историческая важность фронтира в развитии США впервые была оформлена в качестве концепции Ф. Дж. Тернером (1861–1932). Действительно, в 1893 г. он представил в Чикаго на заседании Американского исторического общества доклад "Фронтир в американской истории". Затем в качестве Введения этот доклад был включён в одноимённое издание основных статей, эссе и многочисленных выступлений 1893–1918 гг. Тернера. В своих текстах автор акцентировал внимание читателя на роли экспансии американской цивилизации на Запад, послужившей основой для формирования понятия *фронтир*. По мнению исследователя: "Сначала фронтиром было Атлантическое побережье. Это был фронтир Европы в самом подлинном смысле. Двигаясь на Запад, фронтир становился все более и более американским" **[58, p. 4].** Здесь уже в Новом свете окончательно сформировалась культура, менталитет, характер и особенности, присущие американской нации. Тернер также полагал, что "самым важным моментом фронтира стало развитие демократии" как в США, так и в Европе" **[58, p. 30]**. Политическая демократия США, как таковая, по мнению автора, родилась непосредственно на рубеже, разделявшем *цивилизацию переселенцев и дикую природу населённую "опасными туземцами*. Точно также ряд особенностей американской государственности объяснялся её развитием не на ограниченной территории, как в Европе, а в условиях постоянного продвижения фронтира на Запад. В этом продвижении, как отмечал Ф. Тернер, "особенно поражает *внеправовая* добровольная ассоциация пионеров фронтира", обусловившая возникновение особых институтов "власти" и общественной организации "без вмешательства со стороны государственных институтов" **[58, p. 343]**. Но те же суровые условия "подвижной границы", утверждал наш автор, закрепили в американцах и индивидуализм, который они пронесли с собой через весь континент от самой первой, европейской, линии фронтира первых тринадцати британских колоний до тихоокеанского побережья. В результате и индивидуализм, и коллективизм были успешно усвоены и "переварены" американским обществом и демократической системой американского государства, определяя их устойчивость ко всяким потрясениям.

Однако Ф. Тернер стал первым идеологом фронтира лишь в том смысле, что именно он наиболее обстоятельно представил эту идею, обеспечив ей тем самым не только научное, но и общественное признание. Здесь уместно будет напомнить, что задолго до выхода в свет первой статьи Тернера вопросы фронтира уже обсуждал и известный французский политический философ Алекс де Токвиль (1805–1859) в своей хрестоматийной работе "Демократия в Америке". Как известно, де Токвиль отправился в путешествие по США в 1831 г. и стал очевидцем реальной жизни приграничных переселенцев. Не случайно, полагает О.Ю. Казакова, именно этому автору удалось преодолеть уже укоренившиеся в художественной литературе, в силу присущей ей тенденции к героизации и романтизации происходящего, стереотипы об "отважных американских первопроходцах" и реалиях "подвижной границы" **[15]**. Описанию фронтира А. де Токвиль посвятил также своё дополнение ко второму тому "Демократии…", получившему название "Пятнадцать дней в пустыне". Работы европейского автора заслуживают более серьёзного внимания хотя бы потому, что посетив "передовую линую" американской цивилизации, он не обнаружил здесь каких-либо признаков цивилизаторской и миссионерской миссий переселенцев. А. де Токвиль увидел лишь их стремительное продвижение по индейским территориям, фиксировал рассуждения о превосходстве англосаксонского духа и жадное стремление к обогащению. Учитывая же, что многие из этих поселенцев были просто изгоями из своих родных штатов, такие данные не вызывают особого удивления **[44, p. 111]**.

Французский философ признавал, что зоны освоения новых земель явились важнейшим фактором в развитии американской демократии, поскольку "население этой части континента [продвигаясь на Запад вместе с фронтиром – прим. К. Б., А. К.] избежало влияния … так называемой аристократии от природы, то есть людей, своим происхождением связанных с просвещением и добропорядочностью" **[44, p. 307]**. В отличие от Ф. Тернера, он был убеждён, что роль фронтира была скорее негативной, чем положительной, а политическая демократия там развивалась не благодаря, а вопреки господствовавшему индивидуализму. По мнению европейца, индивидуализм фронтира как наиболее присущая переселенцам черта вообще сыграл в этих условиях негативную роль, так как это свойство вызывало индифферентное отношение к социуму и даже желание абстрагироваться от него. Он зафиксировал и тот факт, что авантюрные переселенцы в погоне за наживой рассматривали своё пребывание на фронтире как временное обстоятельство, поэтому они и не видели какой-либо необходимости в социальной кооперации с другими.

Понятно, что при работе с рассматриваемыми текстами не стоит буквально воспринимать определения "свободные земли" Ф. Тернера и "пустующие земли" А. де Токвиля. В действительности, эти "пустые" земли были населены многочисленными племенами североамериканских индейцев. Большинство из них ещё не подверглось американизации, т.е. не перешли, в понимании американцев, со стороны "зла" (дикости) на сторону "добра" (цивилизации) **[21, с. 36]**. Поэтому тот же Ф. Тернер смотрел на индейцев лишь как на необходимую жертву во имя триумфа цивилизации. Позиция А. де Токвиля по этой проблеме была двойственной. С одной стороны, его возмущало равнодушие американского общества к трагедии коренных народов **[56]**. Но с другой, он отдал дань "прогрессизму" своего времени: "Хотя обширный край был заселён множеством туземных племён, можно смело утверждать, что в эпоху его открытия он представлял собой истинную пустыню … весь этот континент, казалось, был создан для того, чтобы стать колыбелью ещё не родившейся великой нации". Не удивительно, что он очень скептически относился к идее возможного приобщения коренных народов Америки к новой цивилизации и был убеждён, что индейская проблема, скорее всего, ещё долгое время останется неразрешимой **[44, p. 67–68]**.

Конечно, учитывая временной разрыв между описаниями ситуации на фронтире данных авторов, можно предполагать, что они зафиксировали реальные изменения, произошедшие здесь более чем за полвека. Такое предположение тем более вероятно, что сам термин фронтир (от франц. "frontier"), который как раз можно дословно перевести как рубеж или граница, был использован ещё в Декларации английского короля Георга III от 7 октября 1763 г. для североамериканских колоний. Появление здесь этого понятия было обусловлено принятым курсом на политику "замирения" индейцев. Декларация должна была гарантировать, что белые фермеры не будут продолжать активную экспансию за пределы установленных границ **[61]**. На этом этапе фронтир ещё рассматривался европейским *монархом* в качестве *реальной границы* британских владений в Новом Свете и не подразумевал какого-либо условного её характера или других толкований. В глазах же переселенцев, приехавших на континент осваивать новые земли, данная мера выглядела как ограничение, навязываемое им британской метрополией для более эффективной и удобной реализации контроля над американскими колониями, "зажатыми" на узкой полосе между Аппалачами и Атлантическим побережьем. Ещё большее недовольство вызывало игнорирование факта освоения колонистами некоторых территорий, оказавшихся теперь за линией фронтира, уже на момент принятия Декларации. Возмущало колонистов также и закрепление именно за Великобританией исключительного права на приобретение индейских территорий **[20]**. В итоге, введение фронтира явилось одной из серьёзных предпосылок Войны за независимость США 1775–1783 гг., в результате которой Великобритания окончательно потеряла эту важную часть своих колоний в Новом Свете. Как следствие, в течение последующих ста лет после признания нового государства в Северной Америке, фронтир уже продолжал существование как некая *условная* и *недемаркированная* линия или особая зона, являвшаяся олицетворением и катализатором стремительной и эффективной *американизации индейских территорий*. Го-

воря другими словами, идея фронтира, пройдя ряд преобразований, получила свой специфически американский смысл, который обладал потенциалом для последующих трансформаций. Показательно, как тот же Ф. Грунд в своей работе 1836 г. ещё полагал: "…американцам уготовано судьбой идти вперёд до тех пор, пока какой-нибудь физический барьер не станет преградой для их движения" **[47, p. 206]**. На исходе XIX столетия, когда таким барьером уже стал Тихий океан, Ф. Тернер был уверен: "Только опрометчивый пророк станет утверждать, что расширение Америки закончилось. Движение было **[**для нас**]** господствующим фактором, и пока эту подготовку не пройдёт весь народ, американская энергия будет постоянно требовать более широкого поля для деятельности" **[58, p. 37]**. А сколько ещё новых мигрантов США приняли в последующие годы!

Однако в XX в. предвидение Тернера сначала не вызвало сколько-нибудь заметного интереса. Так в 1930-х гг. его взгляды чаще критиковались, чем пропагандировались **[39]**. Призывы быть осторожнее с пониманием фронтира как универсального явления звучали и в 1950-е гг. **[59. p. 4]**. Но в это время уже стали появляться работы историков, положительно оценивавшие идеи Тернера **[43]**. В процесс реабилитации этой идеи включились и другие авторы **[54]**. Вскоре стан сторонников значимости подвижной границы стал пополняться и за счёт ведущих американских политиков. Высоко оценил роль фронтира в формировании "этоса" американской нации президент Ф.Д. Рузвельт **[53]**. Затем термин "новый фронтир" был использован в 1958 г. группой республиканца Н. Рокфеллера в докладе "Перспективы для Америки". После этого словосочетание "Новый фронтир" прозвучало в середине июля 1960 г. на съезде Демократической партии в Лос-Анджелесе, где Дж. Ф. Кеннеди был номинирован на должность кандидата в президенты США **[57]**. Известный специалист по американской истории А. Шлезингер, уловив новые настроения, выступил в конце марта 1960 г. в Детройте с показательной лекцией "Новые фронтиры американского либерализма". Такие декларации дали основание некоторым авторам заговорить о готовности политического класса разворачивать политику "империализма открытых дверей". Они также заподозрили, что за фронтирными заявлениями теперь скрывалась цель достижения доминирования на внешних рынках **[60]**. Другим специалистам развернувшаяся активность послужила поводом для того, чтобы поднять вопрос о "Великом фронтире", являющемся границей между *свободой* и *иерархией* **[52, p. 3–6]**.

Наблюдающий с конца 1950-х гг. фронтирный "ренессанс" не был простой случайностью. Как показал В. Л. Мальков, в этот время произошла "переакцентировка в идеологическом обосновании концепции "расширяющейся границы" с континентального на глобальный масштаб, с уровня освоения "свободных земель" (переселенческая колонизация) на уровень закрепления на заморских территориях и рынках и установления экономического (преимущественно), политического и военного (в особых случаях) контроля над ними" **[21, с. 31]**. Став в середине XX в. одной из ведущих сверхдержав, США нуждались в идеологическом обосновании своей внешней политики. Концепция подвижной границы вполне подходила для принятого курса на "американизацию" мира **[19]**. В этих условиях, по мнению В. П. Румянцева, концепция "Новых рубежей", превратила фронтир в один из основополагающих архетипов американской цивилизации, в рамках которого *американское общество осознаёт себя и осуществляет свою жизнедеятельность* **[30].**

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. американская нация в освоении пространства вышла к естественному пределу продвижения своего фронтира – побережью Тихого океана. На юге сформировалась граница с Мексикой, на севере – с доминионом Канада. Однако сложившаяся за сотни лет убеждённость американцев в их неоспоримом праве занимать "пустые земли" не могла позволить им остановиться на этих рубежах. Отныне сферой национальных интересов страны должны были стать регионы, находящиеся за тысячи километров от границ США, т.е. на новом фронтире. Только теперь дальнейшее продвижение этой непостоянной "границы" оправдывалось миссией исключительной нации, направленной на "распространение в мире демократии", а затем и "прав человека". Опыт продвижения фронтира в формировании подобных настроений трудно переоценить.

Есть ли место такому фронтиру вне Америки? Обращение к работам российских специалистов показывает, что они восприняли от Тернера ряд положений, в том числе идею фронтира как границы между "цивилизацией" и "варварством", нестабильный, подвижный характер такого разграничения, формирование особого "фронтирного" человека и т.д. К сожалению, большинство пропагандистов границы по-американски упускают из вида одно важное обстоятельство: в то время как освоение значительной части США являлось инициативой самих поселенцев, Сибирь и особенно Дальний Восток России включались в состав царства и империи *при активном участии государства*. Разве что поход Ермака и движение старообрядцев, стремящихся в своё Беловодье, могут рассматриваться как аналог фронтирных инициатив. Роль государства в присоединении и освоении Восточной Сибири и Дальнего Востока уже была проанализирована в обстоятельной монографии А. В. Ремнева **[28].** Сторонникам фронтира стоило бы уделить ей больше внимания, которого она, безусловно, заслуживает. В любом случае не стоит забывать, что уже с заключением Нерчинского договора (1689 г.), при всей неопределённости проведённой демаркации, дальнейшее освоение новых территорий происходило с учётом заключённых международных договоров между Россией и Китаем. Поэтому о сибирском, а уж тем более дальневосточном фронтире более или менее корректно рассуждать до подписания соглашений подобного рода, того же Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров. В то же время деятельность Российско-американской компании и история Русской Америки более соответствовали практике фронтира, лишний раз подчёркивая преимущественно американский характер данного явления **[40].**

Поэтому, несмотря на противоречия между восточносибирским генерал-губернатором Н. Н. Муравьёвым (Амурским) и канцлером К. В. Нессельроде в "амурском вопросе" и т.д., они все же выстраивали государственную политику, которая учитывала и местную специфику. Это хорошо показал, например, в начале 1880-х гг. один из преемников Муравьёва-Амурского генерал-губернатор Д. Г. Анучин. "При всяком увеличении нашей территории, путём ли завоеваний новых земель или путём частной инициативы, вновь присоединённые области не включались тотчас же в общий состав государства с общими управлениями, действовавшими в остальной России, а связывались с Империей чрез посредства Наместников или Генерал-губернаторов, как *представителей верховной власти, причём на окраинных наших* областях вводились только самые необходимые русские учреждения в самой простой форме, сообразно с потребностями населения и страны и нередко с сохранением многих из прежних органов управления. Так было на Кавказе, в Сибири и во всей Средней Азии…" **[32, с. 66]**. Наглядно подтверждает такое заявление и история образования сибирских, а затем амурского и уссурийского казачьих войск. В начале XX в. значение государства для вновь присоединённых территорий ещё более определённо зафиксировал Н. Богоявленский – чиновник не самого высокого ранга при Приамурском генерал-губернаторе: "Занятие Дальнего Востока происходило у нас сначала путём административным, распоряжением правительства, а не естественным путём эмиграции в новый край излишка населения из метрополии. Поэтому администрация явилась раньше населения" **[цит. по 28, с. 13]**.

Конечно, деятельность государства, а точнее его представителей – чиновников разного уровня – не стоит идеализировать, так как местные условия за Уральскими горами слишком уж отличались от порядков в другой части империи. Как вспоминал один из современников: "Помимо того была ещё одна привлекательная особенность амурской службы: самостоятельность и возможность личной инициативы. За дальностью расстояния амурские деятели не могли во всякое время обращаться за разрешениями и разъяснениями к высшему начальству, которое находилось в Иркутске, а потому большей частью действовали самостоятельно на свой страх и могли видеть результаты собственных трудов, что всегда даёт нравственное удовлетворение" **[35, с. 97]**. Однако такая свобода чиновников часто становилась причиной принятия некомпетентных, а иногда просто диких решений и произволом в отношении местного населения. Поэтому *свобода* здесь на окраинах была, вот только для *демократии* условий не было. Не случайно, потомок одной из знатнейших фамилий России – князь П. А. Кропоткин, столкнувшись во время службы

при генерал-губернаторе Восточной Сибири с практикой "вершения" государственной политики, стал впоследствии виднейшим приверженцем анархизма.

Следовательно, *при некотором внешнем сходстве обстоятельств на американском фронтире и сибирско-дальневосточных пространствах* можно констатировать наличие здесь *более глубоких различий сущностного порядка* между сложившимися здесь условиями. На каком основании они тогда описываются единой терминологией? Очевидно, что основная причина неоправданного отождествления американского "фронтира" и сибирско-дальневосточного "порубежья" обусловлена уже отмеченными недоработками методологического плана. В частности, они проявились в недостаточно глубоком анализе социально-политической составляющей рассматриваемых проблем и непонимании их современного состояния.

Кроме того, наши историки, по-видимому, в своём большинстве остаются также в неведении по поводу важных достижений в других областях науки. В те же 1970-е гг. постановка проблем устойчивости, а также воспроизводства/самовоспроизводства биологических и социально-политических проблем в целом актуализировала значимость исследования границ в этих процессах **[18]**. Параллельно анализ обстоятельств, складывавшихся на границе США и Мексики (межгосударственной), побудил ряд исследователей вынести на обсуждение вопрос о необходимости создания новой дисциплины – погранологии (border studies) **[11; 17; 42; 49]**. Показательно, что с самого начала понятие границы здесь было отнесено к категории сложных явлений, изучение которых должно проводиться средствами разных дисциплин, а не только географии, истории, экономики и т.д. Тогда же был поставлен вопрос о выделении особых *символических границ*, в том числе религиозных, этнических и других **[45]**. Развитие антропологической составляющей новой дисциплины актуализировало обсуждение и проблем идентичности: "…если нет стабильной политической идентичности, нет и устойчивых границ, стабильного государства" **[48, с. 45]**. Обозначились и другие направления соответствующих исследований, включая проблему национализма **[10]**. Феномен границ вообще дал повод рассуждать о таких "изысках", как "межцивилизационная синергия" и "метакультура" **[9; 41]**. В результате, произошло и переосмысление самого понятия фронтира. Теперь его предложили рассматривать как: "тип социальной границы, который характеризуется зональной пространственной формой, неспециализированным социальным управлением и подвижностью" **[8, с. 423]**. Примечательно, что в обстоятельном исследовании истории формирования и развития дальневосточной границы А. А. Киреева, выполненном в соответствии с принципами дискурса погранологии, фронтирные наработки уже не нашли особого отражения **[16]**. Следовательно, в свете современных представлений фронтир может рассматриваться не как универсальный, а всего лишь один из многих вариантов границ, существовавший преимущественно в прошлом.

В XXI в. становится очевидным, что концепт фронтира, как явление XVIII – XIX вв., несмотря на все свои трансформации, оказался слишком упрощённым перед вызовами нашего времени. К тому же, очень уж бросается в глаза привязанность этого варианта к американским реалиям. Не удивительно, что в данных условиях критика актуальности фронтира была продолжена специалистами в США **[50; 51]**. Ведь вполне понятно, как должны были отнестись население и главы "суверенных" государств к столь прямолинейным планам представить их как территории нового освоения. Поэтому, несмотря на совершенно определённую аргументацию, предлагаемую на этот счёт, представляется совсем не случайным использование с началом 1980-х гг. во внешнеполитической риторике и различных общественно-политических дискурсах, продвигаемых из США, другого концепта – *глобализация*. На первый взгляд, он не несёт в себе таких явно проамериканских коннотаций, как его предшественник. Но, если посмотреть на сопровождающие такие дискурсы глобализации либеральные концепции, в том числе утрату государством роли ведущего актора международных отношений, прозрачности государственных границ, необходимость установления демократического мира как условия предотвращения войн и конфликтов, наконец, ставку на ту же "мягкую силу" – нетрудно заметить идеологическую преемственность с базовыми

принципами фронтира **[46]**. Различие лишь в том, что теперь они перенесены с регионального на глобальный уровень. Стоит ли тогда удивляться, что по мере продвижения тренда глобализации стали проявляться глокалистские тенденции и сложилось движение антиглобализма?

Следовательно, проблема фронтира является более сложной, чем её представляют наши историки. В частности, с конца 1950-х гг. в ней стала играть значимую роль политическая составляющая, которую просто опасно игнорировать. Да и в современных условиях, когда не осталось "свободных" для пионерного освоения территорий, когда сухопутные и частично другие пространства разграничены границами государств, как-то странно обозначать какие-то регионы нашей родной, да и других стран зонами фронтира. Мы что, приглашаем их осваивать кого-то извне? Учитывая же предложения срочно переселить население Сибири и Дальнего Востока России в европейскую часть страны, так как эти регионы не пригодны для жизни "нормальных" людей, а были насильственно заселены лишь в силу произвола советского тоталитаризма, следует более осторожно относиться к категориальному аппарату "с чужого плеча**" [36]**.

Таким образом, в силу специфики исторических обстоятельств Северной Америки здесь сложилось особое понимание концепта фронтира, получившее сугубо региональное значение. Со временем его содержание приобрело не столько географический, сколько политический и социально-экономический характер. Такая трактовка в сочетании с благоприятными последствиями для США итогов двух мировых войн и последующими экономическими успехами определила уверенность в необходимости продвижения своих ценностей и образа жизни за пределы континента. Однако ограничения, которые были присущи фронтирной идеологии, обусловили необходимость её замены более привлекательной и универсальной идеей глобализации. Тем не менее, сложившиеся на новых основаниях концепция однополярного мира и сопутствующие ей либеральные теории в данном контексте могут рассматриваться как необходимое пропагандистское обоснование тех же целей, которые в своё время обеспечивала идея фронтира..

Литература

1. Агеев А.Д. Американский "фронтир" и сибирский "рубеж" как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронтир. Томск, 1997. С. 23–41.

2. Агеев А.Д. Движение России на Восток и США на Запад: сходство и оппозиция // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: доклады Международной. Научно-практической конференции, 12–15 октября 1995 г. Москва; Иркутск, 1995. С. 107–110.

3. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005. 334 с.

4. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М.: Наука, 2004. 600 с.

5. Ананьев Д.А. Сибирский "фронтир" (XIX – начало XX в.) в оценке англо и германоязычной историографии // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарных наук. 2013. Вып. 10 (126). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sibirskiy-frontir-xix-nachalo-xx-v-v-otsenkah-angloi-germanoyazychnoy (дата обращения: 12.09.2017).

6. Баева Л.В. Проблемы культурной безопасности в изучении фронтирных регионов // Гуманитарный вектор. Серия: философия и культурология. 2016. Т. 11. № 2. С. 37–42.

7. Белаш Н. Ю. Образ фронтира в США и России // Американский и сибирский фронтир. Томск, 1997. С. 37–44.

8. Введение в исследование границ. Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. 425 с.

9. Генисаретский О.И. Эффекты цивилизационной синергии: стратегии, коммуникации и компетенции ради развития // Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. Владивосток: Дальневосточный межрегиональный институт общественных наук. Издательство Дальневосточного университета, 2004. С. 185–193.

10. Громыко Ю.В. Консциетальная безопасность: фактор региональных трансграничных идентичностей // Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. Владивосток: Дальневосточный межрегиональный институт общественных наук; Издательство Дальневосточного университета, 2004. С. 208–232.
11. Дюпейрон Б. Государственные границы в Северной Америке // Введение в исследование границ. Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 264–285.
12. Забияко А.П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26–36.
13. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89.
14. Иванова Л.М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 72–76.
15. Казакова О. Ю. Фронтир в интерпретации А. де Токвилем социокультурного развития США // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2010. № 1. Январь. С. 89–102.
16. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2011. 474 с.
17. Колосов В.А. Теоретические подходы в изучении границ // Введение в исследование границ. Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 35–63.
18. Кузнецов А.М. Символические границы общественных систем // Введение в исследование границ. Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 82–100.
19. Кушнер Г. Постоянство "идеи границы" в американской мысли // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник. М., 1992. 1994. Вып. 1. С. 88–96.
20. Макинерни Д. США. История Страны. М.: Эксмо; СПб.: МИДГАРД, 2009. 735 с.
21. Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М.: Наука, 2004. 608 с.
22. Немировская А.В., Фоа Р. Социокультурные особенности фронтира в России // Слоциологические исследования. 2013. № 4. С. 80–88.
23. Пелипась М.Я. Опыт использования идеи фронтира в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири // Американские исследования в Сибири. Томск. 2004. Вып. 8. С. 15–24.
24. Побережников И.В. Азиатская Россия: фронтир, модернизация // Экономическая история. 2013. № 2 (21). С. 18–23.
25. Приходько Н.Н. Фронтирная теория в геополитике на востоке России [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frontirnaya-teoriya-v-geopolitike-na-vostoke-rossii (дата обращения: 24.10.2017).
26. Резун Д.Я. О некоторых моментах осмысления значения фронтира Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. Вып. 1. С. 29–54.
27. Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД "Сова", 2005. 193 с. [Электронный ресурс]. URL: http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.html (дата обращения: 24.10.2017).
28. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–начала XX века: Монография. Омск, 2004. 552 с.
29. Романова А.П., Якушенков С.Н., Хлыщева Е.В., Васильев Д.В., Якушенкова Ок. С., Якушенкова Дл.С., Кусмидинова М.Х., Топчиев М.С. Нижневолжский фронтир: культурная память и культурное наследие (учебное пособие). Астрахань, 2014. 236 с.
30. Румянцев В.П. К вопросу об американском фронтире: Дж.Ф. Кеннеди и программа "Новый фронтир" (теоретический и внешнеполитический аспекты) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С.139–148.
31. Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронтира в сравнительно исторических исследованиях: итоги и перспективы // "Славянский мир" Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии: колл. монография / под ред. О.Н. Бахтиной, В.Н. Сырова, Е.Е. Дутчак. Томск, 2009. С. 106–125.
32. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: Изд. по распоряжению ген.-губернатора Вост. Сибири Д.Г. Анучина. Т. 1–8. Иркутск: тип. Штаба Вост. сиб. воен. окр., 1883–1885. 16 т. 24 см.
33. Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронтира // Вестник Алтайского государственного университета. История. 2011. № 4-1 (72). С. 189–193.

34. Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
35. Фриессе Р.Ф. Из жизни на Амуре. К 50-летию Амурского края // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2011. № 3 (52). С. 91–106.
36. Хилл Ф.. Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с.
37. Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронтира: автореф. дис. канд. ист. н. Томск, 2008. 31 с.
38. Хромых А.С. Проблема "сибирского фронтира" в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5 (106). Сер. "История". С. 106–112.
39. Цыганова А.А. Творческое наследие Ф. Дж. Тёрнера в истории американского прогрессизма: автореф. дис. канд. ист. н. М., 2012. 27 с.
40. Чернавская В.Н. "Восточный фронтир России" XVII – начала XVIII веков: историко-этнографические очерки. Владивосток: Дальнаука, 2003.
41. Ячин С.Е. Состояние метакультуры. Владивосток: Дальнаука, 2010. 268 с.
42. A Companion to Border Studies. Ed. by T. M. Wilson, H. Donnan. Malden: Wiley-Blackwell, 2012. 636 p.
43. Billington R.A. The Far Western Frontier 1830–1860. NY: Harper, 1956. 324 p.
44. De Tocqueville A. Democracy in America: Volumes I and II. The Floating Press [Ebook], 2009. p. 1589.
45. Donnan H. The Anthropology of Borders and Frontiers // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Ed. by J.D. Wight. Oxford, 2015.
46. Eifler M.A. Frontiers, Empires, and the New World: The Significance of the frontier in American Foreign policy. [Электронный ресурс]. URL: http://forumonpublicpolicy.com/archive07/eifler.pdf. (дата обращения: 12.09.2017).
47. Grund F. J. The Americans in their Moral, Social and Political Relations. Two Volumes in One. Boston: Marsh, Capen and Lyon, 1837. 365 p.
48. Kolossov V. Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches // Geopolitics. 2005. Vol. 10. N 4. P. 1–27.
49. Lamont M., Molnar V. The Study of Boundaries in the Social Sciences //Annual Review of Sociology. 2002. 28. P. 167–195. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.141107
50. Lobanov-Rostovsky A. Russian Expansion in the Far East in the light of the Turner hypothesis // The frontier in perspective / ed. by W.D. Wyman, C.B. Kroeger. Madison, 1965. P. 79–94.
51. Marks S.G. Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East, ed. by S. Kotkin, D.A. Wolff. New York; London, 1995. P. 23–39.
52. McNeil W.H. The Great Frontier. Freedom and Hierarchy in Modern Times. Princeton: Princeton University Press, 1983. 73 p.
53. Roosevelt T. The Winning of the West. Dodo Press. 2007. 296 p.
54. Slotkin R. Regeneration Through Violence. The Mythology of the American Frontier, 1600-1860. University of Oklahoma Press, 1973. 670 p.
55. Stolberg E.-V. The Siberian Frontier and Russia's Position in World History: A Reply to Aust and Nolte // Review (Fernand Braudel Center). 2004. Vol. 27. № 3. P. 243–267.
56. Tale, T. Tocqueville and American Indian Legal Studies: The Paradox of Liberty and Destruction// The Tocqueville Review. 1996. Vol. V. XVII. No. 2.
57. "The New Frontier," acceptance speech of Senator John F. Kennedy, Democratic National Convention, 15 July 1960. Papers of John F. Kennedy. Pre-Presidential Papers. Senate Files. Speeches and the Press. Speech Files, 1953–1960. JFKSEN-0910-015. John F. Kennedy Presidential Library and Museum. [Электронный ресурс]. URL: https://www.jfklibrary.org/Asset-Viewer/Archives/JFKSEN-0910-015.aspx (дата обращения: 05.12.2017).
58. Turner F. J. The Frontier in American History (introduction by Allan G. Bogue). Mineola, New York, Dover Publications, Inc., 2010. 400 p.
59. Treadgold D. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957. 271 p.
60. Williams W.A. The Tragedy of American Diplomacy. Cleveland and New York: World Publishing Company, 1959. 219 p.
61. Zinn H. A People's History of the United States: 1492 – Present. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2005. 729 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ageev A.D. Amerikanskij "frontir" i sibirskij "rubezh" kak faktory tsivilizatsionnogo razloma // Amerikanskij i sibirskij frontir. Tomsk, 1997. S. 23–41.
2. Ageev A.D. Dvizhenie Rossii na Vostok i SSHA na Zapad: skhodstvo i oppozitsiya // Vzaimootnosheniya narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost': doklady Mezhdunarodnoj. Nauchno-prakticheskoj konferentsii, 12–15 oktyabrya 1995 g. Moskva; Irkutsk, 1995. S. 107–110.
3. Ageev A.D. Sibir' i amerikanskij Zapad: dvizhenie frontirov. M.: Aspekt-Press, 2005. 334 s.
4. Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoj i tsivilizatsionnoj dinamike XVI–XX vv. / V.V. Alekseev, E.V. Alekseeva, K.I. Zubkov, I.V. Poberezhnikov. M.: Nauka, 2004. 600 s.
5. Anan'ev D.A. Sibirskij "frontir" (XIX – nachalo XX v.) v otsenke anglo i germanoyazychnoj istoriografii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnykh nauk. 2013. Vyp. 10 (126). [EHlektronnyj resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sibirskiy-frontir-xix-nachalo-xx-v-v-otsenkah-angloi-germanoyazychnoy (data obrashheniya: 12.09.2017).
6. Baeva L.V. Problemy kul'turnoj bezopasnosti v izuchenii frontirnykh regionov // Gumanitarnyj vektor. Seriya: filosofiya i kul'turologiya. 2016. T. 11. № 2. S. 37–42.
7. Belash N. YU. Obraz frontira v SSHA i Rossii // Amerikanskij i sibirskij frontir. Tomsk, 1997. S. 37–44.
8. Vvedenie v issledovanie granits. Pod red. S.V. Sevast'yanova, YU. Lajne, A.A. Kireeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. 425 s.
9. Genisaretskij O.I. EHffekty tsivilizatsionnoj sinergii: strategii, kommunikatsii i kompetentsii radi razvitiya // Aziatsko-tikhookeanskie realii, perspektivy, proekty: XXI vek. Vladivostok: Dal'nevostochnyj mezhregional'nyj institut obshhestvennykh nauk. Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2004. S. 185–193.
10. Gromyko YU.V. Konstsietal'naya bezopasnost': faktor regional'nykh transgranichnykh identichnostej // Aziatsko-tikhookeanskie realii, perspektivy, proekty: XXI vek. Vladivostok: Dal'nevostochnyj mezhregional'nyj institut obshhestvennykh nauk; Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2004. S. 208–232.
11. Dyupejron B. Gosudarstvennye granitsy v Severnoj Amerike // Vvedenie v issledovanie granits. Pod red. S.V. Sevast'yanova, YU. Lajne, A.A. Kireeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. S. 264–285.
12. Zabiyako A.P. Porubezh'e kak dannost' chelovecheskogo bytiya // Voprosy filosofii. 2016. № 11. S. 26–36.
13. Zamyatina N.YU. Zona osvoeniya (frontir) i eyo obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turakh // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1998. № 5. S. 75–89.
14. Ivanova L.M. Sibirskij frontir: izuchenie voprosa v otechestvennoj istoricheskoj nauke // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 410. S. 72–76.
15. Kazakova O. YU. Frontir v interpretatsii A. de Tokvilem sotsiokul'turnogo razvitiya SSHA // SSHA – Kanada. EHkonomika, politika, kul'tura. 2010. № 1. YAnvar'. S. 89–102.
16. Kireev A.A. Dal'nevostochnaya granitsa Rossii: tendentsii formirovaniya i funktsionirovaniya (seredina XIX – nachalo XXI vv.). Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, 2011. 474 s.
17. Kolosov V.A. Teoreticheskie podkhody v izuchenii granits // Vvedenie v issledovanie granits. Pod red. S.V. Sevast'yanova, YU. Lajne, A.A. Kireeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. S. 35–63.
18. Kuznetsov A.M. Simvolicheskie granitsy obshhestvennykh sistem // Vvedenie v issledovanie granits. Pod red. S.V. Sevast'yanova, YU. Lajne, A.A. Kireeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. S. 82–100.
19. Kushner G. Postoyanstvo "idei granitsy" v amerikanskoj mysli // Novyj vzglyad na istoriyu SSHA: Amerikanskij ezhegodnik. M., 1992. 1994. Vyp. 1. S. 88–96.
20. Makinerni D. SSHA. Istoriya Strany. M.: EHksmo; SPb.: MIDGARD, 2009. 735 s.
21. Mal'kov V.L. Put' k imperstvu: Amerika v pervoj polovine XX veka. M.: Nauka, 2004. 608 s.
22. Nemirovskaya A.V., Foa R. Sotsiokul'turnye osobennosti frontira v Rossii // Slotsiologicheskie issledovaniya. 2013. № 4. S. 80–88.
23. Pelipas' M.YA. Opyt ispol'zovaniya idei frontira v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Zapadnoj Sibiri // Amerikanskie issledovaniya v Sibiri. Tomsk. 2004. Vyp. 8. S. 15–24.
24. Poberezhnikov I.V. Aziatskaya Rossiya: frontir, modernizatsiya // EHkonomicheskaya istoriya. 2013. № 2 (21). S. 18–23.
25. Prikhod'ko N.N. Frontirnaya teoriya v geopolitike na vostoke Rossii [EHlektronnyj resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frontirnaya-teoriya-v-geopolitike-na-vostoke-rossii (data obrashheniya: 24.10.2017).

26. Rezun D.YA. O nekotorykh momentakh osmysleniya znacheniya frontira Sibiri i Ameriki v sovremennoj otechestvennoj istoriografii // Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v XVII–XX vv.: obshhee i osobennoe. Novosibirsk, 2001. Vyp. 1. S. 29–54.
27. Rezun D. YA., SHilovskij M. V. Sibir', konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste ehtnosotsial'nykh i ehtnokul'turnykh protsessov. Novosibirsk: ID "Sova", 2005. 193 s. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.html (data obrashheniya: 24.10.2017).
28. Remnev A.V. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX–nachala XX veka: Monografiya. Omsk, 2004. 552 s.
29. Romanova A.P., YAkushenkov S.N., KHlyshheva E.V., Vasil'ev D.V., YAkushenkova Ok. S., YAkushenkova Dl.S., Kusmidinova M.KH., Topchiev M.S. Nizhnevolzhskij frontir: kul'turnaya pamyat' i kul'turnoe nasledie (uchebnoe posobie). Astrakhan', 2014. 236 s.
30. Rumyantsev V.P. K voprosu ob amerikanskom frontire: Dzh.F. Kennedi i programma "Novyj frontir" (teoreticheskij i vneshnepoliticheskij aspekty) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2013. № 1. S.139–148.
31. Rumyantsev V.P., KHakhalkina E.V. Ispol'zovanie teorii frontira v sravnitel'no istoricheskikh issledovaniyakh: itogi i perspektivy // "Slavyanskij mir" Sibiri: novye podkhody v izuchenii protsessov osvoeniya Severnoj Azii: koll. monografiya / pod red. O.N. Bakhtinoj, V.N. Syrova, E.E. Dutchak. Tomsk, 2009. S. 106–125.
32. Sbornik glavnejshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoj Sibir'yu: Izd. po rasporyazheniyu gen.-gubernatora Vost. Sibiri D.G. Anuchina. T. 1–8. Irkutsk: tip. SHtaba Vost. sib. voen. okr., 1883–1885. 16 t. 24 sm.
33. Soboleva T.N., Bobrov D.S. Sovremennaya rossijskaya istoriografiya kontseptsii frontira // Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2011. № 4-1 (72). S. 189–193.
34. Terner F.Dzh. Frontir v amerikanskoj istorii / Per. s angl. M.: Ves' mir, 2009. 304 s.
35. Friesse R.F. Iz zhizni na Amure. K 50-letiyu Amurskogo kraya // Vestnik Dal'nevostochnoj gosudarstvennoj nauchnoj biblioteki. 2011. № 3 (52). S. 91–106.
36. KHill F.. Gehddi K. Sibirskoe bremya. Proschety sovetskogo planirovaniya i budushhee Rossii / Per. s angl. M.: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2007. 328 s.
37. KHromykh A.S. Russkaya kolonizatsiya Sibiri poslednej treti XVI – pervoj chetverti XVII veka v svete teorii frontira: avtoref. dis. kand. ist. n. Tomsk, 2008. 31 s.
38. KHromykh A.S. Problema "sibirskogo frontira" v sovremennoj rossijskoj istoriografii // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 5 (106). Ser. "Istoriya". S. 106–112.
39. TSyganova A.A. Tvorcheskoe nasledie F. Dzh. Tyornera v istorii amerikanskogo progressizma: avtoref. dis. kand. ist. n. M., 2012. 27 s.
40. CHernavskaya V.N. "Vostochnyj frontir Rossii" XVII – nachala XVIII vekov: istoriko-ehtnograficheskie ocherki. Vladivostok: Dal'nauka, 2003.
41. YAchin S.E. Sostoyanie metakul'tury. Vladivostok: Dal'nauka, 2010. 268 s.
42. A Companion to Border Studies. Ed. by T. M. Wilson, H. Donnan. Malden: Wiley-Blackwell, 2012. 636 p.
43. Billington R.A. The Far Western Frontier 1830–1860. NY: Harper, 1956. 324 p.
44. De Tocqueville A. Democracy in America: Volumes I and II. The Floating Press [Ebook], 2009. p. 1589.
45. Donnan H. The Anthropology of Borders and Frontiers // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Ed. by J.D. Wight. Oxford, 2015.
46. Eifler M.A. Frontiers, Empires, and the New World: The Significance of the frontier in American Foreign policy. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://forumonpublicpolicy.com/archive07/eifler.pdf. (data obrashheniya: 12.09.2017).
47. Grund F. J. The Americans in their Moral, Social and Political Relations. Two Volumes in One. Boston: Marsh, Capen and Lyon, 1837. 365 p.
48. Kolossov V. Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches // Geopolitics. 2005. Vol. 10. N 4. P. 1–27.
49. Lamont M., Molnar V. The Study of Boundaries in the Social Sciences //Annual Review of Sociology. 2002. 28. P. 167–195. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.141107
50. Lobanov-Rostovsky A. Russian Expansion in the Far East in the light of the Turner hypothesis // The frontier in perspective / ed. by W.D. Wyman, C.B. Kroeger. Madison, 1965. P. 79–94.
51. Marks S.G. Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East, ed. by S. Kotkin, D.A. Wolff. New York; London, 1995. R. 23–39.
52. McNeil W.H. The Great Frontier. Freedom and Hierarchy in Modern Times. Princeton: Princeton University Press, 1983. 73 p.
53. Roosevelt T. The Winning of the West. Dodo Press. 2007. 296 p.
54. Slotkin R. Regeneration Through Violence. The Mythology of the American Frontier, 1600-1860. University of Oklahoma Press, 1973. 670 p.

55. Stolberg E.-V. The Siberian Frontier and Russia's Position in World History: A Reply to Aust and Nolte // Review (Fernand Braudel Center). 2004. Vol. 27. № 3. P. 243–267.
56. Tale, T. Tocqueville and American Indian Legal Studies: The Paradox of Liberty and Destruction// The Tocqueville Review. 1996. Vol. V. XVII. No. 2.
57. "The New Frontier," acceptance speech of Senator John F. Kennedy, Democratic National Convention, 15 July 1960. Papers of John F. Kennedy. Pre-Presidential Papers. Senate Files. Speeches and the Press. Speech Files, 1953–1960. JFKSEN-0910-015. John F. Kennedy Presidential Library and Museum. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.jfklibrary.org/Asset-Viewer/Archives/JFKSEN-0910-015.aspx (data obrashheniya: 05.12.2017).
58. Turner F. J. The Frontier in American History (introduction by Allan G. Bogue). Mineola, New York, Dover Publications, Inc., 2010. 400 p.
59. Treadgold D. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957. 271 p.
60. Williams W.A. The Tragedy of American Diplomacy. Cleveland and New York: World Publishing Company, 1959. 219 p.
61. Zinn H. A People's History of the United States: 1492 – Present. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2005. 729 p.

Бостан К.А., Кузнецов А.М. Идея "фронтира": выгодное приобретение или опасный "фантом"?

В статье рассматриваются вопросы правомерности использования термина фронтир применительно к условиям новейшего времени России. В результате анализа, проведенного методом деконструкции, установлено принципиальное различие обстоятельств освоения западных территорий США, получивших отражение в идее фронтира, и условий заселения Сибири и Дальнего Востока России. Эти различия связаны, прежде всего, с разной ролью государства в этом процессе. Также установлено, что стремление продвигать идеологию фронтира на глобальном уровне обусловило использование вместо собственно концепта фронтир с его ограничениями понятия глобализация. На основе исследования сделан вывод, что термин фронтир неправомерно применять для анализа условий России.

Ключевые слова: *фронтир, архетип, США, Сибирь, Дальний Восток, погранология*

Bostan K.A., Kuznetsov A.M. The idea of "frontier": a profitable acquisition or a dangerous "phantom"?

This article examines the legitimacy of the use of the term frontier in the Russian context. Deconstructive analysis reveals a fundamental difference in the processes and conditions of settling the U.S. Western territories – reflected in the idea of frontier – and of settling Siberia and Russia's Far East. The difference relates primarily to the role of the state in this process. It is also argued that endeavour to promote the American frontier ideology on a global scale led to its substitution by the unlimited concept of globalization. This study concludes that it is not legitimate to use the term frontier in analysis of the Russian settlement of Siberia and the Far East.

Key words: *frontier, archetype, USA, Siberia, Far East, border studies*

Для цитирования: Бостан К.А., Кузнецов А.М. Идея "фронтира": выгодное приобретение или опасный "фантом"? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 73–84. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/73-84

For citation: Bostan K.A., Kuznetsov A.M. The idea of "frontier": a profitable acquisition or a dangerous "phantom"? // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 73–84. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/73-84

◆

УДК 94(571.6)

Землянский В.Л.

Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в Приморской области

Падение явки избирателей на выборах в высшие представительны органы власти России (как в Государственную думу, так и регионального уровня), несмотря на возвращение смешанной системы выборов и снижение процентного барьера для прохождения политических партий в Государственную думу, показывает уменьшение интереса населения РФ к работе парламентских органов власти. В связи с этим представляется актуальным исследование исторического опыта организации и проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 г. для возможного его использования в предстоящих избирательных кампаниях в парламенты федерального и регионального уровней.

Изучению отдельных аспектов выборов в Учредительное собрание на Дальнем Востоке посвящены статьи и разделы монографий Т.Я. Иконниковой **[12]**, Л.Г. Протасова **[2]**, Н.А. Троицкой **[19]**, В.В. Бурковой **[1]**. В данных работах представлены итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание, информация об отношении дальневосточников на роспуск Учредительного собрания и предвыборную агитацию избирательных списков. При этом в указанных исследованиях не уделяется достаточного внимания проектам организации выборов на Дальнем Востоке и деятельности Приморской областной комиссии, что и определило цель настоящей статьи.

Цель статьи состоит в изучении процесса подготовки к выборам и хода голосования в Учредительное собрание на территории Приморской области в 1917 г. Исходя из цели, были определены следующие задачи: рассмотреть проекты общественных организации и комиссара Дальнего Востока А.Н. Русанова по выделению Приморской области в отдельный избирательный округ; проанализировать работу Приамурской окружной и Приморской областной избирательных комиссий по организации голосования во Всероссийское Учредительное собрание; выявить причины, повлиявшие на итоги выборов в Приморской области.

В начале июля 1917 г. на Дальнем Востоке было получено постановление Временного правительства о подготовке к предстоящим выборам во Всероссийское Учредительное собрание, назначенным на 17 сентября 1917 г., и о сроке его созыва 30 сентября 1917 г. **[6, с. 4].** Как сообщала дальневосточная пресса, Приморская, Амурская и Сахалинская области должны были избирать одного депутата от 140 тыс. населения **[4, с. 3]**. Подготовленный в Санкт-Петербурге проект избрания дальневосточных депутатов не нашёл понимания у комиссара по делам Дальнего Востока, бывшего члена Государственной думы А.Н. Русанова. Комиссар представил свой план избрания депутатов от Дальнего Востока в министерство внутренних дел и в особое совещание по выработке закона и созыва Учредительного собрания. Ссылаясь на данные столичной прессы, в которых говорилось о соединении Амурской, Приморской и Сахалинской областей в единый избирательный округ с представительством в 6 депутатов, А.Н. Русанов предложил, исходя из особенностей Дальнего Востока, изменить систему выборов в Приамурском крае.

По мнению А.Н. Русанова, проживание малочисленного населения на огромной территории Дальнего Востока России ставило жителей региона и избирательные комиссии "в невероятно тяжелые условия для сознательного

© *Землянский В.Л., 2018*

ЗЕМЛЯНСКИЙ Вадим Леонидович, старший научный сотрудник Информационного историко-научного центра – Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации *(г. Санкт-Петербург).* **E-mail:** groningen1991@gmail.com

выбора депутатов и ознакомления населения с кандидатами". Комиссар предлагал, исходя из пропорции 140 тыс. чел. на одного депутата, разбить один избирательный округ на три (Амурский, Приморский и Сахалинский), с установлением нормы для Амурской области в два депутата, Приморской – четырёх и для Сахалинской, которая имела только 30 тыс. чел., одного представителя **[5, с. 3]**.

Мнение комиссара Дальнего Востока поддержали общественные организации Приамурского края. Съезд Дальневосточных Советов, объединяющий 130 тыс. избирателей, ходатайствовал летом 1917 г. перед Временным правительством об отклонении проекта комиссии по выборам в Учредительное собрание об объединении трёх дальневосточных областей в один избирательный округ, так как в этом случае, как считали представители съезда, выборы будут затруднены из-за больших расстояний Приамурского края; отсутствия путей сообщения; недостатка необходимых работников для проведения голосования и малой политической сознательности населения, которое будет поставлено в затруднительное положение необходимостью голосовать за политически неизвестных в данной области кандидатов. Съезд Советов предложил выделить Амурскую, Приморскую и Сахалинскую области в отдельные избирательные округа **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 347. Л. 1–2)**[1]. На все доводы общественности Дальнего Востока комиссия по созыву Учредительного собрания отвечала отказом.

Комиссия по созыву Всероссийского Учредительного собрания (Всевыборы) в телеграмме председателю Съезда Дальневосточных Советов Л. М. Загибалову приводила аргумент, что создание единого округа "вызвано было стремлением облегчить входящим в состав нескольких областей отдельным народностям и группам населения возможность провести своих кандидатов в Учредительное собрание" **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 347. Л. 19)**. Областной исполнительный комитет во Владивостоке также не был доволен соединением трёх областей Дальнего Востока в единый избирательный округ. На соединённом совещании комитета с представителями общественно-политических организаций было решено ходатайствовать перед председателем Временного правительства о выделении Приморской области в отдельный избирательный округ с правом избрания четырёх депутатов **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 347. Л. 23–26)**.

Не став разделять Приамурский избирательный округ, Временное правительство 23 сентября 1917 г. приняло постановление, увеличившее для Приамурского избирательного округа количество депутатов в Учредительном собрании с 6 до 7 чел.

После принятия положения о выборах в Учредительное собрание председатель Всевыборы Н.Н. Авинов сообщил комиссару по делам Дальнего Востока А.Н. Русанову о необходимости создания Приамурской окружной избирательной комиссии в Хабаровске во главе с членом Иркутской судебной палаты, заведовавшим выборами в избирательном округе. Приморская областная избирательная комиссия организовывалась во Владивостоке под председательством товарища председателя Владивостокского окружного суда по административному отделению (или его заместителя). После утверждения кандидатских списков в состав окружной и областных комиссий могли войти на правах членов по одному представителю от зарегистрированного списка **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 347. Л. 22–22 об.)**.

А.Н. Русанов сообщил во Всевыборы, что образование Приамурской окружной комиссии откладывалось по причине неприбытия председателя от Иркутской судебной палаты. Всевыборы сочли возможным, чтобы окружная комиссия пригласила в качестве председательствующего представителя местной судебной власти **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 347. Л. 60–61)**. Председателя Приамурской окружной комиссии П.О. Куркутова из Иркутска в Хабаровск командировали только 26 сентября 1917 г., менее чем за два месяца до выборов.

Приморская областная комиссия по выборам в Учредительное собрание начала свою работу 24 сентября 1917 г., утвердив на первом заседании распределение избирательных участков, взяв за основу распределение при

[1] ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

выборах в городские самоуправления и земства. На территории казачьих земель избирательные участки организовывались распоряжением уездных комиссий **[13, с. 3].** Областная комиссия сообщила лицам, имевшим право председательствовать в Хабаровской, Никольск-Уссурийской, Иманской, Ольгинской и Удской уездных комиссиях, предложение немедленно открыть действия комиссий и приступить к составлению избирательных списков.

Избирательные комиссии столкнулись с трудностями во время подготовки к выборам. На их работу влияли недостаток средств, выделяемых на подготовку к проведению голосования.

Никольск-Уссурийская уездная комиссия планировала послать в уезд 30 комиссаров из солдат, которые согласились разъяснить крестьянам значение и процедуру выборов. Однако, так как средств не выделили, поездка комиссаров откладывалась **[10, с. 3]**. Вместе с местными инструкторами в округе работали инструкторы из Петрограда, прозванные "варягами" **[1, с. 29]**. Окружная комиссия 8 октября 1917 г. отправила во Всевыборы телеграмму с просьбой ассигновать средства на инструкторов по причине позднего получения закона о выборах в Учредительное собрание и отсутствия знания закона среди населения **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 347. Л. 112)**.

Началом предвыборной кампании на Дальнем Востоке может считаться утверждение кандидатских списков. Приамурская окружная комиссия утвердила первые два кандидатских списка, участвовавших в выборах Учредительного собрания, 4 октября 1917 г. (последний 19 октября). Всего по Приамурскому избирательному округу было выставлено 9 избирательных списков: 6 партийных (три от эсеров, по одному от кадетов, большевиков и меньшевиков) и по одному от казачества, крестьянства и украинцев. На 7 депутатских мест претендовало 48 кандидатов (5 из Хабаровска, 6 из Никольск-Уссурийского, 2 из Николаевска, 17 из Владивостока, 1 из Петрограда, 13 из Благовещенска, 3 из Свободного и 1 от села Тарбогатай Амурской области) **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 348. Л. 4)**. Комиссия отклонила список, заявленный группой граждан-корейцев Приморской области **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 349. Л. 9–11, 38–39, 121)**. Исходя из численности населения Приморской области, превышавшей население Амурской и Сахалинской областей, большинство кандидатов представляли интересы жителей Приморья.

Обязанностью окружной комиссии являлся также подсчёт голосов казачьих частей, находившихся на фронте. 24 октября 1917 г. Всевыборы сообщили в Хабаровск, что, исходя из постановления Временного правительства от 10 октября о подаче голосов казаками, необходимо выяснить через войсковые правительства дальневосточных казачьих войск, где находились казачьи части, задействованные на фронте и располагавшиеся в тылу, и передать им заявленные кандидатские списки **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 347. Л. 133)**.

Осенью 1917 г. политические партии развернули избирательную кампанию. Эсеры решили создать блок из трёх кандидатских списков. Выставив своих кандидатов по крестьянскому списку, партия социалистов-революционеров смогла заручиться поддержкой большинства сельского населения. Краевая конференция (совещание) эсеров признала список кандидатов в Учредительное собрание № 2 Совета крестьянских депутатов партийным. Совещание постановило ходатайствовать перед ЦК ПСР[2] о возможности войти кандидатам списка № 2 во фракцию эсеров в Учредительном собрании **[8, с. 3]**. Большевики основное внимание уделяли агитации среди рабочих и военнослужащих. Как вспоминал коммунист В.П. Голионко, кроме распространения предвыборной литературы большевики проводили устную агитацию по профсоюзам и воинским частям **[9, с. 13–14]**. При этом большевики не имели перевеса во влиянии в армии над эсерами **[12, с. 348]**.

Кадеты агитировали голосовать за свой список в кинотеатрах Владивостока, где после сеансов на экране появлялось приглашение голосовать за Партию народной свободы **[1, с. 30]**. 6 ноября 1917 г. хабаровский отдел Партии народной свободы получил телеграмму от ЦК партии за подписью А.И. Шингарева, в которой сообщалось, что центральный комитет постановил принять энергичное участие в выборной кампании в Учредительное собрание **[16, с. 3]**.

---

[2] ЦК ПСР – центральный комитет партии социалистов-революционеров (эсеры)

В конце октября 1917 г. Дальневосточный краевой комитет Советов рабочих предложил всем Советам принять активное участие в выборах в Учредительное собрание. Советы должны были агитировать исключительно за списки социалистических партий, с беспристрастным отношением к левым партиям. "Буржуазные" партии Советы обязаны были беспощадно критиковать. Краевой комитет возложил на Советы ответственность за борьбу с абсентеизмом избирателей, популяризацию выборов и контроль над ходом проведения голосования **[11, с. 4].** Исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов Владивостока агитировал голосовать только за списки социалистических партий (№ 4, № 5 и № 8) **[7, с. 1]**.

Журналисты отмечали, что за месяц до выборов в Приморской области не ощущалось наличие предвыборной кампании. Газета "Приамурская жизнь" объясняла это "недостаточностью развития чувства гражданского долга у широких слоев населения и почти полным самоустранением от государственной и общественной жизни широких кругов интеллигенции" **[17, с. 2–3]**. В заметке "Перед выборами" в газете "Свободное Приамурье" отмечалось, что о выборах не говорят ни в домах, ни на собраниях, ни в театре, ни на улице. Причины индифферентизма, по мнению автора заметки, заключались в том, что население видит легкомысленность "в игре политических партий, часто ставящих интересы общественные и государственные ниже своих партийных и личных интересов" **[15, с. 3]**. Несмотря на указанные сведения, выборы в Учредительное собрание прошли при высокой явке населения.

Приход большевиков к власти в Петрограде в октябре 1917 г. поставил вопрос о возможной отмене выборов в Учредительное собрание. 26 октября Дальневосточный краевой комитет рабочих и солдатских депутатов сообщил Петроградскому Совету о неприемлемости требования перехода верховной власти к Советам и настаивал на созыве Всероссийского Учредительного собрания **[19, с. 157]**. Большевики подтвердили проведение выборов в ноябре 1917 г. и скорый созыв Учредительного собрания.

В преддверии выборов комиссар Дальнего Востока А.Н. Русанов в начале ноября 1917 г. в своем воззвании населению Приамурья напомнил гражданам о необходимости создания условий для свободного и правильного избрания Учредительного собрания. А.Н. Русанов считал, что созыв Учредительного собрания не мог быть отсрочен ни на один день и призывал население содействовать нормальному ходу избирательной кампании **[18, с. 2]**. Под воззванием поставил свою подпись и председатель краевого комитета Советов рабочих и солдатских депутатов Н.А. Вакулин.

Окружная комиссия осознавала, что процедуре голосования в Приамурском избирательном округе могли помешать огромная территория областей Дальнего Востока и погодные условия. 2 ноября комиссия постановила, что если из-за ледохода и отсутствия пути по Амуру в Троицкую и Нижне-Тамбовскую волости Хабаровского уезда избирательные комиссии не смогут ко времени выборов 12 ноября доставить избирательные записки, удостоверения и конверты, то согласно ст. 88 Положения о выборах, в случае если количество избирателей данных волостей будет составлять более 10% количество избирателей округа, то выборы необходимо перенести на новый срок **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 349. Л. 94)**. Приамурская окружная комиссия 10 ноября сообщала во Всевыборы, что выборы в округе начнутся 12 ноября и только в одной Чернышевской области они отложены до 27 ноября в связи с соединением списка гражданского населения и военнослужащих **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 347. Л. 146)**.

Представители кандидатских списков вели агитацию до самого дня выборов. 11 ноября 1917 г. в Спасской слободке прошло предвыборное собрание, где обсуждались списки в Учредительное собрание. Выступили представители от эсеров, большевиков и др. Большевики в своем выступлении акцентировали внимание на лидерах эсеров, причем дело доходило и до их прямого оскорбления (Е. К. Брешко-Брешковской) **[9, с. 2]**.

Выборы во всех городах Приамурского округа и в подавляющем числе волостей прошли с 12 по 14 ноября 1917 г., но в отдельных волостях выборы были отложены до 26 ноября **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 347. Л. 160)**. Явка населения отличалась в разных местах Приморья, но в целом находилась на высоком уровне. Как сообщали дальневосточные газеты, выборы

в Хабаровске среди гражданского населения прошли вяло **[14, с. 3]**. В ходе голосования встречались и курьёзы. В селении Степном Марьяновской волости выборы не состоялись по суеверию избирателей, а старообрядцы жители деревни Петропавловка Чернышевской волости отказались заполнять избирательные карточки и постановили поддержать тот кандидатский список, который будет в Учредительном собрании выступать за равенство всех людей **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 347. Л. 178–179)**.

18 декабря 1917 г. в Хабаровске состоялось публичное заседание Приамурской окружной комиссии для определения результатов выборов в Учредительное собрание. Участие в выборах по округу приняло 244400 избирателей, только 3537 (из них 2720 в Приморской области) избирательных записок было признано недействительными. В Приморской области всего было подано 145018 голосов из 214417 зарегистрированных избирателей (явка более 67 %). В виду блокирования списков 1, 2 и 7 общее число голосов, поданных за эти списки, составило 125877 **[1, с. 339]**. На 11 декабря Приморская областная комиссия не получила данные с участков, где было зарегистрировано 4592 избирателя. Выборы не состоялись в участках, насчитывающих в общем 4068 чел. **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 349. Л. 215)**

22 декабря Приамурская окружная комиссия после окончательного подсчёта голосов признала избранными в Учредительное собрание депутатами: эсеров В.К. Выхристова, М.С. Мандрикова, Ф.И. Сорокина, А.Н. Алексеевского, В.Г. Петрова; казака Н. Г. Кожевникова и большевика А.Я. Нейбута **(ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 347. Л. 168)**. 3 января 1918 г. Приморская областная комиссия подвела окончательный подсчёт голосов по Приморской области, не повлиявший на итоги голосования, после чего закончила свою деятельность.

Таким образом, региональная власть, представленная комиссаром по делам Дальнего Востока А.Н. Русановым, и поддержавшие его общественные организации выступили против соединения областей Дальнего Востока в единый избирательный округ. Проекты дальневосточников были направлены на создание в каждой области отдельного избирательного округа, что обеспечило бы наиболее полное представительство от дальневосточного региона.

Несмотря на трудности с финансированием и организацией выборов на огромной территории, Приморская областная комиссия смогла провести выборы в абсолютном большинстве избирательных участков Приморья. Общественные организации и политические партии приложили все усилия для обеспечения высокой явки на голосовании во Всероссийское Учредительное собрание. Отмеченная в газетах инертность населения в отношении выборов может быть отнесена исключительно к горожанам, тогда как в сельской местности наблюдалась высокая явка избирателей.

Партии и избирательные комиссии для повышения явки активно использовали аргументы, повлекшие высокий результат проголосовавших на выборах избирателей, – это участие в первых прямых, тайных, равных и всеобщих выборах в России, а также осознание важности голосования для дальнейшего развития государства после произошедшего Октябрьского переворота (как со стороны его сторонников, так и противников).

Главным итогом выборов стала победа эсеровских списков, благодаря поддержке крестьянским населением Приморья списка № 2 и признанием партией эсеров списка № 2 своим партийным. Из 7 депутатов 5 представляли партию эсеров. Большевики, как и казачий список, получили только одно место в Учредительном собрании. Показательно и занятие третьего места в Приморье партией кадетов, которая не смогла набрать значительного количества голосов в целом по округу. Основную часть голосов за кадетов отдали, как и в целом по России, жители городов.

Литература

1. Буркова В.В. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в Приамурском избирательном округе (по материалам периодической печати 1917 г.) // Пятая Дальневосточная конференция молодых историков / РАН, Дальневост. отдние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов ДВ; Отв. ред. Л.Е. Фетисова. Владивосток, Б.и., 1998. С. 27–33.

2. Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л.Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.
3. Голионко В.П. Партия и Советы в Хабаровске за период 1917–18 гг. // Дальистпарт: Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Кн. 3. Владивосток: Акц. о-во "Книжное Дело", 1925. С. 13-14.
4. Дальний Восток // Владивосток. 1917. 19 июля.
5. Дальний Восток // Владивосток. 1917. 21 июля.
6. Дальний Восток // Владивосток. 1917. 9 июля.
7. Известия Владивостокского совета рабочих и солдатских депутатов // Владивосток. 1917. 8 ноября.
8. Известия Приморского областного совета крестьянских депутатов и союза Приамурских кооперативов // Владивосток. 1917. 5 ноября.
9. Известия Приморского областного совета крестьянских депутатов и союза Приамурских кооперативов // Владивосток. 1917. 23 ноября.
10. Известия совета рабочих и солдатских депутатов г. Никольск-Уссурийского // Никольск-Уссурийский. 1917. 7 октября.
11. Известия совета рабочих и солдатских депутатов г. Никольск-Уссурийского // Никольск-Уссурийский. 1917. 31 октября.
12. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, Б.и., 1999. 365 с.
13. Приамурская жизнь // Хабаровск. 1917. 1 октября.
14. Приамурская жизнь // Хабаровск. 1917. 15 ноября.
15. Приамурская жизнь // Хабаровск. 1917. 26 октября.
16. Приамурская жизнь // Хабаровск. 1917. 7 ноября.
17. Приамурская жизнь // Хабаровск. 1917. 8 октября.
18. Приамурская жизнь // Хабаровск. 1917. 9 ноября.
19. Троицкая Н.А. Отношение дальневосточников к Учредительному собранию по документам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории / Материалы международной научной конференции. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 1997. С. 156–158.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Burkova V.V. Vybory vo Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie v Priamurskom izbiratel'nom okruge (po materialam periodicheskoj pechati 1917 g.) // Pyataya Dal'nevostochnaya konferentsiya molodykh istorikov / RAN, Dal'nevost. otd-nie, In-t istorii, arkheologii i ehtnografii narodov DV; Otv. red. L.E. Fetisova. Vladivostok, B.i., 1998. S. 27–33.
2. Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie: EHntsiklopediya / avtor-sostavitel' L.G. Protasov. M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2014. 555 s.
3. Golionko V.P. Partiya i Sovety v KHabarovske za period 1917–18 gg. // Dal'istpart: Sbornik materialov po istorii revolyutsionnogo dvizheniya na Dal'nem Vostoke. Kn. 3. Vladivostok: Akts. o-vo "Knizhnoe Delo", 1925. S. 13-14.
4. Dal'nij Vostok // Vladivostok. 1917. 19 iyulya.
5. Dal'nij Vostok // Vladivostok. 1917. 21 iyulya.
6. Dal'nij Vostok // Vladivostok. 1917. 9 iyulya.
7. Izvestiya Vladivostokskogo soveta rabochikh i soldatskikh deputatov // Vladivostok. 1917. 8 noyabrya.
8. Izvestiya Primorskogo oblastnogo soveta krest'yanskikh deputatov i soyuza Priamurskikh kooperativov // Vladivostok. 1917. 5 noyabrya.
9. Izvestiya Primorskogo oblastnogo soveta krest'yanskikh deputatov i soyuza Priamurskikh kooperativov // Vladivostok. 1917. 23 noyabrya.
10. Izvestiya soveta rabochikh i soldatskikh deputatov g. Nikol'sk-Ussurijskogo // Nikol'sk-Ussurijskij. 1917. 7 oktyabrya.
11. Izvestiya soveta rabochikh i soldatskikh deputatov g. Nikol'sk-Ussurijskogo // Nikol'sk-Ussurijskij. 1917. 31 oktyabrya.
12. Ikonnikova T.YA. Dal'nevostochnyj tyl Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. KHabarovsk, B.i., 1999. 365 s.
13. Priamurskaya zhizn' // KHabarovsk. 1917. 1 oktyabrya.
14. Priamurskaya zhizn' // KHabarovsk. 1917. 15 noyabrya.
15. Priamurskaya zhizn' // KHabarovsk. 1917. 26 oktyabrya.
16. Priamurskaya zhizn' // KHabarovsk. 1917. 7 noyabrya.
17. Priamurskaya zhizn' // KHabarovsk. 1917. 8 oktyabrya.
18. Priamurskaya zhizn' // KHabarovsk. 1917. 9 noyabrya.
19. Troitskaya N.A. Otnoshenie dal'nevostochnikov k Uchreditel'nomu sobraniyu po dokumentam Rossijskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka // EHvolyutsiya i revolyutsiya: opyt i uroki mirovoj i rossijskoj istorii / Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. KHabarovsk: Izd-vo KHGPU, 1997. S. 156–158.

Землянский В.Л. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в Приморской области.

В статье рассматриваются подготовка и проведение выборов в Учредительное собрание на территории Приморья. На основании архивных документов и материалов периодической печати приводятся данные об отношении общественных организаций Приморской области к проекту Временного правительства об объединении дальневосточных областей в единый избирательный округ, работе Приамурской окружной и Приморской областной избирательных комиссий, а также об отдельных прецедентах в ходе голосования. Автор приходит к выводу, что, несмотря на проблемы с организацией голосования и сложной политической ситуацией на Дальнем Востоке, избирательным комиссиям, общественным организациям и партиям в Приморской области удалось обеспечить высокую явку избирателей.

Ключевые слова: *Всероссийское Учредительное собрание, А.Н. Русанов, выборы, Приамурский избирательный округ, Приморская область*

Zemlyanskij V.L. Election of the All-Russian Constituent Assembly in the Primorye region.

The article deals with the preparation and conduct of elections to the Constituent Assembly in the territory of Primorye. On the basis of archival documents and materials of the periodical press provides data about the attitude of the public organizations of the Primorye region a project the Provisional Government to merge the Far Eastern regions in a single constituency, the Priamursky District and the Primorye Regional electoral commissions, as well as about specific use cases in the course of voting. The author concludes that, despite the problems with the organization of voting and the complex political situation in the Far East, electoral commissions, civil society organizations and political parties in of Primorye Region was able to ensure a high voter turnout.

Key words: *All-Russian Constituent Assembly, A.N. Rusanov, elections, Priamursky constituency, Primorye region*

Для цитирования: Землянский В.Л. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в Приморской области // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 85–91. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/85-91

For citation: Zemlyanskij V.L. Election of the All-Russian Constituent Assembly in the Primorye region // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 85–91. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/85-91

◆

УДК 93

Ляпустин С.Н.

Таможенные крейсеры и таможенное крейсерство в борьбе с контрабандой на Дальнем Востоке России в первой четверти XX в.

История таможенного дела на российском Дальнем Востоке содержит немало белых пятен и нераскрытых страниц. Автор статьи длительное время предполагал, что на российском Дальнем Востоке, в отличие от западных регионов, специальных таможенных крейсеров, построенных по заказу таможенного ведомства и входивших в состав сил таможенного ведомства, не было, однако вновь открытые фонды РГИА ДВ[1] позволяют по иному взглянуть на вопросы таможенного крейсерства. В отечественной историографии историки уделили достаточное внимание вопросам крейсерства на Дальнем Востоке, направленного против хищничества иностранных промышленников в российских водах. В частности, контексте исследований американо-российских, японо-российских отношений и реакции Российской империи на американскую, японскую экспансии на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX в., вопросы крейсерства затрагивали дальневосточные историки А.В. Алепко, Л.Н. Гарусова и др. **[1, 2]**. Вместе с тем вопросы российского таможенного крейсерства в тихоокеанских водах в трудах историков не рассматривались.

Институт таможенного крейсерства в Российской империи сложился в конце XIX в., когда Россия для защиты своих экономических интересов на законодательном уровне закрепила таможенное крейсерство, суть которого заключалась в действии специальных кораблей и судов в морской таможенной полосе по пресечению контрабанды. 4 (16) июля 1873 г. Александром II было утверждено Положение о Балтийской таможенной крейсерской флотилии. В XIX в., крейсерами назывались быстроходные суда самых разнообразных видов и размеров (водоизмещением от 300 до 14000 т), способные длительное время решать задачи в море, вооруженные легкой артиллерией и предназначенные для охраны отечественной морской торговли, защиты отечественных морских промыслов от иностранных промысловиков, ведущих незаконные промыслы, при необходимости могущие служить сторожевыми, рассыльными судами, разведчиками. В составе таможенного ведомства Балтийская крейсерская таможенная флотилия находилась до 1898 г., после чего перешла в подчинение Отдельному корпусу пограничной стражи. На её основе в 1898 г. была образована Крейсерская флотилия Отдельного корпуса пограничной стражи. На Дальнем Востоке России по ряду причин **[4]** таможенная крейсерская флотилия создана не была, Для охраны отечественной морской торговли, защиты биоресурсов от иностранных хищников (в конце XIX – начале XX в. ими назывались иностранные промысловики, ведущие незаконный промысел в территориальных водах России и занимающиеся контрабандным вывозом незаконно добытой продукции морского, зверобойного и китобойного промыслов) в морской таможенной полосе дальневосточных морей активно привлекались корабли и суда Сибирской военной флотилии и Тихоокеанской эскадры Балтийского флота.

Некоторые историки считают, что перед Первой мировой войной на Дальнем Востоке появились специальные таможенные суда, к которым относились охранные суда (таможенные крейсера) "Лейтенант Дыдымов" и "Витус

[1] РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

© *Ляпустин С.Н., 2018*

ЛЯПУСТИН Сергей Николаевич, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой таможенного дела Владивостокского филиала Российской таможенной академии *(г. Владивосток).* **E-mail:** vfrta@vtc.ru

Беринг", числившиеся за созданным в 1893 г. Отдельным корпусом пограничной стражи **[7, с. 38]**. Подобное утверждение представляется ошибочным, охранные крейсера "Лейтенант Дыдымов" и "Витус Беринг" числились за Приамурским управлением государственных имуществ. Однако документы, отложившиеся в фондах РГИА ДВ, позволяют утверждать, что на Дальнем Востоке все же имело место крейсерство специальных таможенных судов, находящихся во введении таможенного ведомства.

Несмотря на то, что специальной таможенной крейсерской флотилии, как это было на Балтике, на Дальнем Востоке создано не было, стремление создать защиту морского побережья и охрану российских вод от контрабанды и иностранного хищничества, привело руководство таможенного ведомства к решению о необходимости строительства таможенного крейсера и специальных таможенных судов. На необходимость строительства специальных таможенных судов указывали представители экспедиции по ознакомлению с морской и сухопутной границей с Китаем и Японией, проходившей с 1 ноября 1893 по 7 января 1895 г. По итогам проведенного исследования группа в составе представителя Департамента таможенных сборов действительного статского советника Меркулова, полковника пограничной стражи Демченко, ротмистров Сычевского и Чуба в 1895 г. предложила для осуществления таможенного надзора с целью борьбы с контрабандой и иностранным хищничеством построить четыре таможенных крейсера. Район крейсерства построенных специальных таможенных крейсеров должен был проходить от порта Николаевска до реки Тумень-Ула **(РГИА ДВ. Ф. 21. Оп. 11. Д. 48. Л. 3, 3об)**. Это предложение в полном объеме реализовано не было, однако рекомендации экспедиции, несомненно, были учтены в последующие годы. На необходимость приобретения и применения таможенных судов в борьбе с контрабандой в своих донесениях указывали управляющие таможен и таможенных застав, а также надзиратели таможенных постов, в зоне ответственности которых находились морские и речные участки границы. Так, Управляющий Посьетской таможенной заставы, докладывая 13 марта 1911 г. о ходе контрабандного промысла во второй половине 1910 г., указывал на слабость охраны морской границы от устья реки Тумень-Ула[2] до Владивостока и среди предложений об усилении борьбы с контрабандой предлагал в качестве необходимой и безотлагательной меры "снабжение Посьетской таможенной заставы большим морским паровым катером для крейсирования у вышеуказанного побережья" **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 65. Л. 117)**. 19 марта 1911 г. Управляющий Иманской таможенной заставы в отчете за второе полугодие 1910 г. просил начальника Приамурского таможенного округа решить вопрос об обеспечении заставы моторными средствами передвижения по реке, так как, в виду быстроты течения рек Уссури и Имана, простая весельная лодка совершенно непригодна. Он указывал, что "серьезным препятствием для контрабандистов в навигационное время мог бы служить лишь моторный катер" **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 65. Л. 156)**. В 1911 г. Управляющий Муравьев-Амурским таможенным постом также просил решить вопрос об обеспечении поста моторным катером, "чтобы иметь возможность быстро передвигаться на значительное расстояние, а также догнать прошедшие протоками мимо поста лодки (контрабандистов)" **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 65. Л. 178)**.

Все эти предложения и просьбы не прошли незамеченными. К строительству и приобретению таможенных судов на Дальнем Востоке Департамент таможенных сборов приступил в 1910 г., а решение задач таможенного надзора на морском направлении непосредственно собственными таможенными силами стало осуществляться в следующем 1911 г.

Первым, специально построенным таможенным крейсером, приступившим к выполнению задач таможенного дела на Дальнем Востоке и входившим в состав таможенных сил, стал таможенный крейсер "Страж". Капитаном таможенного крейсера был назначен М.И. Ледок. Необходимо заметить, что ранее таможенный крейсер с таким же именем "Страж" входил в состав Балтийской таможенной крейсерской флотилии. В 1893 г. балтийский "Страж"

---

[2] Река Тумень-Ула или Туманган после 1974 г. носит название Туманная, на большей части течения пограничная между Китаем и КНДР, в низовьях – между КНДР и Россией. Длина – 549 км.

был переведен в подчинение ОКПС[3]. Постоянным местом базирования дальневосточного таможенного крейсера "Страж" на долгие годы стала бухта Золотой Рог. Водоизмещение таможенного крейсера составляло 115 регистровых тонн, мощность двигателя более 250 лошадиных сил **(РГИА ДВ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 289. Л. 214–215)**[4]. Состав членов экипажа составлял в различные годы от 12 до 21 человека. Это было связано с решением поставленных в тот или иной период задач, а также от количества таможенных досмотрщиков, состоящих на службе на таможенном крейсере "Страж". Непосредственно обслуживающий персонал составлял от 12 до 14 человек, персонал, на который возлагались задачи непосредственно таможенного надзора (досмотрщики), от трёх и более человек. В состав команды входили капитан и его помощник, механик и его помощник, боцман, матросы, кочегары, досмотрщики. Так, перечень досмотрщиков состоящих на службе на таможенном крейсере "Страж" по состоянию на 1 января 1915 г. и равно вступивших в означенную должность в течение 1914 г., включал три человек: Кравченко Захария Яковлевича, Пашкевич-Плавского Константина Яковлевича и Яненко Дионисия Кондратьевича **(РГИА ДВ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 151. Л. 1об.)**.

Первые упоминания о деятельности таможенного крейсера "Страж" датируются 1911 г. и связаны с замечаниями начальника Приамурского таможенного округа С.Н. Латкина капитану таможенного крейсера М.А. Ледоку. Из сохранившегося документа следует, что 3 июля 1911 г. в морской таможенной полосе по инициативе капитана таможенного крейсера "Страж" был задержан контрабандный товар, перемещаемый на корейской шаланде. Однако в протоколе, составленном представителями Владивостокской таможни, это не было отмечено, а о результатах работы крейсера начальник Приамурского таможенного округа не был поставлен в известность, за что капитану сделано замечание о недопустимости подобных действий **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 198. Л. 71)**. В последующем, капитаном М.И. Ледоком по итогам крейсерства регулярно представлялись соответствующие донесения. Так, в марте 1912 г. в рапорте на имя начальника Приамурского таможенного округа об итогах крейсерства в заливах Амурском и Петра Великого таможенным крейсером "Страж" капитан сообщал, что 11 марта сего года им было досмотрено шесть корейских шаланд **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 216. Л. 2)**. 17 марта 1914 г. таможенным крейсером "Страж" была задержана корейская шаланда № 442, на которой пассажиры-корейцы незаконно перемещали товары. Инспектор Владивостокского таможенного участка, информируя Департамент таможенных сборов о порядке применения статьи 957 Устава таможенного, сообщал о том, что при задержании этой шаланды таможенным крейсером ряд товаров (тюков) корейцами был выброшен за борт **(РГИА ДВ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 78. Л. 308–309)**.

В 1912 г. для решения задач охраны границы и борьбы с контрабандой на морском направлении путем ведения таможенного крейсерства были приобретены пять таможенных парусно-моторных катеров: "Находка", "Императорская гавань", "Ольга", "Конгоуз" и "Де-Кастри". Ввод в строй и испытания этих катеров проходили в Хабаровске. Указанные катера в различные периоды и в различных документах именовались таможенными крейсерами, таможенными моторными катерами или просто моторными катерами, моторными и парусно-моторными шхунами, и даже моторными лодками. Так, в 1912 г. Управляющий Хабаровской таможней сообщал начальнику Приамурского таможенного округа о водоизмещении пяти морских таможенных катеров "Находка", "Императорская гавань", "Ольга", "Конгоуз", "Де-Кастри", ссылаясь на данные Управления водных путей Амурского бассейна, которое его информировало, что "все морские крейсера сделаны по одному типу, размеры и водоизмещение одинаковы, все снаряженные для плавания крейсера с мертвым балластом и полным инвентарем имеют водоизмещение двадцать одну (21) тонну" **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 213. Л. 268, 269)**. Мощность двигателей указанных таможенных катеров составляла 30 л. с. **(РГИА ДВ.**

---

[3] ОКПС – Отдельный корпус пограничной стражи

[4] Для сравнения – стандартное водоизмещение современного большого таможенного судна "Павел Верещагин" насчитывает 86 т., полное – 99,4 т.

Ф. 410. Оп. 1. Д. 289. Л. 214, 215)[5]. Учитывая водоизмещение указанных судов и документы РГИА ДВ, автор будет придерживаться наиболее часто встречаемого обозначения – таможенные моторные катера.

Помимо указанных катеров в 1912 г. во Владивостокской таможне имелся таможенный катер "Владивосток", водоизмещением 10 т, и в Николаевской таможне – аналогичный таможенный моторный катер "Николаевск" **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 213. Л. 278, 383)**. Для Посьетской таможенной заставы был приобретен моторный катер "Посьет" с двигателем мощностью 16 л.с.

Помимо оснащения таможен морскими плавсредствами шло обеспечение таможенных застав и постов моторными катерами для решения задач в бассейнах р. Уссури и Амур и на оз. Ханка. Согласно докладу управляющего Осиповского таможенного поста Хабаровской таможни (д. Осиповка-на-Амуре), по состоянию на 1912 г., для совершения разъездов по Амуру пост имел таможенный моторный катер "Осиповка" и две весельных шлюпки. Катер использовался для охраны р. Амур и его протоков от водворения в навигационное время контрабанды, а шлюпки применялись при установке и доставке на берег таможенных секретов **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 213. Л. 1, 12)**. В последующем для Иманской таможенной заставы был приобретен моторный катер с двигателем мощностью 16 л. с. Планировалось оснащение таможенных постов на озере Ханка (в частности Камень-Рыболовского таможенного поста) таможенными моторными катерами. В 1912 г. Департамент таможенных сборов информировал начальника Приамурского таможенного округа, что согласен с необходимостью приобретения двух моторных катеров для таможенного надзора на оз. Ханка и полагает означенный расход в размере 1800 руб. отнести на соответствующий кредит по смете 1913 г. **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 213. Л. 289)**.

В мае 1912 г. после проверки технического состояния и ходовых испытаний таможенные катера "Находка", "Императорская гавань", "Ольга", "Конгоуз" и "Де-Кастри" самостоятельно следовали из Хабаровска в Николаевск-на-Амуре. По прибытии в Николаевск-на-Амуре, вновь проходит их проверка. 2 июня 1912 г. Управляющий Николаевской таможней представляет начальнику Приамурского таможенного округа рапорты командиров таможенных катеров. Исходя из рапортов, можно установить, что строительство и испытание катеров проходило в Хабаровске. Командиры доложили, что техническое состояние катеров в целом удовлетворительное. В лучшем состоянии были на тот момент катера "Императорская гавань", "Ольга", "Конгоуз" и "Де-Кастри", в худшем "Находка" **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 213. Л. 39)**. Одновременно с выходом катеров из Хабаровска, капитан "Стража" М.А. Ледок получил распоряжение о подготовке таможенного крейсера к выходу в море и следованию из Владивостока в Николаевск-на-Амуре для встречи, сопровождения и доставки катеров в места постоянного базирования. В течение июня 1912 г. все пять катеров, под сопровождением таможенного крейсера "Страж", были успешно доставлены в одноименные таможенные заставы и бухты **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 213. Л. 68)**, где и приступили в выполнению задач таможенного крейсерства.

10 июля 2012 г. начальник Приамурского таможенного округа направил в Департамент таможенных сборов телеграмму, в которой сообщал: "Пять морских моторных катеров в сопровождении таможенного крейсера "Страж" прибыли в места назначения благополучно морском переходе из Николаевска район от Императорской гавани до Ольги выдержали весьма стойко сильный шторм при волнении шесть баллов" **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 213. Л. 80)**. О том, что катера были предназначены для решения задач таможенного крейсерства, свидетельствует рапорт Управляющего таможенной заставы в заливе Де-Кастри от 23 июня 1912 г. начальнику Приамурского таможенного округа. Управляющий докладывает: "Сего числа прибыл в Де-Кастри из Николаевска-на-Амуре таможенный крейсер "Страж" и привел моторно-парусный катер "Де-Кастри", который принят по акту и поступил в введение заставы. Вследствие этого, прошу указаний Вашего Превосходи-

[5] Для сравнения – водоизмещение среднего таможенного судна "ТС-507", которому присвоено имя "Валерий Зубков" насчитывает 14 тонн.

тельства, разрешается ли мне самостоятельно выходить из бухты для крейсирования по побережью Татарского пролива, или каждый раз испрашивать на то разрешения Вашего Превосходительства" **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 213. Л. 60)**. Вопрос Управляющего таможенной заставы о разрешении выхода катеров в крейсерство связан был с тем, что районы и даты крейсерства таможенных судов до 1912 г. устанавливались распоряжением начальника Приамурского таможенного округа, а с 1913 г. распоряжениями Хабаровского и Владивостокского таможенных инспекторов.

За успешную операцию по сопровождению и доставке таможенных морских катеров из Николаевска-на-Амуре в места их постоянного базирования руководство Приамурского таможенного округа обратилось с рапортом в Департамент таможенных сборов о поощрении команды крейсера "Страж" в размере полумесячного оклада жалования **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 213. Л. 81)**. К сожалению, рапорт не нашел понимания у вышестоящего руководства. Ответ из Департамента таможенных сборов гласил: "Принимая во внимание, что упомянутое плавание совершено в целях обслуживания Приморских таможенных учреждений, для чего и предназначен упомянутый крейсер. И посему в настоящем случае судовая команда этого крейсера выполнила лишь свои служебные обязанности, департамент находит, что к выдаче особаго ей вознаграждения за это плавание не имеется уважительных оснований" **(РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 213. Л. 147 об.)**.

Судьба таможенного крейсера и таможенных катеров сложилась по-разному. Служба моторного катера "Ольга" оказалась недолгой. Во время крейсерства в 1913 г. "Ольга" налетела на скалы и получила серьезные повреждения. Все более ценное оборудование с катера было снято и использовалось для ремонта оставшихся однотипных катеров. Остальные таможенные суда продолжали нести таможенную службу в предназначенных районах.

После революции 1917 г. таможенные суда в составе сил таможен и таможенных застав по-прежнему продолжали выполнять задачи по борьбе с контрабандой. В мае 1919 г. Владивостокский таможенный инспектор С.Н. Латкин направил в таможни циркулярные распоряжения капитанам таможенного крейсера "Страж", моторной шхуны "Конгоуз", моторной шхуны "Находка". Эти распоряжения гласили: "Впредь до особых распоряжений мною установлены следующие районы плавания для таможенных судов в целях охраны побережья и морской таможенной полосы (в 12 морских миль от берега) от контрабандного водворения иностранных товаров на плавучих средствах. Для крейсера "Страж" (местопребывание в бухте Золотой рог) крейсирование по Амурскому заливу до устья реки Тюмень-Ула, с обходом попутно островов Русского, Попова, Рейнике, Рикорда и т.п., западного побережья этого залива. Для моторной шхуны "Конгоуз" (место пребывания – пристань у Семеновского базара) крейсирование от устья реки Суйфун до Славянки по западному побережью Амурского залива. Для моторной шхуны "Находка" (место пребывания Славянка) крейсирование от бухты Славянка до Посьета. При исполнении этих крейсирований капитанам названных таможенных судов надлежит руководствоваться приложенными при сем обязательными постановлениями Верховного Уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке" **(РГИА ДВ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 289. Л. 270)**. В 1919 г. Верховным Уполномоченным Российского правительства на Дальнем Востоке был генерал Д.Л. Хорват.

После создания Дальневосточной республики таможенные суда продолжали выполнять задачи по охране границы и борьбы с контрабандой, одновременно обеспечивая охрану рыбных и звериных промыслов от иностранного хищничества. Для решения этих задач Совет по делам Рыбных и звериных промыслов на Дальнем Востоке обращался к Владивостокскому таможенному инспектору с просьбой о выделении для этих целей имеющихся во введении таможенного ведомства морских судов. После принятия положительного решения Инспектором назначенное судно поступало в распоряжение Совета по делам Рыбных и звериных промыслов на Дальнем Востоке. В РГИА ДВ находится письмо Владивостокского таможенного инспектора от 30 августа 1920 г. в Совет по делам Рыбных и звериных промыслов на Дальнем Востоке, в котором сообщается, что капитану таможенного крейсера "Страж" дано предписа-

ние приготовиться к выходу в Уссурийский залив и поступить на время плавания в распоряжение Совета **(РГИА ДВ. Ф. Р-4411. Оп. 2. Д. 11. Л. 93)**.

В 1922 г., пришедшее к власти Временное Приамурское Правительство, во главе с С.Д. Меркуловым, официально возложило задачу по охране лесных, рыбных и зверобойных промыслов и лесных богатств в районе побережья, занятого белыми, и борьбу с иностранным хищничеством и контрабандой на Сибирскую военную флотилию под командованием контр-адмирала Г. К. Старка **[3]**. И уже в этом же году таможенный крейсер "Страж" был передан в состав Сибирской флотилии. Командиром "Стража" был назначен мичман Петренко. На этом таможенная служба "Стража" завершилась. 28 октября 1922 г., "Страж", уже в качестве портового катера, в составе группы кораблей под командованием адмирала Старка покинул Владивосток. 31 октября 1922 г. он прибыл в порт Гензан, а 6 декабря 1922 г. в составе 2-го дивизиона кораблей – в Шанхай, о чем, писал в своих воспоминаниях Ю.К. Старк **[5]**.

В 1923 г., после восстановления советской власти, таможенные учреждения продолжают использовать оставшиеся таможенные суда, а также приобретать новые. Среди старых таможенных судов две парусно-моторные шхуны и четыре катера. В марте 1924 г. таможенное ведомство Дальнего Востока передало пограничной охране свои морские и речные суда: парусно-моторные шхуны "Красный приморец" и "Пролетарское око", чуть позднее катера "Амур", "Поворотный", "Уссуриец", "Находка" и "Контролер" **[6, с. 43, 55.]**. По состоянию на 2 мая 1919 г. в состав судов Владивостокского таможенного участка входили три моторно-парусные шхуны: "Конгоуз", "Императорская гавань", "Находка" **(РГИА ДВ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 289. Л. 214–215.)**. Учитывая эти сведения, мы можем предположить, что переданные таможенниками пограничникам моторно-парусные шхуны "Красный приморец" и "Пролетарское око" ранее носили названия "Конгоуз" и "Императорская гавань". Таким образом, таможенные катера "Императорская гавань", "Конгоуз" и "Находка", но уже в составе пограничных сил продолжали нести службу по охране государственной границы.

Исследование вопросов таможенного крейсерства на Дальнем Востоке России показало, что решение вопросов охраны границы и борьбы с контрабандой, возложенное на таможенное ведомство Уставом таможенным от 1910 г., потребовало от руководства Приамурского таможенного округа принятия таких мер, как использование возможностей таможенного крейсера и специальных таможенных судов на морском и речных направлениях. Таможенный крейсер "Страж", таможенные парусно-моторные шхуны и таможенные катера осуществляли крейсерство с целью таможенного надзора, борьбы с контрабандой и иностранным хищничеством как структурные единицы таможен, таможенных застав и таможенных постов региона вплоть до 1924 г., то есть до их передачи пограничной службе.

Литература

1. Алепко А. В. Иностранное экономическое проникновение в Дальневосточный регион в 1905–1913 гг. // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.): сб. науч. тр. Хабаровск: ХККМ, 2002. Вып. 3. С. 4–15.

2. Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2001. 178 с.

3. Кадесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 гг. [Электронный ресурс]. URL: http: // www.navy.su/navybook/kadesnikov /11.html (дата обращения: 01.06.2017).

4. Ляпустин С.Н. Крейсерство на Дальнем Востоке России в борьбе с контрабандой морских биоресурсов (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: ВФ РТА, 2011. 190 с.

5. Старк Ю.К. Отчет о деятельности Сибирской флотилии 1921–1922 годов. [Электронный ресурс]. URL: http: //militera.lib.ru/h/whitefleet/30.html (дата обращения: 01.06.2017).

6. Пашков А.М. За край родной дальневосточный. О деятельности Коммунистической партии и советского правительства по организации и усилению охраны государственной границы СССР (1920–1941 гг.). Южно-Сахалинск: Сахалин. отд. Дальневост. книж. изд-ва, 1985. 143 с.

7. Шугалей И.Ф. Роль военно-морского флота России в защите природных ресурсов Дальнего Востока с конца XVIII до начала XX века: Очерки по военно-морской истории. Владивосток, 2010.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alepko A. V. Inostrannoe ehkonomicheskoe proniknovenie v Dal'nevostochnyj region v 1905–1913 gg. // Iz istorii grazhdanskoj vojny na Dal'nem Vostoke (1918–1922 gg.): sb. nauch. tr. KHabarovsk: KHKKM, 2002. Vyp. 3. S. 4–15.
2. Garusova L.N. Rossijsko-amerikanskie regional'nye otnosheniya na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'. Vladivostok, 2001. 178 s.
3. Kadesnikov N.Z. Kratkij ocherk beloj bor'by pod Andreevskim flagom na sushe, moryakh, ozerakh i rekakh Rossii v 1917–1922 gg. [EHlektronnyj resurs]. URL: http: // www.navy.su/navybook/kadesnikov /11.html (data obrashheniya: 01.06.2017).
4. Lyapustin S.N. Krejserstvo na Dal'nem Vostoke Rossii v bor'be s kontrabandoj morskikh bioresursov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Vladivostok: VF RTA, 2011. 190 s.
5. Stark YU.K. Otchet o deyatel'nosti Sibirskoj flotilii 1921–1922 godov. [EHlektronnyj resurs]. URL: http: //militera.lib.ru/h/whitefleet/30.html (data obrashheniya: 01.06.2017).
6. Pashkov A.M. Za kraj rodnoj dal'nevostochnyj. O deyatel'nosti Kommunisticheskoj partii i sovetskogo pravitel'stva po organizatsii i usileniyu okhrany gosudarstvennoj granitsy SSSR (1920–1941 gg.). YUzhno-Sakhalinsk: Sakhalin. otd. Dal'nevost. knizh. izd-va, 1985. 143 s.
7. SHugalej I.F. Rol' voenno-morskogo flota Rossii v zashhite prirodnykh resursov Dal'nego Vostoka s kontsa XVIII do nachala XX veka: Ocherki po voenno-morskoj istorii. Vladivostok, 2010.

Ляпустин С.Н. Таможенные крейсеры и таможенное крейсерство в борьбе с контрабандой на Дальнем Востоке России в первой четверти XX в.

Статья посвящена истории возникновения таможенного крейсерства на Дальнем Востоке России и его роли в борьбе с контрабандой и иностранным хищничеством в первой четверти XX в. Автор впервые вводит в научный оборот новые архивные материалы из Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

Ключевые слова: *Российский Дальний Восток, борьба с контрабандой, история таможенного дела, морские таможенные крейсеры*

Lyapustin S.N. Customs Cruisers and Customs Cruising in the Fight against Smuggling in the Far East of Russia in the First Quarter of the XX century.

The article deals with the history of the rise of the customs cruising in the Far East of Russia and its role in the fight against smuggling and external predation in the first quarter of the XX century. This is the first time the author introduces new archival materials from the Russian state historical archive of the Far East into scientific circulation.

Key words: *The Russian Far East, the fight against smuggling, history of customs, maritime customs cruisers*

Для цитирования: Ляпустин С.Н. Таможенные крейсеры и таможенное крейсерство в борьбе с контрабандой на Дальнем Востоке России в первой четверти XX в // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 92–98. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/92-98

For citation: Lyapustin S.N. Customs Cruisers and Customs Cruising in the Fight against Smuggling in the Far East of Russia in the First Quarter of the XX century // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 92–98. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/92-98

◆

УДК 325.35

Гайкин В.А.

"Коллективизация" в Маньчжоу-го

Обзор источников и литературы

В течение всего существования марионеточного государства Маньчжоуго Япония с разной степенью успеха реализовывала всевозможные программы заселения Маньчжурии японскими и корейскими сельскохозяйственными колонистами (Корея до 1945 г. являлась частью японской колониальной империи). Самый циничный проект появился в журнале "Дайямондо" (1932, № 10): "Вооруженная крестьянская эмиграция возможна лишь силами японцев. Корейцы скорее могут быть использованы здесь лишь в качестве батраков. Их следует заставить заниматься рисосеянием – работой, уготованной им природой. Японо-корейская эмиграция в Маньчжурию может быть осуществлена переселением из Японии 500 вооруженных крестьянских семей, которые будут использовать как батраков 500 семей корейцев, ояпонивая их". Этот план слишком диссонировал с демагогическими заявлениями идеологов японской экспансии об общности судеб народов Восточной Азии, поэтому не мог быть принят к реализации.

Японский автор Онда Сакубэ в серии статей, опубликованных в журнале "Мансю хёрон" в 1935 г., проанализировал опыт коллективных деревень в Маньчжоу-го: "Сначала должностные лица уездов ведут переговоры с местными землевладельцами о переселении туда арендаторов и снижении арендной платы до 30% урожая. Площадь участка, который арендатор получал в коллективной деревне, зависела от числа членов семьи: пять гектаров – на домашнее хозяйство семьи менее пяти человек; десять гектаров – на семью из пяти и более членов. Для самообеспечения продовольствием каждая семья должна была использовать по крайней мере один гектар для выращивания таких культур, как ячмень, картофель, маис. Кредиты на один двор составляли – пятьдесят вон для строительства жилья и двадцать вон для ведения сельского хозяйства с условием погашения в течение трех лет под 8,4% годовых" **[7, с. 22]**.

Авторы работы "Маньчжурские бандиты и политика умиротворения" объективно оценивают негативные последствия выселения корейских крестьян из партизанских районов, пишут о сокращении посевных площадей на новом месте жительства, плохом качестве наспех построенных домов. Как правило, новые участки, полученные взамен проданной за копейки собственной земли, это арендованная земля. Главный вывод авторов – качество жизни в безопасных (коллективных) деревнях намного ниже, чем на прежнем месте, граничит с нищетой **[6]**. Южнокорейский историк Ко Сынче фокус исследования сосредоточил на анализе целей переселения корейских крестьян в Маньчжурию – создании сельскохозяйственной базы японской экспансии на материке, снижении социальной напряжённости в корейской деревни из-за малоземелья, высоких арендных ставок. Автор отмечает, что с начала 1940 гг. японские колониальные органы перенесли акцент на поддержку переселения в Маньчжурию японских крестьян в ущерб корейским эмигрантам **[1]**.

Безопасные (коллективные) деревни (1931–1940 гг.)

Первые корейские "колхозы" начали создавать в 1932 г. в Цзяньдао (регион Маньчжурии, населённый корейцами) из местных корейских крестьян и

© *Гайкин В.А., 2018*

ГАЙКИН Виктор Алексеевич, к.и.н., старший научный сотрудник отдела Японии и Кореи Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток).* **E-mail:** unara49@mail.ru

Фото 1. "Классическая" корейская коллективная деревня, провинция Цзяньдао, уезд Яньцзи.
Источник: [8, с. 175]

беженцев из районов активных боевых действий антияпонских партизан против вторгнувшейся японской армии. В маньчжурской "глубинке" разбросанные корейские хутора сселяли вместе, чтобы разорвать связи антияпонских повстанцев с крестьянами, снабжавшими инсургентов продовольствием (три десятилетия спустя во Вьетнаме эта антипартизанская тактика была воспроизведена в виде "стратегических деревень).

На *фото 1* мы видим фото коллективной или "безопасной" деревни. Строгая линейная планировка улиц, дома-бараки. Всё сделано для осуществления тотального контроля над жизнью крестьян и круглосуточного наблюдения за ними, чтобы исключить контакты с партизанами. Вокруг деревни прочная изгородь и земляной защитный вал, необходимый для обороны деревенского отряда самообороны (создаваемого из прояпонски настроенных жителей) от антияпонских партизан, нуждавшихся в пополнении запасов продуктов. Выход из деревни корейцам после возвращения с полевых работ был запрещён.

Арендаторы были основным контингентом коллективных деревень. По данным опроса, проведенного в октябре 1934 г. в провинции Цзяньдао, арендаторы (и полуарендаторы) составляли около 67 % жителей в шести коллективных деревнях в уезде Хверён и 52 % в трех коллективных деревнях в уезде Ванцин (соответственно 33 % и 48 % составляли крестьяне-собственники). По мнению ангажированного Онда Сакубэ (с которым мы не согласны – *В.Г.*), "корейские коллективные деревни реализовывали программу кредитования, направленную на создание крестьян-собственников в качестве основной цели" **[7, с. 27]**. Используя субсидии администрации генерал-губернаторства Корея и Квантунской армии, японские колонизационные компании приобретали у помещиков участки земли или перекупали участки, приобретенные ранее генерал-губернаторством Корея, а затем сдавали их корейским крестьянам в аренду.

"Ноу-хау" японских менеджеров, организовавших корейские "колхозы", состояло в имитации процесса виртуальной передачи участков земли, которые обрабатывали корейские арендаторы, в их собственность, что как-то мотивировало корейских "колхозников" на производительный труд. В реальности,

кредиты, выдаваемые неимущим арендаторам на ведение сельского хозяйства, служили орудием закабаления крестьян. Обещания передать им землю после выплаты (возврата займов) были фантомной "морковкой", маячившей впереди притягательным миражом. Корейцы, которых переселяли в коллективные деревни, не имели имущества и собственности, оставленных на прежнем месте проживания, и были вынуждены брать кредиты, чтобы закупать все, начиная от продуктов питания и одежды до семян и сельскохозяйственных орудий. Они с трудом возвращали эти займы и оплачивали проценты по ним только для того, чтобы получить возможность взять новые кредиты. По мнению синхронного событиям японского автора, "обнищание крестьян в результате строительства коллективных деревень стало обычным явлением" **[6, с. 125]**.

Тем не менее, в отличие от советских "коллективных хозяйств", где часто единственным способом мотивации к труду был "кнут", изобретательные восточные менеджеры предложили крестьянам и этот виртуальный "пряник" (надежду стать собственником земли). Вторым отличием от колхозов была работа корейских крестьян на закреплённых за ними участках, что обусловливалось спецификой выращивания риса (большим объёмом ручного труда) и отсутствием машинной техники для возделывания суходольных культур.

Вариантом советского "кнута" были организованные японскими колониальными структурами из тех же корейцев "Ассоциации взаимопомощи", поддерживавшие повседневную трудовую дисциплину под лозунгом самоуправления и контролировавшие своевременную выплату крестьянами кредитов и процентов по ним. Погашение в срок кредита крестьянами не требовало внешнего принуждения (вмешательства полиции). Право применять санкции было передано от полиции в крестьянские сообщества. Все домохозяйства должны были сдать в Ассоциацию взаимопомощи для продажи свой урожай за вычетом доли, необходимой для внутрисемейного потребления. Ассоциация следила, чтобы "колхозники" не прятали зерно. Деньги, вырученные от продажи урожая на рынке, шли на выплату Ассоциацией (Mutual aid association) кредитов, взятых домохозяйствами деревни и на покрытие общих хозяйственных расходов. Оставшуюся часть распределяли среди крестьян пропорционально стоимости изъятого у них урожая. Ассоциация взаимопомощи контролировала "общину", став инструментом, обеспечивающим выплату процентов по кредитам крестьян и возвращение самих кредитов.

Члены ассоциации, не способные по тем или иным причинам выполнить необходимые платежи, были застрахованы от угрозы потери земельного участка, платой за эту гарантию был коллективный надзор за повседневной жизнью и процессом производства и потребления крестьян. Общинное самоуправление в "кооперативах" было формой принуждения коллективной волей. Ассоциация взаимопомощи организовала новую коллективную дисциплину членов "кооператива". Механизмы фиктивной частной собственности, кредитная система и коммунальные ассоциации (колллективные деревни) позволили колонизаторам присваивать прибавочный труд корейцев. Эти механизмы, спекулируя утопическим идеалом коллективного управления, организовывали повседневную жизнь крестьян таким образом, что "кооперативы" сами возлагали на себя ответственность за платежи по кредитам, без прямого вмешательства власти.

Формирование колониальных подданных в Маньчжоу-го было не столько воспитанием духа предпринимательства у крестьян, сколько созданием производителей, способных регулярно погашать кредиты в соответствии с графиком. "Кооперативы" из утопического проекта коммунитаризма превратились в важный элемент колониальной системы управления. Скупка урожая осуществлялась, как и в советских колхозах, по ценам намного ниже рыночных, что по существу часто означало конфискацию урожая. Возможность выхода из "колхоза" не предусматривалась.

По мнению японских авторов, "за период 1932–1937 гг. удалось создать 2906 частных корейских собственнических хозяйств, выдав им ссуды на покупку земли и другие сельскохозяйственные цели общей суммой в 1 677 193 иены (по 577 иен на двор)" **[5, с. 48]**. "Ангажированные" обозреватели не договаривают, что выдачей ссуд занималась японская "Восточно-азиатская колонизационная компания" и все "облагодетельствованные" крестьяне попадали

к ней в прямую (полуфеодальную) зависимость. Документы на участок земли хранились у менеджеров этой компании, корейцы были фиктивными собственниками земли. К концу 30-х гг. обитатели коллективных деревень начали осознавать себя жертвами японской колониальной аферы, что выражалось в многочисленных случаях бегства из "мест обетованных". Численность населения коллективной деревни Ch'olryong снизилась с 384 домохозяйств в 1937 г. до 283 в 1940 г., в деревне Hadong с 683домохозяйств до 378 **[9, с. 384]**.

Создание коллективных деревень из переселенцев из Кореи (1937–1945 гг.)

В августе 1936 г. правительство Маньчжоу-го и корейское генерал-губернаторство приняли "Программу руководства маньчжурскими корейцами" **[3, с. 158]**, что положило начало плановому контролируемому переселению корейцев в Маньчжурию. Для этого были созданы две компании: 9 сентября 1936 г. в Сеуле – "Корейско-маньчжурская колонизационная компания", 14 сентября 1936 г. в Синьцзине – "Маньчжуро-корейская колонизационная компания". Функции первой: вложение капитала, работа с переселенцами в Корее (отбор, выдача ссуд на переселение). Функции второй компании – работа с переселенцами в Маньчжурии: расселение и контроль, концентрация в определенных местах уже живущих в стране корейцев, мероприятия по созданию собственнических хозяйств корейцев в Маньчжурии (закупка земли, выдача ссуд и т.д.).

Конкретизируя программу, нужно сказать, что в год намечалось вселять до 10 тысяч дворов корейцев. Районы вселения новых иммигрантов – Цзяньдао (основной район проживания корейцев в Маньчжурии) и 18 уездов Дунбяньдао (территория, прилегающая к реке Ялуцзян). Живущих в маленьких хуторах и деревнях корейских крестьян приграничных районов предполагалось переселять в определенные пункты, чтобы помешать снабжению продовольствием партизанских отрядов, а также создать вдоль границ с СССР нежилую зону **[3, с. 345]**.

В 1937 г. из Кореи в Маньчжурию организованно выехали 2339 семей (12159 чел.), которые были помещены в 29 поселков уездов Аньту, Ванцин, Яньцзи и в 3 поселка уезда Инкоу **[5, с. 201]**. Переселенцы делились на два класса: первый класс – "коллективные переселенцы" (наиболее привилегированная категория). В соответствии с программой им должно было оказывать всяческое содействие корейское генерал-губернаторство. "Компания" обеспечивала ссуду на проезд, предоставляла начальный сельскохозяйственный капитал. Впоследствии из коллективных переселенцев планировалось создавать хозяйства крестьян-собственников. Отбор переселенцев производился администрацией провинций Кореи. Необходимым условием было наличие в семье двух или более трудоспособных мужчин. Второй класс – "организованные переселенцы". Их отправляли на земли, граничившие с участками, переселившихся ранее крестьян для увеличения поселений и расширения посевных площадей. Въезд осуществлялся также группами, но все расходы были заботой самих крестьян. Земля давалась в собственность или аренду. За 1938 г. были переселены 2799 дворов "коллективных" (14198 чел.) и 3156 дворов "организованных" колонистов (9958 чел.), всего 5955 семей **[8, с. 184]**. Предполагалось закупить 11220 тё земли, затратив на это, а также на ссуды корейским колонистам 3 млн. иен, намечалось создать 740 хозяйств крестьян-собственников **[2, с. 39]**. Земля, которую обрабатывали арендаторы, регистрировалась как собственность переселенческой компании, и до тех пор, пока корейцы не возвращали всю ссуду с процентами, они фактически оставались на положении крепостных крестьян, полностью зависящих от компании. В 1939 г. наплыв переселенцев оказался рекордным. Общее их число составило 51994 чел., из них коллективных и организованных колонистов было 4845 семей (20085 чел.), дисперсных (переселявшихся самостоятельно) – 7231 семей (27056 чел.) **[8, с. 206]**. В 1940 г. в Маньчжурию переселилось 4608 семей (15479 чел.) коллективных и организованных колонистов и 1842 семьи (7206 чел.) дисперсных **[3, с. 236]**. Это четырёхлетие (1937–1940 гг.) было периодом активной и довольно успешной деятельности японских переселенческих организаций в Корее, в сети которых попадали разоренные, не имевшие средств к существованию крестьяне. В 1941 г. переселили только 763 семьи

колонистов – 3702 чел. (шестикратное уменьшение в сравнении с 1940 г.) и 1969 семей дисперсных переселенцев **[3, с. 204]**.

С 1942 г. начал осуществляться второй пятилетний "план освоения Маньчжурии". Подготовка к войне с СССР включала в себя заселение пограничных с Советским Союзом районов Маньчжурии лояльными колонистами. Японские колонисты в этом плане котировались выше корейцев. Программа корейской колонизации постепенно сворачивалась. На 1942 г. намечалось переселить 2500 семей коллективных и организованных переселенцев и 5000 дворов дисперсных иммигрантов-корейцев. Было переселено соответственно 2027 семей (9293 чел.) и 6356 семей (13732 чел.) **[4, с. 372]**. В 1943 г. в Маньчжурию выехали только 1046 семей коллективных переселенцев-корейцев **[1, с. 30]**. В 1942 г. компания приобрела земельных участков для японских колонистов в 13 раз больше, чем для корейцев. Расходы на японскую колонизацию составили в 1942 г. 114 млн. иен, на корейскую – только 26 млн. иен. Примерно такое же соотношение затрат планировалось на 1943 и 1944 гг. **[4, с. 263]**.

Заключение

В 1944 г. в Маньчжурии насчитывалось 24000 семей "коллективных" (сюдан) и "организованных" (сюраку) корейских колонистов **[9 p. 13]** (10% корейцев, занятых в сельском хозяйстве). Все они экономически полностью зависели от японских организаций, которые снабжали крестьян предметами первой необходимости, сельхозинвентарем, забирая практически всю товарную часть урожая. В системе колонизации Маньчжурии японские поселения имели военно-стратегическое значение. Они создавались у границ с СССР и должны были стать оплотом японского военно-политического влияния. Колонисты-корейцы не пользовались доверием колонизаторов, корейским "колхозам" отводилась роль продовольственной базы японской экспансии, стабильного поставщика больших объёмов дешёвого зерна. (Второй целью создания коллективных деревень было отсечение крестьян от партизан, искавших источники снабжения продовольствием). Вступление советских войск в Маньчжурию в августе 1945 г. прервало этот административно-хозяйственный эксперимент, поэтому о возможных отдалённых результатах "коллективизации" маньчжурской деревни можно только гадать.

Литература

1. Ко Сынче. Манчу ноноп имин ы сахвесачок пунсок (Социально-исторический анализ сельскохозяйственных переселенцев в Маньчжурию). Пэксан хакпо, 1971, № 10. С. 28–40.
2. Котоку ённэндо такусэй сюмуся утиаи кайги гидзироку (Материалы конференции по проблемам колонизации 1937 г.). Б.м., 1938. 203 с.
3. Мансю кайтаку нэнкан. (Ежегодник колонизации Маньчжурии). Синьцзин: Мансюкоку цусинся, 1942. 403 с.
4. Мансю кайтаку нэнкан. (Ежегодник колонизации Маньчжурии). Синьцзин: Мансюкоку цусинся, 1944. 429 с.
5. Мансю ногё имин гайсэцу. (Краткий очерк переселенцев в Маньчжурии). Дайрен: Минами маню тэцудо кабусики кайся, 1939. 215 с.
6. Мансю хидзоку то тиан тайсаку (Маньчжурские бандиты и поли¬тика умиротворения). Б.м. 1938. 230 с.
7. Онда Сакубэ. Томан тихо ни окэру носон но гэндзё: сюдан бураку кэнсецу но дзёсэй (Земледельческие поселения в Восточной Маньчжурии: строительство коллективных деревень) // Мансю хёрон. 1935. сентябрь. С. 11–38.
8. Hyun Ok Park. Two dreams in one bed. Duke university press. Durham and London. 2005. 313 p.
9. The Manchuria daily news. 19.5.1944.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ko Synche. Manchu nonop imin y sakhvesachok punsok (Sotsial'no-istoricheskij analiz sel'skokhozyajstvennykh pereselentsev v Man'chzhuriyu). Pehksan khakpo, 1971, № 10. S. 28–40.

2. Kotoku yonnehndo takusehj syumusya utiai kajgi gidziroku (Materialy konferentsii po problemam kolonizatsii 1937 g.). B.m., 1938. 203 s.
3. Mansyu kajtaku nehnkan. (Ezhegodnik kolonizatsii Man'chzhurii). Sin'tszin: Mansyukoku tsusinsya, 1942. 403 s.
4. Mansyu kajtaku nehnkan. (Ezhegodnik kolonizatsii Man'chzhurii). Sin'tszin: Mansyukoku tsusinsya, 1944. 429 s.
5. Mansyu nogyo imin gajsehtsu. (Kratkij ocherk pereselentsev v Man'chzhurii). Dajren: Minami manyu tehtsudo kabusiki kajsya, 1939. 215 s.
6. Mansyu khidzoku to tian tajsaku (Man'chzhurskie bandity i poli¬tika umirotvoreniya). B.m. 1938. 230 c.
7. Onda Sakubeh. Toman tikho ni okehru noson no gehndzyo: syudan buraku kehnsetsu no dzyosehj (Zemledel'cheskie poseleniya v Vostochnoj Man'chzhurii: stroitel'stvo kollektivnykh dereven') // Mansyu khyoron. 1935. sentyabr'. S. 11–38.
8. Hyun Ok Park. Two dreams in one bed. Duke university press. Durham and London. 2005. 313 p.
9. The Manchuria daily news. 19.5.1944.

Гайкин В.А. "Коллективизация" в Маньчжоу-го.

Статья посвящена корейским "коллективным" деревням, создававшимся в государстве Маньчжоуго (японской полуколонии) из корейских иммигрантов и выполнявшим роль стабильного поставщика дешёвого зерна. В 1944 г. в Маньчжурии насчитывалось 24000 семей "коллективных" (сюдан) и "организованных" (сюраку) корейских колонистов (10 % корейцев, занятых в сельском хозяйстве). Все они экономически полностью зависели от японских организаций, которые снабжали крестьян предметами первой необходимости, сельхозинвентарем, забирая практически всю товарную часть урожая.

Ключевые слова: *Маньчжоуго, коллективные деревни, корейские переселенцы, колониальная политика Японии*

Gajkin V.A. "Collectivization" in Manchzhougo.

The article is devoted to the Korean "collective" villages, were created in Manchzhougo (Japanese semi-colony) of Korean immigrants, performing the role of a stable supplier of cheap grain. In 1944, in Manchuria there were 24000 families of the "collective" and "organized" Korean colonists (10% of Koreans employed in agriculture). All of them were economically completely dependent on Japanese organizations, which provided peasants essentials, taking away almost all the product of the harvest.

Key words: *Manchzhougo, a collective village, Korean immigrants, the colonial policy of Japan*

Для цитирования: Гайкин В.А. "Коллективизация" в Маньчжоу-го // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 99–104. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/99-104

For citation: Gajkin V.A. "Collectivization" in Manchzhougo. // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 99–104. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/99-104

◆

УДК 947.084 +343.352.4 (571.6) "1945/1991" *Крушанова Л.А.*

Взяточничество на Дальнем Востоке СССР в 1945–1991 гг.

Постановка проблемы

Взяточничество представляет одно из древнейших деструктивных явлений, разрушающее государство. Размер и вид взятки зависят от многих составляющих, в том числе от уровня развития экономических отношений, доступности населения к тем или иным благам (ценностям) и, конечно же, от морально-этического, нравственного состояния самого общества. Опасность взяточничества состоит в том, что данное явление нарушает нормальное функционирование власти и общества, поскольку являются одним из важнейших факторов разрушения государства. Своими действиями, как взяткодатели, так и взяткополучатели, наносят ущерб общественным отношениям. Поэтому власть традиционно борется с этим явлением. Однако, как показывает история, ни один из способов борьбы не является эффективным в полной мере. Даже самый жестокий способ – смертная казнь, не искоренила взяточничество.

Взяточничество тесным образом связано с вопросами безопасности, прежде всего, экономической и политической. Исходя из сказанного, можно высказать тезис, что влияние взяточничества в разных российских регионах по-разному будет проявляться в системе "неотъемлемой части неофициальной, но важнейшей цепи взаимоотношений, на которую полагалась определённая часть общества и государственной администрации" **[25]**, и в факторе безопасности государства. Особое значение приобретает уровень взяточничества в отдалённых и / или приграничных территориях, к которым относится Дальний Восток.

Целью данной статьи является анализ взяточничества как социального явления на Дальнем Востоке в 1945–1991 гг. На основе междисциплинарного подхода – криминологического и социальной истории, автор предприняла попытку проанализировать региональную специфику и трансформацию взяточничества на советском Дальнем Востоке в указанный исторический отрезок времени. Статья подготовлена с привлечением фондов Центрального архива МВД России.

Степень изученности вопроса

Проблеме взяточничества посвящали свои труды как зарубежные, так и отечественные авторы.

Исследование взяточничества в основном изучается в двух "направлениях": 1) в криминологическом, чаще всего в контексте исследований по борьбе с коррупцией, квалификации преступлений о взяточничестве и ответственности за взяточничество, понятии взяточничества; 2) в "историческом", преимущественно дореволюционного периода, с указанием лиц, примерных сумм и способов дачи и получения взятки.

Понятие "взяточничество" известно в отечественном праве с XIII в. как "мздоимство", а в XVIII в. было дополнено понятием "лихоимство". Высшей степенью "лихоимства" считалось вымогательство **[16]**. Одна из первых работ, посвящённых изучению взяточничества, появилась ещё в царской России **[1]**. В советской историографии взяточничество анализировалось в контексте должностных или хозяйственно-корыстных преступлений (Волженкин Б.В.

© *Крушанова Л.А., 2018*

КРУШАНОВА Лариса Александровна, к.и.н., научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток).* **E-mail:** larrie@list.ru

(1979), Ковалёв М., Шелковкин Г. (1961), Кучерявый Н.П. (1957), Кирпичников А. (1975), Ляпунов Ю.И. (1987), Гришаев П.И., Здравомыслов Б.В. (1988), Мельникова В.Е. (1983) и др.)

В числе видных исследователей взяточничества в советский период можно назвать Б.В. Волженкина. Он анализирует криминологические характеристики взяточничества, указывает, что кроме денежных форм взяток существуют и другие: "Выгоды имущественного характера" в качестве предмета взятки могут выступать и различные услуги материального характера – бесплатно отремонтировать квартиру, построить дачный домик, индивидуальный гараж, написать от имени взяткополучателя гонорарное произведение и т.д. **[7, с. 17, 105–109; 6, с. 35–39; 8, с. 23–24]**.

В более поздних работах Б.В. Волженкин отмечал, что отечественные исследователи "… как правило, посвящали свои работы изучению проблем ответственности за должностные преступления, но за пределами исследовательского интереса оставалось коррумпированное поведение должностных лиц" **[9]**.

Другой советский исследователь А.И. Кирпичников отмечает, что взяточничество – это собирательный термин. Он пишет: "Взяточничество … содержит в себе не только нарушение правовых норм, оно разрушает всю правовую систему государства и предполагает разложение хранителей этой системы – чиновников, обязанных исполнять закон", таким образом, превращает чиновника из служителя закона в прислужника частных интересов.

В этом же ключе рассуждает А.М. Яковлев: "Это преступление непосредственно посягает на сам правопорядок, превращает хранителей, стражей нормативной системы в её нарушителей. Взятка может служить отмычкой к любым законодательным преградам, запретам и нормам" **[27]**.

Американский исследователь Дж. Хайнцен, считает взяточничество хрестоматийной разновидность коррупции **[25]**.

Особое внимание уделяется причинам взяточничества. Например, А.Н. Харитонова в числе причин взяточничества называет "возможности чиновника распоряжаться не принадлежащими ему ресурсами" **[26, с. 149]**. Суть этого преступления состоит в том, что должностное лицо получает от других лиц или организаций заведомо незаконное материальное вознаграждение за своё служебное поведение или в связи с занимаемой должностью.

Опасность взяточничества заключается в том, что фактически взятки институционализированы в органах власти и "разъедают" государственную власть, делают её слабой, немощной, фиктивной, о чем пишет В.В. Шеретов. "Основной ресурс власти – доверие к ней со стороны населения теряется. Без этого ресурса власть не может проводить какую-либо полноценную политику, какие-либо реформы" **[27]**.

Попытки найти причины роста взяточничества в советском прошлом способствовали количественному росту историко-криминологических исследований (С.В. Богданов, В.Н. Орлов (2012), П. Дружинин (2015), Дж. Хайнцен (2011) и др.). На проблему взяточничества в послевоенном СССР сформировалось две точки зрения: низкий уровень **[20; 12]** и высокий уровень **[24; 3]**.

В своей статье С.В. Богданов и В.Н. Орлов отмечают, что в послевоенный период взяточничество было вызвано не только ростом бюрократизации, но и сложными социально-экономическими условиями тех лет. Появление категории граждан, которые за счёт войны незаконно "накопили" крупные денежные суммы, также негативно отразилось на росте данного явления. Желание одних "легализовать" незаконно приобретённый капитал, а других – жить "не как все", создавало условия развития порочной системы взяточничества. В неё оказались вовлечены не только управленцы, но и служители Фемиды – судьи, сотрудники милиции, в том числе призванные бороться с этим явлением (начальник ОБХСС г. Свердловска), что подрывало доверие населения к органам власти, в том числе и личной власти Сталина. В результате появилось постановление, посвящённое взяточничеству в государственном аппарате, в котором говорилось о необходимости жёсткого пресечения **[3]**.

П. Дружинин отмечает, что бытует мнение о том, что в сталинское время взяточничество практически отсутствовало. "Однако факты взяток, неминуемо встречающиеся в обществе, не всегда служат доказательством их широкого распространения". Далее он пишет, что оглашение таких сведений в

прессе может трактоваться как свидетельство хоть и негативного, но исключительного явления **[12]**.

Периодически с подачи первых лиц государства проводились показательно-расстрельные процессы в отношении взяточников. У Сталина таким было "Ленинградское дело" – дело о кумовстве и взяточничестве в руководящих органах партии и государства, превращением государственного кармана в свой собственный. Менее известными оказались "Хлебное дело", "Ткацкое дело", "Винное дело", "Музыкальное дело" и "Денежное дело", имевшие чисто коррупционный характер в масштабах всей страны **[5]**.

Борьба с этим явлением принесла свои результаты. Анализ статданных, приведённых В.В. Астаниным, свидетельствует о снижении взяточничества. Так, если в 1948 г. за дачу и получения взятки осудили 4 541 чел., то в 1954 г. – 1 030 чел. **[2, с. 51]**. Таким образом, более 4-х кратное сокращение численности осуждённых свидетельствует о том, что борьба велась жёстко.

Смягчение политического режима и "закручивание гаек" в экономике в хрущёвский период подняли на новый уровень борьбу с взятками. Даже несмотря на показательные расстрелы, взяточничество постепенно стало набирать обороты. При Хрущёве широкую известность получило "дело трикотажников". На скамье подсудимых оказались не только сотрудники Аламединской фабрики (около 150 чел.), но судебно-прокурорские работники (более 70 чел.) и работники милиции. Итогом раскрытия "дела трикотажников" стало вынесение смертного приговора в отношении 30 чел., в отношении 16 чел. приговор был приведён в исполнение **[19]**.

Громкие процессы начала 1960-х гг. и усиление репрессивной составляющей за экономические преступления, в том числе взяточничество, оказали влияние на динамику данного вида преступления. В 1961 г. статистикой было зарегистрировано 1 192 фактов уголовно наказуемого взяточничества, в 1962 г. – 2 037, 1963 г. – 1 624, 1964 г. – 1 371, 1965 г. – 1 208. В структуре преступности в целом, зарегистрированной в БХСС МООП, на долю взяточничества приходилось 1,5%. И относительно незначительное количество взяточников избежали судимости. В рамках другой тенденции 1960-х гг. – либерализации уголовного наказания, – 13,5% дел передали не в народный суд, а в товарищеские суды **(ЦА МВД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 129. Л. 1, 7)**[1].

Выход Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. "Об усилении борьбы с хищениями государственного и общественного имущества", Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. "Об усилении уголовной ответственности за взяточничество" с установлением смертной казни с конфискацией имущества, закрытого письма ЦК КПСС от 29 марта 1962 г. "Об усилении борьбы с взяточничеством и разворовыванием народного добра" свидетельствовали о том, что это явление из категории "единичных" случаев, о чем писал А.И. Кирпичников, перешло в категорию "неотъемлемой части неофициальной, но важнейшей цепи взаимоотношений, на которую полагалась большая часть советского общества и государственной администрации", на которое указал американский исследователь Дж. Хайнцен. В итоге развивался процесс сложного взаимодействия государства, общества и преступности в СССР, в который были вовлечены люди из всех социальных слоёв общества **[25]**.

В качестве примера можно привести случай на Дальзаводе. В газете "Известия" (5 августа 1959 г.) были опубликованы факты незаконного получения премии работниками Дальзавода от заказчиков, минуя бухгалтерию. Комиссия подтвердила факты, изложенные в газете. Совнархоз отстранил директора А.В. Лаврова от занимаемой должности, так как "…он знал и не принимал мер – на заводе продолжали антигосударственную практику" **[17, с. 100]**, в которой были заинтересованы обе стороны. Заказчикам не нужно было стоять годами в очереди, ожидая выполнения заказа, а рабочие получали стабильный дополнительный доход без каких-либо налоговых отчислений государству. Естественно, директор не хотел рушить эту систему, терять заказчиков и снижать трудовой стимул рабочих в условиях постоянной текучести кадров. Если бы "не сигнал" через газету "Известия" (статья "Премия? Нет, взятка") в соответствующие инстанции, то все осталось бы по-прежнему.

[1] ЦА МВД – Центральный архив МВД России.

Автор статьи умолчал лишь о том, что подобные случаи были и на других предприятиях Дальнего Востока. Истинными причинами быстрорастущих темпов должностных преступлений были системные последствия распределительных отношений в СССР, а также результат внутреннего размывания партийно-государственной идеологии. Однако причины этих негативных явлений традиционно списывался на недоработку кадрового вопроса.

Как и любая кампания, направленная на противодействие различным деструктивным явлениям, кампания по борьбе с взятками носила волнообразный характер. Если в 1959 г. было осуждено 1 918 чел., то в 1963 г. – уже 2 167 чел., после чего наблюдался спад взяточничества до 1970 г. до 1555 осуждённых, и в 1975 г. этот показатель почти достиг уровня 1963 г. – 2 124 чел. **[2, с. 57]**.

В РСФСР в 1980 – 1985 гг. количество фактов взяточничества выросло почти в два раза (с 2 785 до 5 177 фактов). В 1983 г. широкую огласку получило дело "Елисеевского гастронома", которое вскрыло взяточничество в системе московской торговли и Мосгоркоме. Всего по данному делу к уголовной ответственности привлекли 15 тыс. чел., выявили объем взяток более чем на 1,5 млн руб. **[4]**.

С приходом к власти М.С. Горбачёв начал борьбу не только с пьянством и нарушением трудовой дисциплиной, но и взяточничеством. В 1984 г., т.е. за год до начала Перестройки, в ЦК КПСС поступило 74 тыс. анонимных писем с жалобами на произвол чиновников и мелкую коррупцию **[15, с. 260]**. Вершиной взяточничества в СССР стало "хлопковое дело". На скамье подсудимых оказалось около 150 высших должностных лица Узбекистана и союзных министерств **[10]**.

В последние два года существования советской власти (1990–1991 гг.) к традиционным факторам существования взяточничества, о которых говорилось в начале статьи, добавились факторы, связанные с построением рыночных отношений, ослаблением государственного регулирования и контроля, правовой вакуум и отсутствием сильной социальной политики в социальной сфере **[11]**. Началось реформирование системы управления. Появились новые государственные структуры: Федеральная налоговая служба (1990), Главное управление налоговых расследований (1992), более известная как налоговая полиция, Государственный таможенный комитет (1991), Федеральная миграционная служба (1992). Увеличение бюрократического аппарата в условиях тех лет способствовало росту взяточников и взяткодателей.

Ухудшение социально-экономического развития СССР активизировали центральные власти искать пути и способы преодоления экономического кризиса. В числе предложенных вариантов стал переход к рынку. Исторически сложилось так, что советская экономика никогда не была социалистической в чистом виде. Даже попытки Хрущёва ликвидировать частный сектор **[17]** сделали экономику серой – наряду с государственным сектором функционировал "чёрный" рынок ("барахолки", "толкучки", "дикие бригады" и т.д.). Первым шагом стало возвращение в экономику государства в 1988 г. кооперативов. Вторым шагом стала разработка программы перехода к рынку, известная как "500 дней".

Резкое ухудшение показателей развития государства в 1990 г., отразилось и состоянии преступности в целом, и особенно экономической и должностных. В 1990 г. в РСФСР подразделения БХСС зарегистрировали на 3,3% преступлений больше, чем в 1989 г. Количество хищений по сравнению с 1989 г. снизилось на 6,9%, но выросло групповых на 13,9% и в особо крупных размерах – на 19,5% **(ЦА МВД. Ф. 4. Оп. 3. Д. 225. Л. 439. Л. 475–477)**.

На фоне роста экономических преступлений, достаточно благополучно обстояли дела с взяточничеством. За десятилетие (1980–1990) пик регистрируемого взяточничества пришёлся на 1985 г. (5177 фактов). В 1990 г. милицейская статистика фиксировала более низкие показатели, чем в 1980 г. (2691 и 2785 фактов соответственно). Динамика роста взяточничества в России в 1991 гг. по сравнению с 1990 г. показала падение на 5,8%, а в 1992 г. уже рост на 23,8% **[24, с. 116]**. Но как мы полагаем, снижение регистрируемых фактов взяточничества в конце советского периода свидетельствовало не в пользу того, что "брать" стали меньше, а о том, что взяточничество перешло

в категорию обязательной составляющей при решении многих вопросов, что показал первый год либерально-экономических реформ.

Становление новых отношений, оперативно-розыскные мероприятия и судебная практика на рубеже 80–90-х гг. XX в. выявили, что кроме денег, ценных бумаг и материальных ценностей, взятками стали "…оказываемые безвозмездно, но подлежащие оплате услуги (например, предоставление санаторных и туристических путёвок, проездных билетов; производство ремонтных, реставрационных, строительных и других работ)" **[22]**.

Рост взяточничества не осталось незамеченным для судов. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 3 "О судебной практике по делам о взяточничестве" от 30.03.1990 г. подчёркивалась особая опасность случаев "… получения взяток должностными лицами, действующими по предварительному сговору с расхитителями государственного и общественного имущества, … создающими систему подкупов и круговой поруки". В том же документе отмечалось, что "… взяточничество … дискредитирует органы Советской власти, ведёт к нарушениям принципа социальной справедливости", что в те годы было зрительно видимым **[22]**.

Таким образом, этапы борьбы с взяточничеством тесно связаны с приходом к власти того или иного политического лидера – Хрущёва, Андропова, Горбачёва, стремившегося ликвидировать должностные и корыстно-насильственные преступления.

Динамика взяточничества в Дальневосточном регионе

Дальний Восток среди российских регионов имел особый статус, обусловленный стратегическим значением как с точки зрения обеспечения безопасности СССР, так и с точки зрения международной торговли со странами Восточной Азии. Низкая плотность заселения и приграничное положение ставили перед государством задачи демографического укрепления региона. С этой целью складывалась система льгот, в числе которых: повышенная заработная плата, более продолжительные отпуска, обеспечение жильём специалистов и рабочих предприятий, имевших союзное значение. А значительная удалённость территории от центра являлось основанием для более пристального контроля к местным властям со стороны политического центра. За столетие освоения Дальнего Востока "пришлое" население привыкло рассчитывать на государство, что на практике несколько ограничивало возможности для злоупотреблений со стороны чиновничества. Однако бытовые условия населения в разные исторические периоды на динамику и характер взяточничества накладывали свой отпечаток.

Великая Отечественная война оказала существенное влияние на все стороны жизни советских граждан. За годы войны в тотальной нищете оказалось практически все население. Дальний Восток не подвергся таким разрушениям, как оккупированные территории СССР, исключением был Сахалин. Но и здесь население испытывало аналогичные трудности с продуктовым обеспечением, товарами повседневного пользования.

Не менее трудно решаемой задачей в регионе было обеспечение жильём. И здесь, как в послеблокадном Ленинграде, некоторые граждане пытались решить жилищный вопрос посредством взяток. Практика обеспечения жильём в СССР сложилась ещё в довоенный период. Государство в лице местных органов власти – райкомов и горкомов взяло на себя обязательства по строительству, распределению и выделению квартир **[28, с. 16]**. Предприятия и организации возлагали на себя ответственность обеспечить ведомственным жильём своих сотрудников.

Жёстко регламентированный механизм распределения жилья в первые послевоенные годы вовсе не означало, что его нельзя было нарушить. Отсутствие частной собственности на недвижимость – квартиры, земельные участки, делали незаконными любые действия по их купле-продаже или обмену с доплатой. Исключение составляли дома, построенные собственными силами. Отсутствие рынка недвижимости создавало условия для нарушения жилищного законодательства. Это нашло отражение в одном из документов: "В городе (Владивосток – прим. авт.) широко развита спекуляция квартирами (продажа, обмен с доплатой и т.д.), причём эти операции проводятся зачастую не

только с разрешения должностных лиц, призванных это пресекать, но даже при их непосредственном участии" **(ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 21. Л. 42)**[2].

Частые нарушения распределения жилья в г. Владивостоке в 1945 г. стали причиной обращения граждан в прокуратуру. В ходе проверки прокурорскими работниками была выявлена "неправильная практика и злоупотребления в распределении жилого фонда… В райжилуправлениях беспорядок… Делопроизводство запущено. Поступающие заявления на предоставление квартир не регистрируются, их очерёдность не соблюдается… Неправильная практика в распределении жилого фонда заключалась в том, что им распоряжались "не определённые лица, как это положено, а все – начиная от домуправов, кончая предгорсовета тов. Молоковым", – отражено в Справке **(ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 21. Л. 41)**.

В ходе проверки было установлено, что заведующий коммунальным отделом Фрунзенского райисполкома Б., совместно с работниками с Фрунзенского райжилуправления, начальником РЖУ З. и бухгалтером Н. "спекулировали квартирами и брали взятки с квартиросъёмщиков". За выданную гражданке П. квартиру по ул. Бестужева, 13, Б. получил от неё 10 кг муки и 1 л масла. За выданные старшему бухгалтеру РЖУ Н. квартиры по ул. Китайская, 13 и Западная, 13, Б. получал "взятки" в виде возможности у неё систематически пьянствовать. По материалам проверки были возбуждены уголовные дела, а нарсуд Фрунзенского района вынес наказание в виде лишения свободы: Б. – на 6 лет, З. и Н. – 3 года, управдом А. – 4 года **(ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 815. Л. 147)**[3]. И судя по всему, этот случай был не единичный. В ходе той же проверки проверяющие выявили: "…работники райжилуправлений (особенно Фрунзенского) …продавали квартиры, предоставляли жилплощадь за взятки **(ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 21. Л. 43)**.

Анализ отчёта о работе народных судов по рассмотрению уголовных дел в Приморском крае не даёт прямого ответа о численности лиц, привлечённых к уголовной ответственности за взяточничество по ст.ст. 117–119 УК РСФСР, поскольку этот вид преступления "завуалирован" в графе "прочие должностные преступления", куда также вошли: а) служебный подлог (ст. 120 УК), б) разглашение, сообщение, передача или собирание должностным лицом сведений, не подлежащих оглашению (ст. 121 УК). Всего по 39 уголовным делам осудили 58 чел. **(ГАПК. Ф. 1210. Оп. 1. Д. 5. Л. 278)**.

В послевоенные годы единичными случаями взяточничество имело место и в других областях Дальнего Востока. Так, в Амурской области за 2 года (1945–1946 гг.) по ст. 117–118 УК РСФСР привлекли 6 чел., в Еврейской автономной области за 4 года (1949–1952 гг.) – 8 чел. **(ГА ЕАО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 642. Л. 15)**[4].

Улучшение в 1950-х гг. экономической ситуации по стране в целом, изменило и тип региональной "взятки". На смену "взяткам" продуктами питания, имевшим место в послевоенные годы, в конце 1950-х гг. взятки стали брать "отрезами шерсти на платье", т.е. товарами, не связанными с первичными потребностями. Именно этот вид взятки фигурировал в уголовном деле 1959 г. Во время инвентаризации одного из магазина г. Владивостока, в 1959 г. ревизор райпо С. за "отрез шерсти на платье" "не обнаружила" недостачу товаров на 17 тыс. руб., совершенную заведующей этого же магазина. Ревизор Октябрьского райпо М. "не заметила" недостачу у заведующей магазином Х. на сумму 1060 руб. А в дальнейшем, по совместной договорённости, они приписали товаров на 9 954 руб., скрыв недостачу, а разницу (8 894 руб.) присвоили себе **(ГАПК. Ф. П-68. Оп. 101. Д. 146. Л. 97)**.

К сожалению, отсутствие статистики по преступности до середины 1960-х гг. не позволяет выявить полную картину взяточничества. В целом, Дальний Восток относился к регионам, где уровень выявленного взяточничества был низким. Например, в 1965 г. в Амурской области выявлен только 1 случай **(ЦА МВД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 129. Л. 1, 7)**. По мере разрушения морально-нравственных устоев советского общества шёл рост взяточничества. В 1970-х гг. в

---

[2] ГАПК – Государственный архив Приморского края.

[3] ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

[4] ГА ЕАО – Государственный архив Еврейской автономной области.

Приморском крае к уголовной ответственности привлекли в 1973 г. 20 чел. **(ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 1. Л. 3)**, в 1974 г. – 38 чел., в том числе за получение взятки (ст. 173, 174 УК РСФСР) – 13, дачу взятки или посредничество в даче взятке (ст. 1741 УК РСФСР) – 25 **(ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 7. Л. 22)**, в 1975 г. – всего 7 чел.: 2 и 5 соответственно. В 1979 г. уровень взяточничество вернулся к показателям 1973 г. К ответственности привлекли 21 чел., в том числе 8 чел. за получение взятки и 13 чел. за дачу взятки или посредничество в даче взятке **(ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 15. Л. 22)**.

Показательные кампании борьбы с взятками в органах власти не влияли на бытовое (мелкое) взяточничество. Это можно проследить по воспоминаниям владивостокцев. В 1960-х гг. на Дальнем Востоке начинается массовое многоэтажное жилищное строительство. Практически сразу же у населения сформировалось определённое отношение к тому или иному этажу в доме. Наименьшей популярностью, особенно в пятиэтажных домах, пользовались первый и последний этажи. Распределение квартир между очередниками нередко осуществлялся по принципу занимаемой должности ответственного квартиросъёмщика. Как правило, квартиры на первом и последнем этажах выделялись рабочим. Квартиры на средних этажах – начальникам и высококвалифицированным специалистам. Таким примером может служить дом, построенный в 1977/78 г. в Большом Камне по ул. Ак. Крылова, д. 18.

Однако получить "престижный" этаж можно было и иным способом. По воспоминаниям Т.С., перед тем как её маме, с которой она жила вместе, должны были выделить квартиру в г. Владивостоке (в начале 1970-х гг. – *прим. Л.К.*), к ним приходила сотрудница, проводившая обследование, чтобы выявить действительно ли семья нуждается в улучшении жилищных условий (семья из 5 чел. жила в двухкомнатной квартире площадью 32 кв. м), намекала, что при определённых условиях можно получить квартиру на средних этажах. "Конечно, будь я тогда постарше, я бы поняла, что она намекала на денежное вознаграждение. Дала бы я ей "трёшку" или "пятёрку" и тогда нам выделили квартиру на втором или на третьем этаже. А так дали на первом" **[14]**.

Чаще другим приходилось "откупаться" водителям. В советских правилах за нарушением правил дорожного движения кроме штрафов действовала система талонов, в котором посредством проколов фиксировалось нарушение. Например, заезд под запрещающий знак или проезд на запрещающий сигнал светофора. Три прокола в талоне влекло повторную сдачу правил дорожного движения. Чтобы избежать этого, водители прибегали к различным видам взяток. По воспоминаниям И.К., так, за то, что у него не оказалось с собой до-

Табл. 1. Динамика зарегистрированного взяточничества на Дальнем Востоке в 1980–1990 гг.

	Выявлено			Разоблачено преступных групп		
	1980	1985	1990	1980	1985	1990
Приморский край	38	62	29	1	37	1
Хабаровский край	14	41	33	2	4	3
Амурская область	2	18	8	-	-	-
Камчатская область	11	12	7	2	1	-
Магаданская область	23	31	5	-	1	1
Сахалинская область	16	25	30	-	-	-
Дальний Восток	104	189	112	5	43	5
РСФСР	2785	5177	2691	412	458	219

Источник: составлено автором на основе: **(ЦА МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 477. Л. 58–59; Ф. 4. Оп. 2. Д. 838. Л. 56–64; Ф. 4. Оп. 3. Д. 225. Л. 475–477)**.

кументов на машину, молодому сержанту он предложил по госцене "фирменные" джинсы **[13]**, в то время как "барахольная" цена достигала 200–230 руб. В результате "взятки" талон остался без прокола.

В 80-х гг. XX в. взяточничество как в целом в РСФСР, так и на Дальнем Востоке, расширяется, хотя статистика показывает неравномерность этого процесса *(таблица 1)*.

Анализ таблицы даёт основание говорить о волнообразном характере взяточничества. В рассматриваемое десятилетие пик пришёлся на 1985 г. На наш взгляд, это связано с андроповскими чистками и горбачевской кампанией по борьбе с пьянством. В первой половине 1980-х гг. количество данного преступления составил 81,7%. В 1990 г. количество регистрируемых фактов взяточничества, по сравнению с 1985 г., снизилось почти на 60%. В целом, за десятилетие рост составил всего 7,7%. Если же смотреть динамику по краям и областям Дальнего Востока, то в первой половине рост взяточничества наблюдался повсеместно, но наибольший – в Амурской области (в 9 раз), в Хабаровском крае (почти в 3 раза), в Приморье (63%). С 1985 по 1990 гг. снижение произошло в Приморье (23,6%), на Камчатке (36,3%) и в Магаданской области (в 4,6 раза).

Из общей динамики выбивается только Сахалинская область. На протяжении всего десятилетия динамика роста регистрируемых фактов взяточничества увеличилась на 187%, в т.ч. в первой половине 1980-х гг. – на 56,2%, во второй половине 1980-х гг. – ещё на 16,6%. В структуре общероссийского взяточничества на долю Дальнего Востока приходилось соответственно 3,7%, 3,6 и 4,1%.

Нередко взяточничество носит групповой характер. В уголовных кодексах РСФСР 1926 г. и 1960 г. предусматривалось наказание не только за получение или дачу взятки, но и посредничество. Динамика регионального группового взяточничества в 1980–1990 гг. имела свои особенности. Если в 1980 г. на Дальнем Востоке регистрировалось 5 фактов группового взяточничества, то в 1985 г. – 43 (!), но в 1990 г. снизилось до 4 фактов. Таким образом, в первой половине 1980-х гг. количество выявленных фактов выросло более чем в 8 раз, но к 1990 г. снизилось до уровня 1980 г. В РСФСР эти же показатели в первой половине 1980 г. по сравнению с Дальним Востоком имели незначительный рост (11,1%), а за десятилетие снизились на 53,1%.

В 1980 г. на Дальнем Востоке правоохранительные органы не предотвратили ни одного случая взяточничества, в то время как 1985 г. – 9, в т.ч. по 4 случая в Приморье и Магаданской области и 1 – на Сахалине. В 1990 г. эту графу из статотчетности убрали.

К сожалению, статистика не отражает реальный масштаб явления. Но с учётом коэффициента латентности можем выявить примерную динамику взяточничества. Исходя из коэффициента 1:10 для начала 1980-х гг., то вероятнее всего, на Дальнем Востоке в 1980 г. могло быть чуть более тысячи фактов взяточничества, в 1985 г. – около двух тысяч. К концу советского периода коэффициент латентности значительно вырос. М.В. Лямин установил, что в 1992 г. среди сотрудников правоохранительных органов коэффициент латентности взяточничества составлял 18 фактов на каждые 100 тыс. человек населения **[21]**. В 1992 г. численность населения Дальнего Востока составила 6863,5 тыс. чел. Таким образом, только среди сотрудников правоохранительных органов в 1992 г. на Дальнем Востоке количество взяток могло достигать 1 235 фактов, в то время как официальная статистика зарегистрировала всего 129 фактов взяточничества, а коэффициент на 100 тыс. населения в возрасте от 16 и старше в Приморье составил 1,7, в Хабаровском крае – 4,6, ЕАО – 1,3, Камчатской области – 6,0, Магаданской области – 3,5 и на Сахалине – 1,8 **[17, с. 118–119]**.

Таким образом, явление взяточничества менялось под влиянием экономических условий и возможностей приобретения материальных благ. Если в послевоенные годы взятки принимались продуктами питания, что было обусловлено с физическим выживанием, то с конца 1950-х гг. – дорогими товарами, не связанными с физическим выживанием, но указывающим на статус его владельца. На Дальнем Востоке эта тенденция сохранялась достаточно долго. Денежные взятки стали набирать обороты с 1970-х гг., что было связано с ростом теневых отношений в экономике.

Литература

1. Анциферов К.Д. Взяточничество в истории русского законодательства (до периода Сводов) // Оттиск из журн. гражданского и уголовного права. Кн. 2. СПб., 1884.
2. Астанин В.В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: развитие системного подхода Москва: Российская криминологическая ассоциация. 2003. 88 с.
3. Богданов С.В., Орлов В.Н. За фасадом перестройки в СССР: власть, хозяйственная преступность, общество // Современное право. 2012. № 2 С. 148–151.
4. Борьба с коррупцией в СССР: дело директора гастронома "Елисеевский". // Pravo.ru: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.ru/process/view/25722 (дата обращения: 29.09.2016).
5. Взятки при Сталине. // Вопросик. [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: http://voprosik.net/vzyatki-pri-staline (дата обращения: 29.09.2016).
6. Волженкин Б.В. Квалификация взяточничества. Л., 1984. С. 35–39.
7. Волженкин Б.В., Квашис В.Е., Цагикян С.Ш. Ответственность за взяточничество. Ереван "Айастан", 1988. 199 р.
8. Волженкин Б. Получение взятки или злоупотребление служебным положением? // Социалистическая законность. 1989. № 9. С. 23–27.
9. Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). // IKNIGI: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: http://iknigi.net/avtor-boris-volzhenkin/98399-izbrannye-trudy-boris-volzhenkin/read/page-1.html (дата обращения: 27.08.2017).
10. Громкие дела в СССР. // Мифов нет: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: http://mifov.net/?p=2176 (дата обращения: 29.09.2016).
11. Детерминанты взяточничества. // SuperInf: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3673 (дата обращения: 30.09.2016).
12. Дружинин П. "Взяточников надо ловить и расстреливать!" Аналитическая записка о взяточничестве в СССР в архиве Сталина // Новое литературное обозрение. 2015. № 2. С. 230–246.
13. Интервью с И.К., 1947 г.рожд., Владивосток, 2014. Личный архив автора.
14. Интервью с Т.С., 1954 г.рожд., Владивосток, 2015. Личный архив автора.
15. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток, 2014. 360 с.
16. Климов И.П. Историко-правовой опыт противодействия коррупции и его значение для современной России // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 2. С. 147-154.
17. Ковалевская Ю.Н., Крушанова Л.А. Становление предпринимательства на Дальнем Востоке в 1960 – начале 1990-х гг.: от барахолки к рынку // Россия и АТР. 2013. № 4. С. 94–108.
18. Коваленко С.Г. 20 лет советских реформ: Была ли модернизация на Дальнем Востоке? Владивосток: Дальнаука, 2014. 228 с.
19. Курманов К. Трикотажное дело. // Общественный рейтинг: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pr.kg/gazeta/number605/2214 (дата обращения: 20.09.2016).
20. Кучерявый Н.П. Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. 188 с.
21. Лямин М.В. Использование криминалистических методов при расследовании взяточничества в правоохранительных органах: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2003. // Law Theses: [сайт] [Электронный ресурс]. URL: http://lawtheses.com/ispolzovanie-kriminalisticheskih-metodov-pri-rassledovanii-vzyatochnichestva-v-pravoohranitelnyh-organah#ixzz4Q19QontR (дата обращения: 11.11.2016).
22. Постановление Пленума Верховного Суда СССР "О судебной практике по делам о взяточничестве от 30.03.1990 № 3. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lawmix.ru/zkrf/58480 (дата обращения: 14.10.2016).
23. Преступность и правонарушения (1990–1994). М., 1995.
24. Фролов В.В. Борьба следственных органов советской прокуратуры со взяточничеством в период "позднего сталинизма" (1945–1953 гг.). // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2013. Т. 3. С. 3251–3255. [Электронный ресурс]. URL: https://e-koncept.ru/2013/53656.htm (дата обращения: 29.08.2017).
25. Хайнцен Дж. Коррупция и кампании против взяточничества в период военного и послевоенного сталинизма, 1943–1953 гг. // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 82-96. // КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-i-kampanii-protiv-vzyatochnichestva-v-period-voennogo-i-poslevoennogo-stalinizma-1943-1953-gg (дата обращения: 14.08.2017).
26. Харитонова А.Н. Понятие взяточничества в истории отечественного законодательства // Гуманитарные исследования. 2016. № 1. С. 146–149.

27. Шеретов В.В. Противодействие взяточничеству: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. канд. юрид. наук. СПб, 2005. 188 с. // КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dslib.net/kriminal-process/protivodejstvie-vzjatochnichestvu-ugolovno-pravovoj-i-kriminologicheskij-aspekty.html#2185931 (дата обращения: 24.08.2017).

28. Ярославцев А.В. Реализация государственной жилищной политики на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 1940-х – первая половина 1960-х гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Хабаровск, 2011. 27 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Antsiferov K.D. Vzyatochnichestvo v istorii russkogo zakonodatel'stva (do perioda Svodov) // Ottisk iz zhurn. grazhdanskogo i ugolovnogo prava. Kn. 2. SPb., 1884.

2. Astanin V.V. Bor'ba s korruptsiej v Rossii XVI–XX vekov: razvitie sistemnogo podkhoda Moskva: Rossijskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya. 2003. 88 s.

3. Bogdanov S.V., Orlov V.N. Za fasadom perestrojki v SSSR: vlast', khozyajstvennaya prestupnost', obshhestvo // Sovremennoe pravo. 2012. № 2 S. 148–151.

4. Bor'ba s korruptsiej v SSSR: delo direktora gastronoma "Eliseevskij". // Pravo.ru: [cajt]. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://pravo.ru/process/view/25722 (data obrashheniya: 29.09.2016).

5. Vzyatki pri Staline. // Voprosik. [cajt]. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://voprosik.net/vzyatki-pri-staline (data obrashheniya: 29.09.2016).

6. Volzhenkin B.V. Kvalifikatsiya vzyatochnichestva. L., 1984. S. 35–39.

7. Volzhenkin B.V., Kvashis V.E., TSagikyan S.SH. Otvetstvennost' za vzyatochnichestvo. Erevan "Ajastan", 1988. 199 r.

8. Volzhenkin B. Poluchenie vzyatki ili zloupotreblenie sluzhebnym polozheniem? // Sotsialisticheskaya zakonnost'. 1989. № 9. S. 23–27.

9. Volzhenkin B.V. Izbrannye trudy po ugolovnomu pravu i kriminologii (1963–2007 gg.). // IKNIGI: [cajt]. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://iknigi.net/avtor-boris-volzhenkin/98399-izbrannye-trudy-boris-volzhenkin/read/page-1.html (data obrashheniya: 27.08.2017).

10. Gromkie dela v SSSR. // Mifov net: [cajt]. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://mifov.net/?p=2176 (data obrashheniya: 29.09.2016).

11. Determinanty vzyatochnichestva. // SuperInf: [cajt]. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3673 (data obrashheniya: 30.09.2016).

12. Druzhinin P. "Vzyatochnikov nado lovit' i rasstrelivat'!" Analiticheskaya zapiska o vzyatochnichestve v SSSR v arkhive Stalina // Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. № 2. S. 230–246.

13. Interv'yu s I.K., 1947 g.rozhd., Vladivostok, 2014. Lichnyj arkhiv avtora.

14. Interv'yu s T.S., 1954 g.rozhd., Vladivostok, 2015. Lichnyj arkhiv avtora.

15. Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoj bezopasnosti rossijskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.). Kn. 1. Dal'nevostochnaya politika: strategii sotsial'no-politicheskoj bezopasnosti i mekhanizmy realizatsii. Vladivostok, 2014. 360 c.

16. Klimov I.P. Istoriko-pravovoj opyt protivodejstviya korruptsii i ego znachenie dlya sovremennoj Rossii // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 2. S. 147-154.

17. Kovalevskaya YU.N., Krushanova L.A. Stanovlenie predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke v 1960 – nachale 1990-kh gg.: ot barakholki k rynku // Rossiya i ATR. 2013. № 4. S. 94–108.

18. Kovalenko S.G. 20 let sovetskikh reform: Byla li modernizatsiya na Dal'nem Vostoke? Vladivostok: Dal'nauka, 2014. 228 s.

19. Kurmanov K. Trikotazhnoe delo. // Obshhestvennyj rejting: [sajt]. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.pr.kg/gazeta/number605/2214 (data obrashheniya: 20.09.2016).

20. Kucheryavyj N.P. Otvetstvennost' za vzyatochnichestvo po sovetskomu ugolovnomu pravu. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoj literatury, 1957. 188 s.

21. Lyamin M.V. Ispol'zovanie kriminalisticheskikh metodov pri rassledovanii vzyatochnichestva v pravookhranitel'nykh organakh: avtoref. dis. kand. yurid. nauk. Saratov, 2003. // Law Theses: [sajt] [EHlektronnyj resurs]. URL: http://lawtheses.com/ispolzovanie-kriminalisticheskih-metodov-pri-rassledovanii-vzyatochnichestva-v-pravoohranitelnyh-organah#ixzz4Q19QontR (data obrashheniya: 11.11.2016).

22. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR "O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve ot 30.03.1990 № 3. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.lawmix.ru/zkrf/58480 (data obrashheniya: 14.10.2016).

23. Prestupnost' i pravonarusheniya (1990–1994). M., 1995.

24. Frolov V.V. Bor'ba sledstvennykh organov sovetskoj prokuratury so vzyatochnichestvom v period "pozdnego stalinizma" (1945–1953 gg.). // Nauchno-

metodicheskij ehlektronnyj zhurnal "Kontsept". 2013. T. 3. S. 3251–3255. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://e-koncept.ru/2013/53656.htm (data obrashheniya: 29.08.2017).

25. KHajntsen Dzh. Korruptsiya i kampanii protiv vzyatochnichestva v period voennogo i poslevoennogo stalinizma, 1943–1953 gg. // Novejshaya istoriya Rossii. 2011. № 1. S. 82-96. // KiberLeninka. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-i-kampanii-protiv-vzyatochnichestva-v-period-voennogo-i-poslevoennogo-stalinizma-1943-1953-gg (data obrashheniya: 14.08.2017).

26. KHaritonova A.N. Ponyatie vzyatochnichestva v istorii otechestvennogo zakonodatel'stva // Gumanitarnye issledovaniya. 2016. № 1. S. 146–149.

27. SHeretov V.V. Protivodejstvie vzyatochnichestvu: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty: dis. kand. yurid. nauk. SPb, 2005. 188 s. // KiberLeninka. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.dslib.net/kriminal-process/protivodejstvie-vzjatochnichestvu-ugolovno-pravovoj-i-kriminologicheskij-aspekty.html#2185931 (data obrashheniya: 24.08.2017).

28. YAroslavtsev A.V. Realizatsiya gosudarstvennoj zhilishhnoj politiki na Dal'nem Vostoke SSSR (vtoraya polovina 1940-kh – pervaya polovina 1960-kh gg.: avtoref. dis. kand. ist. nauk. KHabarovsk, 2011. 27 s.

Крушанова Л.А. Взяточничество на Дальнем Востоке СССР в 1945–1991 гг.

Статья посвящена одному из деструктивных явлений – взяточничеству. Автор предприняла попытку выявить специфику взяточничества в историческом контексте. На материалах Дальнего Востока описываются виды взяток в разные годы послевоенного периода. На основе архивных данных МВД РФ и личных интервью проанализирована статистика и трансформация данного вида преступлений. Автор приходит к выводу, что взяточничество во второй половине XX в. претерпело существенные изменения: из десятилетия в десятилетие менялись виды взяток, а количество фактов регистрируемого взяточничества увеличивалось. Те же тенденции имели место на Дальнем Востоке. Особенностью регионального взяточничества являлся относился невысокий уровень по сравнению с другими российскими регионами.

Ключевые слова: *Дальний Восток, взяточничество*

Krushanova L.A. Bribery in the Far East of the USSR in 1945–1991.

The article is devoted to one of the destructive phenomena - bribery. The author made an attempt to reveal the specifics of bribery in the historical context. The materials of the Far East describe the types of bribes in different years of the post-war period. On the basis of the archival data of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and personal interviews, statistics and the transformation of this type of crimes were analyzed. The author comes to the conclusion that bribery in the second half of the twentieth century. Has undergone significant changes: from decade to decade, the types of bribes have changed, and the number of facts of recorded bribery has increased. Among the factors that influenced the transformation of bribery, economic conditions and the degradation of moral and ethical standards influenced. The same trends took place in the Far East. But there were also features. These included a low level of bribery in comparison with other Russian regions.

Key words: *Far East, bribery*

Для цитирования: Крушанова Л.А. Взяточничество на Дальнем Востоке СССР в 1945–1991 гг // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 105–115. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/105-115

For citation: Krushanova L.A. Bribery in the Far East of the USSR in 1945–1991 // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 105–115. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/105-115

◆

УДК 332.1

Прищепа Е.В., Кочеткова Е.Н.

Тенденции развития и проблемы предпринимательской деятельности в Республике Хакасия в 2009–2015 гг.

Предпринимательство – это крупный сектор экономики, сфера самореализации и самообеспечения граждан в рамках этой свободной деятельности. Именно применение способностей и экономических инициатив предпринимателя, эффективность управления становится залогом успеха деятельности в этом направлении.

Целью данной статьи является оценка тенденций развития и освещение основных проблем предпринимательской деятельности в республике в период 2009–2015 гг.

Задачи исследования: оценить направления развития и изучить главные проблемы, препятствующие эффективному развитию предпринимательской деятельности, а также предложить возможные варианты деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства на региональном уровне.

В качестве методов исследования были использованы: аналитический метод, метод анализа нормативно-правовой базы с учётом тех тенденций в развитии МСП (малого и среднего предпринимательства), которые наблюдались в законодательстве на федеральном, региональном и уровне местного самоуправления в рассматриваемый период.

Предпринимательская деятельность в Хакасии важный элемент современной рыночной системы хозяйствования, отражающей взаимодействие и развитие экономики и общества, решающей важные экономические и социальные задачи, такие как увеличение налоговой базы, создание новых рабочих мест, наполнение рынка товарами и услугами, формирование среднего класса, мобилизация финансовых средств населения, развитие инновационной сферы, формирование конкурентной среды, организация новых видов деятельности, снижение монополистических тенденций в экономике и использование местных ресурсов.

Предпринимательство в Хакасии существует уже более двадцати лет и накопило значимый опыт своей деятельности. Малое предпринимательство предполагает в известной степени большую долю личной и финансовой самостоятельности и ответственности в достижении поставленных целей. Всё это, в конечном счёте, может вылиться в извлечение максимальной прибыли от подобной деятельности, обратной стороной являются существующие риски, связанные с этой деятельностью.

Роль малого бизнеса в настоящее время возрастает и часто рассматривается экономистами в качестве катализатора устойчивого экономического развития региона, создания активной бизнес-среды и нивелирования ряда социальных проблем в обществе, что важно в период санкционного давления на экономику России, поскольку представляет собой, фактически, антикризисный инструмент.

Для экономики в целом деятельность малых предприятий является важным фактором повышения её гибкости. По уровню развития малого бизнеса специалисты судят о способности страны приспосабливаться к меняющейся экономической обстановке. Экономика страны является совокупностью экономик каждого субъекта Российской Федерации. Чем сильнее экономика

© *Прищепа Е.В., Кочеткова Е.Н., 2018*

ПРИЩЕПА Евгений Валерьевич, к.и.н., старший научный сотрудник сектора экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории *(г. Абакан)*. **E-mail**: pri-evg@mail.ru

КОЧЕТКОВА Елена Николаевна, к.э.н., доцент кафедры менеджмента Института экономики и управления Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова *(г. Абакан)*. **E-mail:** ken.78@mail.ru

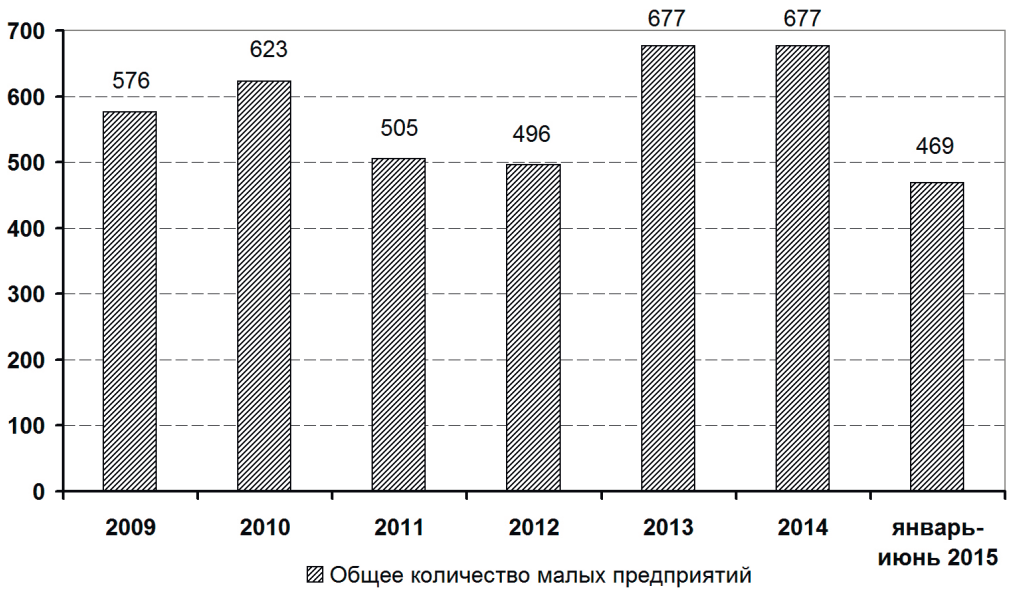

Рис. 1. Динамика малых предприятий в Республике Хакасия
Источник: составлено автором на основе данных Хакасстата

каждого отдельного региона, тем стремительнее развивается экономика страны в целом. Практика показывает, что именно от регионов в первую очередь зависит готовность предпринимателя инвестировать **[10, с. 24]**. Учитывая, что малый бизнес является фундаментом современной экономики, рассмотрим тенденции развития, проблемы и перспективы малого бизнеса на территории Республики Хакасия.

Непростая экономическая ситуация сегодняшнего периода в экономике страны создаёт социально-экономические проблемы для развития малого бизнеса и в России, и Хакасии в частности. Малые и средние предприятия представлены в Хакасии практически во всех отраслях экономики, особое место для субъектов малого предпринимательства занимает сфера услуг (30,2 %), которая приходится на долю предприятий промышленных видов деятельности. В январе – июне 2016 г. оборот розничной торговли малых предприятий составил 2383,8 млн. рублей. Наибольший удельный вес в обороте розничной торговли (93,1 %) приходился на оборот предприятий, занимающихся оптовой и розничной торговлей **[9]**.

Статья 4 ФЗ от 24.07.2007 – № 209-ФЗ "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" к субъектам малого и среднего предпринимательства относит хозяйственные общества, хозяйственные партнёрства, производственные кооперативы, сельскохозяйственные потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели (в ред. Федеральных законов от 29.12.2015 № 408-ФЗ, от 23.06.2016 № 222-ФЗ). Федеральный закон от 27.07.07 № 156-ФЗ установил новые критерии, по которым компании относят к субъектам малого и среднего бизнеса: размер выручки от реализации товаров, работ или услуг не превышает 800 млн. руб., средняя численность работников не более 100 человек и доля сторонних организаций в уставном капитале компании не более 49 процентов – для малых предприятий. Для средних предприятий размер выручки от реализации товаров, работ или услуг не превышает 2 млрд. руб., средняя численность работников не более 250 человек и доля сторонних организаций в уставном капитале компании не более 49 процентов.

Малый бизнес формирует деловую активность населения, не случайно большая часть малых предприятий традиционно сосредотачивается в городских центрах с развитой инфраструктурой, представляющей большие воз-

можности, в том, числе и по внедрению новых технологий и инноваций **[3, с. 230–231]**.

Действительно, сложившаяся экономическая ситуации в настоящее время довольно непроста, и такие факторы, как инфляция, влекущая повышение цен на сырьё и оборудования, а также зарубежные санкции отрицательно сказались на предпринимательской деятельности. Общее количество малых предприятий в Республике Хакасия представлено на *рисунке 1* **[15]**.

В 2015 г. (январь – июнь) наблюдается значительное сокращение общего количества малых предприятий, что можно связать с девальвацией российского рубля по отношению к иностранным валютам, вызванной стремительным снижением цен на энергоресурсы, продажа которых составляет значительную часть в доходах бюджета России, а также введением экономических санкций в отношении России из-за крымского вопроса. Снижение количества малых предприятий до 505 наблюдалось и в 2011 г. В 2012 г. количество малых предприятий было ещё меньше. В течение 2013 г. показатель вырос в 1,34 раза. Начало кризиса в Российской Федерации повлекло за собой снижение средней численности работников малых предприятий в 2014 г., что связано с попытками работодателей оптимизировать свои расходы путём сокращения работников. Однако, несмотря на непростую экономическую ситуацию, мы можем наблюдать рост определённых экономических показателей малых предприятий. Так с 2009 г. по показателю "Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами малых предприятий" не прослеживалось отрицательной динамики, а с 2012 г. показатель начинает неуклонно расти и к 2014 г. превышает результат 2009 г. в 1,6 раз. Таким образом, можно судить о повышении потребления и производительности труда на малых предприятиях Республики Хакасия **[1]**. Положительная динамика наблюдалась по показателям оборота малых предприятий. Сравнивая первое полугодие 2015 г. с показателями 2009 г., можно с уверенностью сказать о том, что оборот малых предприятий вырос в 2 раза за 5,5 лет, что говорит об увеличении реализации работ, услуг, товаров и свидетельствует о росте экономического потенциала региона.

В настоящее время деятельность малого бизнеса осложнила экономическая ситуация, связанная с девальвацией российского рубля по отношению к иностранным валютам, а также введением экономических санкций в отношении России, что повлекло за собой повышение цен на оборудование и сырьё. Наиболее ощутимо данные процессы проявляются на малых предприятиях, где используются импортные материалы, сырье.

Любому предпринимателю приходилось сталкиваться с финансовыми трудностями, наличие финансовых средств во многом определяет возможность начала своего дела, ведь одного желания для этого мало. Недостаток капитала является серьезным препятствием для развития малого предпринимательства. Здесь велика роль существующих государственных и муниципальных программ кредитования, процентных ставок по кредитам, компенсаций и дотаций, выделяемых на предпринимательскую деятельность.

В условиях кризиса оптимизировать работу предприятий и увеличить значения выручки непросто. Улучшить деятельность не только малого, а любого предпринимательства поможет повышение уровня конкурентоспособности организации, которая, в решающей степени определяется качеством имеющегося персонала: его квалификацией, потенциалом, степенью сплоченности, лояльностью к организации и мотивацией к высокопроизводительному труду. Разумеется, качества отдельных руководителей играют немаловажную роль для эффективной деятельности предприятия, однако его стабильность зависит, прежде всего, от качеств "среднего" персонала, которые, в свою очередь, определяются существующей системой управления трудом. Таким образом, в первую очередь, предприятием должна проводиться грамотная кадровая политика, механизм работы сотрудников должен быть отлажен для того, чтобы мобильно реагировать на любое изменение внешней среды предприятия, чутко улавливать изменения потребностей рынка. Кроме того, для оптимизации источников финансирования предприятия предлагается сочетание следующих методов: сокращение финансового цикла при увеличении продолжительности операционного цикла, изменение условий договоров с поставщи-

ками, использование коммерческого кредита, совершенствование механизма погашения долгов, реализация непрофильных активов **[7, с. 116]**.

Немаловажную роль играет региональная финансовая поддержка субъектам малого и среднего предпринимательства, зарегистрированным и действующим на территории Республики Хакасия, в пределах ассигнований, заложенных в бюджете субъекта на финансовый год. На основании проведённого анкетирования представителей малого бизнеса был сделан вывод, что 80% опрошенных нуждаются в различных видах поддержки со стороны государства, 83% – нуждаются в предоставлении налоговых льгот и 57% – в предоставлении льготных кредитов, для реализации инвестиционных проектов **[2, с. 99]**. Опрос, проведенный нами среди жителей Хакасии в 2016 г., показал, что 43% считают недостаточной государственную поддержку малого и среднего предпринимательства. Ни один из числа респондентов, отвечая на этот вопрос, не ответил утвердительно в отношении достаточности мер государственной поддержки малого и среднего бизнеса. О необходимости предоставления помощи начинающим (молодым) предпринимателям заявили 96% респондентов **[13]**.

Опрос показал, что для населения Хакасии весьма значимы проблемы, связанные с недостаточностью поддержки малого бизнеса со стороны государственных органов и необходимостью помощи молодым предпринимателям.

В городе Абакане за 2015 г. Муниципальным фондом развития предпринимательства в рамках реализации муниципальной программы "Содействие развитию малого и среднего предпринимательства в городе Абакане на 2014–2016 годы" было одобрено 35 заявок на гранты на общую сумму почти 11 млн. рублей. Источники финансирования программы – это средства городского (2 млн. руб.), республиканского (1 млн. 168 тыс. руб.) и федерального бюджетов (7 млн. 683 тыс. руб.) **[5, с. 7]**. 9 декабря 2016 г. на заседании Инвестиционного совета Администрации города Абакана были одобрены 22 заявки на получение грантов (субсидий) начинающим предпринимателям на создание и развитие собственного бизнеса. Предприниматели получили денежные средства из городского, республиканского и федерального бюджетов, общая сумма которых составила – более 6 млн. руб. **[11]**.

Поддержка фондом осуществляется безвозмездно по направлениям: предоставление грантов (субсидий) начинающим субъектам малого предпринимательства на развитие собственного бизнеса; субсидирование части процентных ставок по кредитам, в рамках инвестиционных проектов; субсидирование части затрат на уплату лизинговых платежей по договорам финансовой аренды; субсидирование части затрат на технологическое присоединение к электрическим сетям сетевых организаций и субсидирование части затрат на реализацию мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности **[5, с. 7]**.

Меры государственной поддержки очень важны для бизнеса, отмечено, что власть рассматривает малый бизнес как некий возвратный капитал в виде налогов, подсчитано, что каждый с умом вложенный рубль малого бизнеса, через два-три года приносит от 3 до 5 рублей налогов **[3, с. 236]**. Меры государственной поддержки малого бизнеса важны как при создании предприятия, так и для его развития в дальнейшем. Роль государства важна для поддержки отечественного производителя, в том числе и в плане протекционистских мер. В этой связи актуальна проблема, связанная с программой импортозамещения.

Импортозамещение для страны – это шанс реализовать диверсификацию в экономике, которую Правительство России рассматривает в качестве долгосрочной стратегии **[10, с. 11]**. До последнего времени значительная доля малого бизнеса была сосредоточена в сфере торговли, ориентированной на импорт, поэтому важно переориентировать эту сферу на торговлю собственными товарами. Возникли трудности у тех предпринимателей, кто работал с импортным сырьём, подорожавшим из-за роста курса валют, санкций и других внешних и внутренних шоков. Однако отсутствие конкуренции импортных товаров может дать толчок для развития аналогичных отраслей российского предпринимательства.

Говоря об имортозамещении в Республике Хакасия, можно отметить, что Хакасия является одним из регионов, обладающим значительным при-

родно-ресурсным потенциалом, который должен стать поддержкой в импортозамещении как региона, так и страны в целом в условиях санкций **[7, с. 118]**.

Достаточно благоприятный климат и умеренные погодные условия, обширные площади земли, степной ландшафт, т.е. все то, что является неотъемлемой частью развития сельского хозяйства в регионе. Кроме того, развитие и поддержка данной отрасли в нашей республике – "конёк" главы региона. Поэтому местное правительство постоянно наращивает объемы финансирования, а также предоставляет различные льготы субъектам малого бизнеса – крестьянским (фермерским) хозяйствам, занятым в сельском хозяйстве.

В целом, усилия местного правительства в поддержке отрасли сельского хозяйства, в частности сельскохозяйственных потребительских кооперативов и крестьянских (фермерских) хозяйств, направлены на то, чтобы сохранить сельскохозяйственный потенциал региона, не допускать перебоев в поставке продуктов питания, сдерживать цены на потребительском рынке. Дополнительным импульсом к наиболее интенсивному развитию служит значительная финансовая поддержка в рамках антикризисного плана. Не так давно Республике Хакасия выделено более 66,7 млн. руб., обосновывая их необходимость в целях создания стимулов для того, чтобы сельское хозяйство в России развивалось ускоренными темпами, чтобы импортозамещение шло быстро и эффективно **[7, с. 118]**.

В Республике Хакасия распространенной формой деятельности малых предприятий является оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, что составляет 28,3% (133 единицы) от общего количества предприятий. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг занимают второе место по количеству предприятий, что составляет 23,2% (109 единиц). Следующими по количеству единиц можно назвать предприятия, занимающиеся обрабатывающим производством и строительством, процент которых равен 14,1 % (66 единиц) и 12,8% (60 единиц) соответственно. Средняя численность работников малых предприятий (включая внешних совместителей) в январе – июне 2015 г. составила 19,3 тыс. человек, в т.ч. численность совместителей – 654 человека, работников, выполнявших работы по договорам – 775 человек **[14]**.

На государственном уровне, в настоящее время планируется осуществить большую статистическую работу по предпринимательству.

В 2016 г., в виду того, что данные по предпринимательству устарели (наблюдение проводилось в 2010 г.), был обследован, т.е. "переписан" малый бизнес и ИП с целью формирования комплексной детализованной информации по деятельности субъектов в этом секторе экономики. Участие в этом сплошном наблюдении обязательно для всех хозяйствующих субъектов. Все полученные данные будут обезличиваться и использоваться исключительно в обобщенном виде. По словам руководителя Росстата РХ Александра Кевеша, данное мероприятие: "Сплошное наблюдение – это реальное отражение положения дел в секторе малого и среднего предпринимательства" **[6, с. 5]**. Итогом должно стать получение достоверной информации текущего положения дел в данной сфере, что позволит курирующим структурам адресно оказывать государственную помощь в виде субсидий и иных ресурсов; наметить дальнейшие ориентиры своего развития или возможные перспективы и их варианты. Обнародовать окончательные результаты сплошного наблюдения, с подробными данными по всей стране, планируется к июню 2017 г.

Важной современной проблемой является слабое материально-техническое обеспечение предприятий малого бизнеса. Отсутствие и недостаток помещений для ведения бизнеса понуждает выделять предпринимателям порой значительные средства на аренду помещений. Обновление материально-технической базы также требует значительных финансовых средств, нужных для покупки необходимого оборудования.

Эффективность работы малых предприятий во многом зависит от профессионализма кадров. Успех предпринимательской деятельности зависит от многого: от объема имеющихся знаний, желания, уровня профпригодности работников, способности проявлять инициативу, закреплять собственную позицию, эффективного распределения ресурсов, ответственности. Ряд экономистов (М. Качурина, В. Фисунова), исследуя проблему трудовых ресурсов в малом бизнесе, разделяет кадровый потенциал на достигнутую и перспектив-

ную части **[4, с. 57]**. Знания, полученные на практике, и знания, полученные в процессе обучения или переподготовки руководителей малого бизнеса, имеют разное происхождение. Бесспорно, что эффект деятельности будет выше и результативней, чем выше будет изначальный уровень подготовки предпринимателя или наёмного работника. Отмечено, что низкий уровень организационно-экономических и правовых знаний предпринимателей, деловой этики тормозят поступательное развитие малого предпринимательства **[2, с. 99]**.

Серьёзным препятствием для предпринимателей является проблема устранения административных барьеров (регистрация, лицензирование, системы контроля и разрешительной практики, регулирование арендных отношений; ограничение и запрет по оказании услуг электроэнергии, землеустройство и пр.) и нестабильность налогового законодательства. Лоббистами малого и среднего бизнеса в РФ является Торгово-промышленная палата России" (ТПП РФ) – негосударственное объединение предпринимателей, действующее в соответствии с ФЗ "О торгово-промышленных палатах в РФ" от 7 июля 1993 г. В 2013 г. ТПП РФ поднималась проблема чрезмерного повышения страховых взносов. В 2016 г. ТПП РФ выступила с инициативой ужесточения процедуры введения новых налогов для исключения двойного и тройного налогообложения. Данная мера была вызвана в связи с установлением "параллельной" налоговой системы, которая "разрослась до неприличных размеров". По подсчётам сборы в этой системе за 2014 г. превысили 700 млрд. рублей, эта сумма – результат тех платежей, которых нет в Налоговом кодексе. Платежи формируются из сборов за утилизацию отходов, за очистку воды. Региональные власти вводят платежи за свалку. Всего более 50 платежей помимо Налогового кодекса, которые становятся тяжёлым бременем для предприятий. По подсчётам ТПП РФ в 2016 г. сумма платежей может дорасти до 1% ВВП страны **[13]**. В силу сложившейся ситуации малому бизнесу выгодней оставаться, как говорится, "в тени". В случае, если условия для всех сфер малого предпринимательства будут равными и исключающими возможность ухода в серые схемы, особенно для торговли, автосервиса, в целом сферы услуг, то, несомненно, это оздоровит предпринимательский климат и отношения "бизнес – власть".

Значительную роль играет имеющаяся конкуренция рынка услуг и товаров. Проблем здесь много, в том числе и проблема вытеснения местных производителей крупными компаниями с более дешёвой и ликвидной продукцией и стоимостью услуг.

Итак, мы обозначили основные проблемы предпринимательской деятельности в Республике Хакасия. Отличительной особенностью предпринимательской деятельности является её доступность как сферы деятельности для широкого круга людей, которая обусловлена тем, что её функционирование не предполагает крупных финансовых вложений, не требует больших материальных и трудовых ресурсов. Значимыми мероприятиями стали: освобождение с начала 2016 г. малого бизнеса на три года от проведения плановых проверок со стороны органов государственного и муниципального контроля и создание Президентом России рабочей группы по разрешению конфликтных ситуаций между силовыми ведомствами и бизнесом **[10 с. 23]**. С малым бизнесом связываются надежды на расширение доступных и необходимых для людей товаров и услуг, на поддержание занятости населения и росту его благосостояния. Для начала деятельности в сфере предпринимательства не требуется больших производственных мощностей, не обязателен опыт "ноу-хау" в изготовлении продукции, научно-технологические новшества присущие для рынка другого типа фирм также не требуются.

Высока роль малого бизнеса в формировании того социального фундамента, который призван обеспечить стабильное экономическое развитие российского общества. Стабильность здесь напрямую будет зависеть от того, насколько будут преодолены препятствия и решены экономические проблемы, тормозящие данное развитие.

Несомненно, что малый бизнес является существенным фактором для реформирования экономики, а его развитие позволит преодолеть нынешний кризис, достичь стабилизации экономики и создать условия для применения практических инициатив предпринимателей.

Таким образом, осуществление непрерывной работы в области поддержки и преодоления препятствий для малых бизнес-структур региона позволит качественно повысить устойчивость и динамичность их развития в региональном аспекте, что благотворно скажется на экономике Республики Хакасия.

Все отмеченные нами проблемы напрямую связаны с возможными перспективами и направлениями развития предпринимательского бизнеса в современный период времени. Неэффективность действующих программ поддержки малого предпринимательства (как государственных, так и региональных) не способствует качественному развитию малого предпринимательства в регионе. В связи с этим наблюдается несоответствие между предполагаемыми программами поддержки и ожиданиями предпринимательского сообщества. Объёмы финансовой поддержки малого бизнеса невелики и не способствуют в полной мере вовлечению в предпринимательскую деятельность экономически активного населения региона. Развитию малого предпринимательства препятствуют также высокие процентные ставки по программам кредитной поддержки малого бизнеса и отсутствие залогового имущества у бизнеса. Тем самым малый бизнес имеет нераскрытые перспективы своего развития, которые во многом зависят от потенциала предпринимателей, условий и системы мер, которые формируют бизнесообразующие административные структуры в Республике Хакасия.

Все отмеченные нами проблемы не исчерпывают возможные варианты проблемных явлений в сфере предпринимательства Республики Хакасия.

Литература

1. Абакан сегодня [Электронный ресурс]. URL: http: // abakan-news.ru / articles / 54029 / (дата обращения: 19. 10. 2015).

2. Булакина О.Н. Основные проблемы малого и среднего бизнеса // Социально-экономические проблемы развития Саяно-Алтая: прил. к "Вестнику КрасГАУ": сб. науч. тр. Вып. 7. Красноярск, 2012. С. 99–102.

3. Выборова Т.Г. Перспективы развития малого бизнеса Хакасии // Хакасия и Россия: 300 лет вместе. Абакан, 2008. С. 228–241.

4. Дитц Н.Ф. Структурные преобразования экономики и малое предпринимательство: региональный аспект. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2008. 108 с.

5. Карачакова О. Кого из предпринимателей поддержит город в 2016 году// Абакан. 2016. № 1. С. 7.

6. Косова М. Кто и зачем проводит в России "перепись" малого бизнеса // Абакан. 2016. № 1. С. 5.

7. Кочеткова Е.Н. Импортозамещение сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в регионе: состояние, задачи // Новая наука: Современное состояние и пути развития: международное научное периодическое издание по итогам международной научно-практической конференции г. Оренбург-Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2016. С.118–122.

8. Кочеткова Е.Н. Тенденции развития малых предприятий в Республике Хакасия в период кризиса // Новая наука: Теоретический и практический взгляд: международное научное периодическое издание по итогам международной научно-практической конференции г. Нижний Новгород - Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2016. С. 115–118.

9. Малые предприятия // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия (Хакасстат). [Электронный ресурс]. URL: http://hakasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/hakasstat/resources/a985d8804e81de85b3adf30d534aab22/ %D0 %9C %D0 %9F2 %D0 %BA %D0 %B2.htm (дата обращения: 11.01.2017).

10. Медведев Д. А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 5–31.

11. Муниципальный фонд развития предпринимательства г. Абакана URL:http://xn--l1agcp.xn-80aaac0ct.xn-p1ai/ (дата обращения: 11.01.2017).

12. Панина Т. Сборы по сотенной. Интервью с Сергеем Катыриным // Российская газета [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/gazeta/svezh.html (дата обращения: 11.03.2016).

13. Прищепа Е.В. Состояние и перспективы сферы малого и среднего бизнеса Хакасии // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 10. [Электронный ресурс]. URL: http://web.snauka.ru/issues/2016/10/72593 (дата обращения: 11.01.2017).

14. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистике по Республики Хакасия [Электронный ресурс]. URL: http: // hakasstat.gks.ru / (дата обращения: 19.10.2016).
15. Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат) [Электронный ресурс]. URL: http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/statistics/hakStat/ (дата обращения: 11.01.2017).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abakan segodnya [EHlektronnyj resurs]. URL: http: // abakan-news.ru / articles / 54029 / (data obrashheniya: 19. 10. 2015).
2. Bulakina O.N. Osnovnye problemy malogo i srednego biznesa // Sotsial'no-ehkonomicheskie problemy razvitiya Sayano-Altaya: pril. k "Vestniku KrasGAU": sb. nauch. tr. Vyp. 7. Krasnoyarsk, 2012. S. 99–102.
3. Vyborova T.G. Perspektivy razvitiya malogo biznesa KHakasii // KHakasiya i Rossiya: 300 let vmeste. Abakan, 2008. S. 228–241.
4. Ditts N.F. Strukturnye preobrazovaniya ehkonomiki i maloe predprinimatel'stvo: regional'nyj aspekt. Abakan: Izd-vo KHakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, 2008. 108 s.
5. Karachakova O. Kogo iz predprinimatelej podderzhit gorod v 2016 godu//Abakan. 2016. № 1. S. 7.
6. Kosova M. Kto i zachem provodit v Rossii "perepis'" malogo biznesa // Abakan. 2016. № 1. S. 5.
7. Kochetkova E.N. Importozameshhenie sel'skokhozyajstvennoj produktsii, syr'ya i prodovol'stviya v regione: sostoyanie, zadachi // Novaya nauka: Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya: mezhdunarodnoe nauchnoe periodicheskoe izdanie po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii g. Orenburg-Sterlitamak: RITS AMI, 2016. S.118–122.
8. Kochetkova E.N. Tendentsii razvitiya malykh predpriyatij v Respublike KHakasiya v period krizisa // Novaya nauka: Teoreticheskij i prakticheskij vzglyad: mezhdunarodnoe nauchnoe periodicheskoe izdanie po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii g. Nizhnij Novgorod - Sterlitamak: RITS AMI, 2016. C. 115–118.
9. Malye predpriyatiya // Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike KHakasiya (KHakasstat). [EHlektronnyj resurs]. URL: http://hakasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/hakasstat/resources/a985d8804e81de85b3adf30d534aab22/ %D0 %9C %D0 %9F2 %D0 %BA %D0 %B2.htm (data obrashheniya: 11.01.2017).
10. Medvedev D. A. Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Rossii: obretenie novoj dinamiki // Voprosy ehkonomiki. 2016. № 10. S. 5–31.
11. Munitsipal'nyj fond razvitiya predprinimatel'stva g. Abakana URL:http://xn--l1agcp.xn-80aaac0ct.xn-p1ai/ (data obrashheniya: 11.01.2017).
12. Panina T. Sbory po sotennoj. Interv'yu s Sergeem Katyrinym // Rossijskaya gazeta [sajt]. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.rg.ru/gazeta/svezh.html (data obrashheniya: 11.03.2016).
13. Prishhepa E.V. Sostoyanie i perspektivy sfery malogo i srednego biznesa KHakasii // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2016. № 10. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://web.snauka.ru/issues/2016/10/72593 (data obrashheniya: 11.01.2017).
14. Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistike po Respubliki KHakasiya [EHlektronnyj resurs]. URL: http: // hakasstat.gks.ru / (data obrashheniya: 19.10.2016).
15. Upravlenie Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Krasnoyarskomu krayu, Respublike KHakasiya i Respublike Tyva (Krasnoyarskstat) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/statistics/hakStat/ (data obrashheniya: 11.01.2017).

Прищепа Е.В., Кочеткова Е.Н. Тенденции развития и проблемы предпринимательской деятельности в Республике Хакасия в 2009–2015 гг.

Статья посвящена современным проблемам и тенденциям развития предпринимательской деятельности в Республике Хакасия. Новые вызовы времени создают не только проблемы, но и новые направления деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. Авторы приходят к выводу, что малый бизнес региона имеет нераскрытые перспективы своего развития и, в случае преодоления препятствий для его функционирования, может служить фактором нивелирования ряда социальных проблем общества.

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность, субъекты малого и среднего бизнеса, инфляция, импортозамещение, налогообложение*

Prishhepa E.V., Kochetkova E.N. The Russian Far East as a "string of experiments": approaches to study reasons behind successes and failures in development of peripheries.

The article is devoted to modern problems and trends of development of entrepreneurial activity in the Republic of Khakassia. New challenges of time create not only problems but also new business areas of subjects of small and average entrepreneurship. The authors come to the conclusion that small business in the region has untapped prospects of its development and in the case of overcoming of obstacles for its functioning it can serve as a factor in leveling of a range of the society's social problems.

Key words: *entrepreneurial activity, subjects of small and average entrepreneurship, inflation, import substitution, tax assessment*

Для цитирования: Прищепа Е.В., Кочеткова Е.Н. Тенденции развития и проблемы предпринимательской деятельности в Республике Хакасия в 2009–2015 гг // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 116–124. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/116-124

For citation: Prishhepa E.V., Kochetkova E.N. Development trends and problems of entrepreneurial activity in the Republic of Khakassia in 2009–2015 // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 116–124. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/116-124

◆

УДК 94(57) "1950/1980".314.727.2

Гонина Н.В.

Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг.

Со второй половины XX в. миграционные процессы приобрели особую интенсивность во всем мире. В первую очередь, это движение с целью заработка из трудоизбыточных районов в трудонедостаточные, преимущественно в индустриальные центры. Основную выгоду от миграций получили города, так как именно благодаря этим процессам происходил значительный рост городского населения. С другой стороны, большой приток неорганизованного населения породил проблемы в области городской среды, в которой мигранты оказываются чужеродными включениями, и обе системы вынуждены адаптироваться друг к другу в ходе взаимодействия **[38]**.

Ангаро-Енисейский регион в рассматриваемый период стал местом широкомасштабного освоения природных ресурсов, строительства и роста промышленного производства, которое начинается в 1950-е гг. и продолжается с наращиванием объёмов до середины 1980-х гг. Недостаток рабочей силы и квалифицированных специалистов обусловил политическую линию на переброску трудоспособного населения с запада на восток. И хотя перевод по службе и распределение после ВУЗа имели место, но основную массу переселенцев составляли добровольцы. В качестве стимула для них использовались повышенные, по сравнению с европейской частью России, зарплаты, решение жилищного вопроса и улучшенное снабжение.

Однако несмотря на все усилия обеспечить комфортные условия труда и быта в регионе не удалось, что обусловило интенсивную возвратную миграцию с востока на юг и запад.

Проблема миграций изучается специалистами многих направлений. В первую очередь, нужно назвать работы географов и социологов. Первый труд, освещающий вопросы миграции в Красноярском крае принадлежит В.В. Переведенцеву и Ж.А. Зайончковской. В дальнейшем область их исследований охватывает всю страну, а результаты не теряют актуальности и сегодня **[6, 8, 23, 24]**. Широкое развитие миграционных исследований в контексте социологии, географии, демографии происходит в 1970–1980-х гг. В это время издаются труды новосибирских учёных Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова **[17]**, иркутского учёного В. В. Воробьёва **[2, 3]**, посвящённые населению Сибири и, особенно, Восточной её части. Одним из аспектов работ является изучение миграционного движения. В дальнейшем это направление получило развитие в исследованиях специалистов Института Географии СО АН.

Со второй половины 1970-х гг. стали проводиться постоянные социологические обследования, результаты которых обобщались в Социальном паспорте региона. В публикации представлена информация о количестве мигрантов, их происхождении, целях приезда и выезда, удовлетворённости материальным обеспечением и др. Несмотря на инструментальный подход, получены вполне адекватные выводы **[34]**.

В 1980-е гг. выходят работы Л.Л. Рыбаковского, позволяющие отойти от традиционных взглядов на миграцию как поставку трудовых ресурсов **[28, 29]**. Он также составил и первую историографию миграционных исследований в России. Также в это время начинается публикация трудов замечательного социолога Г.Ф. Куцева, который начал свою карьеру в Иркутске, продолжил в Красноярске и затем уехал в Западную Сибирь. Его публикации раскрывают

© *Гонина Н.В., 2018*

ГОНИНА Наталья Владимировна, к.и.н., доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета *(г. Красноярск)*. **E-mail:** nvg7@mail.ru

социальную сторону жизни городов, в том числе включают и характеристику миграционного движения, причины приезда и отъезда. Наиболее популярны среди историков работы, посвящённые молодым городам и Северу **[15, 16]**.

Также привлекают внимание труды коллектива новосибирских авторов под руководством Т. Заславской, раскрывающие проблему упадка деревни в условиях урбанизации **[9]**.

Сегодня интерес к миграциям наблюдается во всех крупных научных центрах. Например, данные процессы активно изучаются в Екатеринбурге, где в последние несколько лет проводились международные конференции высокого теоретического уровня с широким географическим охватом **[**10**]**. Заметим, что если в советский период темой миграций интересовались прежде всего социологи и речь шла преимущественно о внутренних явлениях, то в XXI в. проблематика рассматривается чаще в политологическом ключе, и речь идёт об этнической миграции и процессах глобального характера.

Историки обратились к проблемам миграций в 1980-х гг. Тема рассматривалась преимущественно в контексте общих исследований социальных и демографических процессов. В первую очередь, следует назвать работы А.С. Сенявского **[30, 31]**, которые служат теоретической основой для исторических исследований в области урбанистики. Для нас представляет интерес его тезис о том, что в рассматриваемый период урбанизация переходит от экстенсивной стадии к интенсивной. Миграции сыграли в этом процессе немаловажную роль.

Ценный вклад в историю населения России и, в том числе, миграционных процессов, внёс трёхтомник "Население России в XX в.: Исторические очерки", изданный в 2000-х гг. **[19–21]** Рассматривая динамику демографических изменений по периодам, определённым Всесоюзными переписями населения, коллектив авторов обращается не только к общероссийским, но и к региональным процессам, что позволяет проводить сравнительный анализ ситуации в центре и на периферии. Обобщающие выводы служат надёжной основой для начала специальных исторических исследований.

Не менее интересна коллективная монография "Россия и её регионы в XX в.: территория – расселение – миграции" **[27]**, в которой подробно рассмотрены основные аспекты внутренних и внешних миграционных движений XX в. В том числе и на сибирской территории.

Исследование миграций в Сибири было начато новосибирскими историками. Среди коллективных трудов под эгидой Института Истории СО РАН следует назвать "Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв.", где на длительном историческом периоде рассматривается территориальное движение населения в Сибири и на Дальнем Востоке. Отдельная глава посвящена внешней миграции из Китая **[18]**.

В Екатеринбурге проблемы миграции в общем контексте демографической истории Урала в XX в. исследует Г.Е. Корнилов **[12, 13]**. Широкий спектр трудов от теоретических основ исторического исследования до современных вопросов миграций сельского населения принадлежит О.В. Горбачёву **[4, 5]**.

Красноярские историки также уделили внимание этому вопросу. В частности проблема миграции село-город в 1960–1980-х гг. подробно рассмотрена в монографии и ряде статей Л.Н. Славиной на материалах Восточной Сибири **[32, 33]**. Среди работ, специально посвящённых миграционной ситуации в Красноярском крае, можно назвать статьи В.И. Полиновского и Бегизардова **[1, 26]**. Заслугой первого автора является историографический анализ проблемы относительно территории Красноярского края. Я.Н. Бегизардов рассмотрел взаимосвязь механического и естественного прироста населения.

В Иркутске в 2013 г. была опубликована коллективная монография "Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков" под редакцией В.И. Дятлова **[25]**. Книга посвящена преимущественно изучению этнической миграции. В том же году была защищена кандидатская диссертация Т.А. Урожаевой, исследующая миграционное движение в новые города Иркутской области в 1970–1980-х гг. **[37]** Миграция рассматривается как источник формирования городского населения и важнейший фактор изменения его социально-демографического состава. Главную роль играло внутреннее перемещение село-го-

род. Отмечается, что для региона была характерна высокая социальная, профессиональная и территориальная мобильность. Важным элементом работы являются обширные приложения с собранными в таблицы и диаграммы статистическими данными.

Важную роль в понимании миграционных процессов играют работы историков ДВО РАН. В частности большой интерес представляют труды к.и.н. Л.А. Крушановой. В её монографии, посвящённой миграционной политике, рассматриваются не только реалии Дальнего Востока, но и общегосударственные процессы. В общем контексте уделено внимание и Красноярскому краю **[14]**.

Таким образом, несмотря на то, что тема исследована фрагментарно, по ней существует достаточно обширная историография. Тем не менее, обобщения материала применительно к Ангаро-Енисейскому региону пока никто не осуществил.

Выделим несколько приоритетных позиций, обоснованных Ж.А. Зайончковской, В.И. Переведенцевым, Л.Л. Рыбаковским, А.С. Сенявским, Г.Ф. Куцевым, которые служат основами работы:

1. Индустриализация, миграция и урбанизация – процессы, находящиеся в генетической связи. Они взаимообусловлены и не могут происходить независимо друг от друга.

2. Долговременное сдерживание естественных процессов развития социальными и политическими катаклизмами (революция, войны, репрессии), с одной стороны, с другой стороны – политика ускоренного освоения природных ресурсов и наращивания промышленного потенциала Сибири и Дальнего Востока, когда одновременно возводились тысячи крупных объектов, обусловили не только высокие темпы индустриализации региона, но и потребовали стимулирования миграционного движения для обеспечения трудовых ресурсов. Значительный приток людей потребовал создания социальной инфраструктуры, узлами которой стали города. Это определило стремительный характер урбанизационного перехода.

3. Приток и отток мигрантов это не производственные проблемы, которые требуют административной регуляции, как считали в 1960–1970-х гг., а аспекты миграционного движения как единого живого процесса.

Цель работы – определение характерных черт и специфики миграций в Ангаро-Енисейском регионе во второй половине XX в.

По направлениям движения в нашем регионе не наблюдается никаких отличий от мировых и общероссийских процессов. Во внутренней миграции идёт движение село-город (основной поток), город-город (преимущественно из малых городов – в крупные) и город-село (преимущественно миграция возвратного характера, самый малый поток). Кроме того можно выделить движение на север (за заработком в трудоспособном возрасте) и на юг (на пенсии, с целью улучшения качества жизни).

Табл. 1. Соотношение различных видов миграций в Ангаро-Енисейском регионе на 1970 г.

Регион	Всего	в том числе приехавшие			
		в городскую местность		в сельскую местность	
		из городских поселений	из сельской местности	из городских поселений	из сельской местности
Красноярский край	327,9	122,0	89,9	45,1	70,9
Иркутская область	234,1	106,9	71,6	27,6	27,9
Тувинская АССР	24,5	6,4	7,7	3,2	7,2
Итого	586,5	235,3	169,2	75,9	106

Источник: [2, с. 44–45, 52–53.]

Авторы единодушны в том, что основным ресурсом рабочей силы на стройках и предприятиях стали выходцы из сельской местности, что негативно сказалось на развитии деревни. В Восточной Сибири в 1959–1970 гг. механический прирост обеспечил 53% общего прироста населения. Причём в 1969–1972 гг. в Иркутской области 63%, а в Красноярском крае 50% выходцев из сельской местности направились в города внутри региона **[2, с. 48–50; 36, с. 180–181]**.

По данным переписи 1970 г. в Ангаро-Енисейском регионе миграционные направления выглядели следующим образом *(см. таблицу 1)*:

Согласно *таблице 1*, наибольшее количество мигрантов принимает Красноярский край. Большинство перемещений приходится на позицию город – город, причём если в Красноярском крае это более 30%, то в Иркутской области – 45% , в Тувинской АССР – 40%. Различие объясняется формированием в Красноярском крае моноцентрической агломерации, когда малый город как промежуточный элемент миграции село – крупный город не играет особой роли. Сказывалась и закрытость отдельных городов. В Иркутской области, наоборот полицентрическая агломерация, включающая ряд городов-новостроек, определила активную межгородскую миграцию. Для Тувинской АССР главную роль играли миграции между региональными центрами – Красноярск-Абакан-Кызыл. Строительство Саянского ТПК позднее включит в эту зону Минусинск, Черногорск и Саяногорск.

Позиция село-город составляет в среднем около 30% и не имеет особой территориальной дифференциации. Это отражение процесса переселения из сельской местности в города. Передвижение город-село и село-село включают гораздо меньший объём мигрантов – менее 20%. Красноярский край и здесь оказывается лидером в силу благоприятных условий для сельскохозяйственной деятельности на юге.

Во внешней миграции господствует направление на запад (с целью улучшения качества жизни) и на восток (за заработком в трудоспособном возрасте). Что касается приезда иностранцев, то здесь нужно указать, что самый большой объём приняли интернациональные комсомольские стройки Усть-Илимск и БАМ в 1970-х гг.

По прибытию в Восточной Сибири внутриобластная миграция составляла 45,5%, межобластная 36,9%, межреспубликанская 17,6%. По выбытию внутриобластная составляла 45,0%, межобластная 33,9%, межреспубликанская 21,1%. Из других регионов основной приток давали Дальний Восток, Западная Сибирь и Урал, а также север Европейской части России. Определённый вклад вносили Украина, Белоруссия и Казахстан **[2, с. 45, 52 – 59]**.

Также общим явлением было то, что среди мигрантов преобладали молодые люди от 16 до 30 лет. Причём движение можно разделить и по поколенческому подходу: в молодом возрасте движение на север и восток за приключениями, новыми социальными связями, уникальным жизненным опытом; в зрелом возрасте, в том же направлении с целью решения материальных вопросов; в пожилом возрасте на запад и на юг с целью повышения жизненного комфорта и возвращения в родные места **[15, с. 42–44]**.

Однако материалы позволяют выявить и аспекты региональной специфики.

В первую очередь укажем высокую интенсивность миграции на территории региона, которая была отмечена Зайончковской и Переведенцевым. В

Табл. 2. Соотношение различных видов миграций в Ангаро-Енисейском регионе на 1970 г.

	Из города	Из села	Неизвестно	Всего
Прибыло	93837	71266	26913	192016
Выбыло	104809	40655	15408	160872
МП	-10972	+30611	+11505	+31144

Источник: (ГАКК Ф. Р-1300, Оп. 2, Д. 6276, Л. 1, 1об, 7, 7об, 13, 13об, 19, 19об).

работах 1960-х гг. они пишут, что доля ежегодно обновляющегося населения городов в Красноярском крае примерно в полтора раза больше среднего по РСФСР **[7, с. 83]**. Для 1970-х гг. эту тенденцию применительно ко всей Восточной Сибири зафиксировали В. В. Воробьёв, а также Е. Д. Малинин и А. К. Ушаков. В 1970–1980-х гг. – Г.Ф. Куцев **[2, с. 41–43; 17, с. 77; 15, с. 41–44]**.

В рассматриваемый период на карте региона появились 10 городов-новостроек и несколько десятков посёлков городского типа, а в староосвоенных населённых пунктах, имеющих промышленное значение, приток мигрантов значительно превысил естественный прирост, в итоге население в среднем на 30% состояло из мигрантов.

А.И. Тимошенко, на примере КАТЭКа за 1956–1983 гг. показывает, что наивысший приток мигрантов приходился на период активизации производственного строительства. Механический прирост населения сопровождается и более высоким уровнем рождаемости. Одновременно фиксируется и меньшая смертность, так как приезжают преимущественно молодые здоровые люди. В итоге получается высокий естественный прирост. Так в 1950-х гг. в Бородино и Назарово, а в начале 1980-х гг. в Шарыпово цифры механического и естественного прироста намного превосходили средние региональные и союзные показатели. То же самое фиксируется в указанный период и в Братско-Усть-Илимском комплексе **[36, с. 174–176]**.

Условия труда и быта в регионе были значительно хуже, чем в западных и южных районах страны, поэтому закрепить мигрантов на местах удавалось редко. Так в Иркутской области в 1969–1972 гг. только 14% новосёлов остались на постоянное жительство. Самыми подвижными были мигранты с запада, наименее мобильными – переселенцы из внутренних сельских территорий. Как отмечают исследователи, с 1959 по 1973 гг. миграционный отток поглотил более 11% естественного прироста Восточной Сибири. При этом наибольший отток наблюдался в южные и западные города, а также в Казахстан, Украину и Белоруссию **[17, с. 77; 7, с. 86; 2, с. 57, 68]**.

Можно выделить хронологические этапы миграционного движения, напрямую связанные с промышленным освоением региона:

Середина 1950-х – начало 1960-х гг. Фокус капиталовложений и индустриального роста приходится на Красноярский край и Иркутскую область, где возводятся промышленные комплексы, идёт рост числа городов. Это сразу даёт приток мигрантов и увеличение городского населения. В Иркутской области строятся Братская ГЭС , Иркутский и Братский алюминиевые заводы, Ангарский нефтехимический завод. В Красноярском крае это время – развитие ЗАТО , куда доступ мигрантов был значительно ограничен. Наибольший приток мигрантов был в г. Красноярск и горнопромышленные посёлки **[7, с. 89–90]**. Высокая миграционная активность наблюдалась в Норильске, даже возник вопрос об ограничении приезда в силу невозможности обеспечить всех желающих работой и жильём. Также значительный приток мигрантов наблюдается в южных районах – зоне освоения целинных земель. Несмотря на нехватку жилой площади миграционный отток не так высок, как приток.

Приведём в качестве примера ситуацию на 1960 г., являющуюся хорошей иллюстрацией по показателям для указанного этапа *(см. таблицу 2)*.

Табл. 3. Миграционное движение по 7 молодым городам Иркутской области за 1970–1984 гг. (тыс. чел.)

Год	Прибыло	Выбыло	МП
1970 – 1974 гг.	256,9	195,9	61
1975 – 1979 гг.	276,9	226,7	50,2
1980 – 1984 гг.	216,2	195,5	20,7
Итого	750	618,1	131,9

Источник: рассчитано по: **[37, приложение III]**

Табл. 4. Основные пути формирования трудовых ресурсов новых городов Восточной Сибири (в % к числу опрошенных)

Формы переезда	Города и рабочие посёлки		
	Звёздный, Магистральный	Усть-Илимск	Саяногорск
Приехали самостоятельно и оформились на месте	35,0	35,3	37,0
Переведены с другой стройки	8,6	6,0	12,0
Приехали по комсомольской путёвке	39,3	40,5	30,0
Направлены на работу после окончания учебного заведения	7,4	10,8	13,0
Прибыли по оргнабору	3,8	3,6	2,8
Другие формы	5,9	3,8	5,2

Источник: [15, с. 42–44, 46].

Как видим, обмен город-город имеет наивысшие показатели миграционного обмена 48,8% по прибытию и 65,1% по выбытию и в итоге теряется 26% новосёлов за счёт оттока. Однако мигранты по позиции село-город с успехом восполняют эту брешь и обеспечивают миграционный прирост.

1960-е – начало 1970-х гг. Активное строительство и промышленный рост в Красноярском крае и Иркутской области. Строительство Красноярской ГЭС и алюминиевого завода привлекло много молодёжи. В это время наблюдается максимум роста городского населения за счёт механического притока. Увеличивается население, как в региональных центрах, так и в молодых городах. Вне этих процессов оказываются только территории, находящиеся на периферии экономического развития. Новый этап экономического подъёма на Севере, связанный с освоением месторождений Талнаха. Растёт и миграционный отток.

Исследование Институтом экономики и организации промышленного производства СО АН миграций населения в городах Сибири выявило, что подавляющее большинство выбывающих из них – это неприжившиеся новосёлы. Обследование ряда быстрорастущих городов Красноярского края показало, что две трети выбывших из них людей переселились в эти города не ранее трёх лет до выезда. Миграционная подвижность этой части населения оказалась в три раза выше подвижности тех, кто прожил в этих городах более трёх лет. Самыми подвижными оказываются переселенцы данного года: в ряде случаев до 1/3 всех переселенцев выбывают в течение года. Это объясняется, в первую очередь, худшими условиями жизни новосёлов и отсутствием социальных и экономических связей с территорией **[24, с. 60]**.

В. В. Воробьёв отмечает, что в Восточной Сибири на 1000 жителей приходится 95–100 приезжающих и почти столько же выезжающих. Согласно переписи 1970 г. среди жителей Иркутской области только 12% городского населения и 18% сельского проживает в регионе более 25 лет, свыше 10 лет – 42,2 и 49%, до 3-х лет – 20,7 и 18,2% **[2, с. 41–43]**. В Красноярском крае наблюдается похожая динамика, хотя процент оседлости здесь несколько ниже, что подчёркивает транзитную роль региона. Так, по городским поселениям 22% проживают менее трёх лет, свыше 10 лет – 34,7% и более 25 лет 10,5% **(ГАКК. Ф. Р-1300, оп. 7, Д. 112, Л. 1)**[1].

1970-е – начало 1980-х гг. Время красноярской десятилетки. Миграционный приток из деревни несколько снижается, зато увеличивается движение город – город **[22, с. 103]**. Новый этап освоения Северного морского пути и строительство БАМ притягивает миграционные потоки на Север Красноярского края и в Иркутскую область. По данным Ж. А. Зайончковской только в

[1] ГАКК – Государственный архив Красноярского края

этот период Восточная Сибирь вышла на уровень положительного миграционного прироста **[6, с. 7]**.

Наивысшая концентрация мигрантов в Красноярском крае наблюдается в зоне КАТЭКа, а так же строительства Саяно-Шушенской ГЭС и СаАЗа . В Красноярском крае в 1972 г. в городских поселениях зафиксирован максимальный механический прирост за период – 26,1 тыс. чел., при этом половина приходится на г. Красноярск. Однако его не нужно переоценивать. При высоких цифрах миграционного притока процент оседания был не высок – 12–20%. **(ГАКК. Ф Р-1300. Оп. 12, Д. 385, Л. 7, 8; Оп. 5, Д. 2761. Л. 1, 4, 6; Д. 2772, Л. 1, 1об)**.

В Иркутской области ситуация была похожей. Рассмотрим динамику миграционного движения, там, где показатели достигали максимальных величин – на примере молодых городов *(таблица 3)*.

Таблица наглядно показывает, что, несмотря на небольшие подъёмы и спады, в целом миграционные волны выглядят достаточно стабильно. При этом сальдо миграции снизилось в три раза.

По территориальным особенностям миграции можно указать, что наивысшей привлекательностью характеризуются города в районах нового освоения и промышленного строительства всесоюзного масштаба. На втором месте – региональные центры.

По причинам миграции на первом месте романтические мотивы, однако, в конце периода они уступают рациональному подходу . По вариантам организации миграции интересно отметить, что если в 1950-х гг. преобладали формы государственно организованной миграции (например, оргнабор), то в конце 1970-х гг. значительно увеличивается доля самостоятельного перемещения. Так, Г.Ф. Куцев **[15, с. 42–44, 46]** отмечает для новых поселений Восточной Сибири следующую ситуацию *(таблица 4)*:

Как следует из таблицы, процент прибывших самостоятельно и приехавших по комсомольской путёвке очень близок. Оргнабор же играет совсем небольшую роль. В. В. Воробьёв объясняет ситуацию сознательного отказа от этой формы тем, что люди, приехавшие по оргнабору, часто уезжают, даже не отработав оговорённый срок, в то время как те, кто приехал самостоятельно, оказываются более надёжным кадровым резервом **[2, с. 65]**.

Таблица позволяет заключить, что большее количество опрошенных предпочитают указывать романтические мотивы. Практическую мотивацию указали менее 30%. Причём параметры внешней и внутренней миграции различаются незначительно **(ГАКК. Ф. Р-1300, Оп.7, Д. 113, Л. 15–16)**.

Представляет интерес сравнение причин выезда из региона на длительном промежутке времени *(таблица 6)*.

Табл. 5. Основные мотивы переселения мигрантов в новые города Восточной Сибири (в% к числу опрошенных)

Мотивы переезда	Города и рабочие посёлки		
	Звёздный, Магистральный	Усть-Илимск	Саяно-горск
Желание принять участие в большой и важной стройке	61,5	50,8	50,2
Стремление получить другую профес-сию, работу более высокой квалификации	7,1	20,7	21,0
Интерес к новым местам	26,0	28,0	23,6
Материальная заинтересованность	24,2	28,0	18,0
Семейные обстоятельства	10,7	15,0	21,1
Другие обстоятельства	4,9	8,4	11,7

Источник: [15, с. 42–44, 46]

Табл. 6. Основные причины выезда из городов Красноярского края в 1960–1970-е гг. (% к числу опрошенных)

	1960-е	1970-е
неудовлетворённость зарплатой	18,6	9,2
неудовлетворённость условиями и характером труда	14,4	12,1
недостаток жилья	12,1	20,1
недостаток мест в детских учреждениях	4,2	2,2
климат	26,6	12,2
прочее	49,0	52,4

Источник: рассчитано по: **[8, с. 67; 35, с. 21]**

Как следует из таблицы, за 10 лет ситуация изменилась. Например, несколько улучшились условия труда и увеличилось количество мест в детских учреждениях. Снизились претензии по зарплате и климату. Конечно, климат не стал мягче, просто улучшились жилищные условия. При этом потребность в жилье, как видим, резко увеличилась. И это в то время, когда строительство жилых домов вышло на максимальные рубежи. С одной стороны, действительно, приток мигрантов намного превышал наличное количество квартир. Но гораздо важнее то, что повысились требования людей к жилищным условиям. Здесь прямая иллюстрация к тезису "предложение рождает спрос". Если в 1950-е–1960-е гг. мигранты соглашались на любые условия проживания и койко-место в общежитии либо угол в бараке были достаточными, то в 1970-х гг. уже работник ставит вопрос о благоустроенном жилье. Среди городов края чаще всего неудовлетворённость жилищем называли в Дивногорске (26,8%), Норильске (24,8%). Недостаток дошкольных учреждений больше всего испытывали в Красноярске **[34, с. 23–24]**.

Подобные аспекты не являются уникальными, так как такую же ситуацию можно наблюдать в тот же период в Западной Сибири в районах освоения нефти и газа **[35]**. Более того, приток мигрантов в Западную Сибирь, на всем протяжении рассматриваемого времени, был выше, чем в Восточную, более высоким был и процент приживаемости **[17, с. 89–91; 36, с. 171–173]**.

Таким образом, миграционные процессы в Ангаро-Енисейском регионе отражают общесоюзную динамику и общемировые тенденции. Преобладающая миграция село-город и малый город – крупный город является показателем развития индустриального общества. Для региона миграционный приток имел огромное значение не только в качестве поставки трудовых ресурсов, но и как градообразующий фактор. Причём именно маятниковые процессы запад-восток способствовали развитию городской среды, так как это был один из немногих относительно независимых от государства каналов обмена информацией. Для сельской местности миграция село-город носила разоряющий характер, о чем неоднократно уже было сказано специалистами. Интересно, что при большом объёме миграционных потоков сальдо миграций было минимальным, поэтому главным результатом следует признать не увеличение населения, а включение территории региона в урбанизационные процессы.

Литература

1. Бегизардов Я.Н. Миграция и рождаемость городского населения Красноярского края //Актуальные вопросы истории Сибири // [Электронный ресурс]. URL: http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/10.html (дата обращения: 6.05.2017).

2. Воробьёв В.В. Население Восточной Сибири. Новосибирск, 1977. 158 с. Воробьёв В.В. Роль миграции в формировании населения БИ ТПК//Пути повышения эффективности использования трудовых ресурсов Иркутской области. Иркутск, 1979. С. 86–91.

3. Горбачёв О.В. Миграционная статистика второй половины XX – начала XXI вв. как исторический источник // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 2. С. 159–164.
4. Горбачёв О.В. Миграция населения в историческом дискурсе: возможности и ограничения теоретических интерпретаций // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.: сб. науч. ст. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН. Отв. редактор В. В. Алексеев. Екатеринбург: 2015. С. 42–48.
5. Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 3–15.
6. Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. К вопросу о современных миграционных связях населения Красноярского края // География населения Восточной Сибири. М., 1962. 163 с.
7. Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964. 106 с.
8. Заславская Т.И. Миграция сельского населения. М., 1970. 348 с.
9. "Идентичность и миграция в меняющемся мире: методология, опыт эмпирического исследования". Екатеринбург, УРФУ, 2015. [Электронный ресурс].
10. Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982. 192 с.
11. Корнилов Е.Г. Миграции сельского населения Урала в XX веке // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. IX–XX вв. Тамбов: ТУХМ, 2000. С. 48–57.
12. Корнилов Е.Г. Роль миграции в формировании населения Урала в первой половине XX века // Проблемы исторической демографии Сибири. Сб. науч. трудов. Вып. 1. Новосибирск: СО РАН, 2010. С. 164–177.
13. Крушанова Л.А. Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х – 1970 е гг.). Отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 268 с.
14. Куцев Г.Ф. Новые города. М., 1982. 268 с.
15. Куцев Г. Ф. Человек на Севере. М.: Политиздат, 1989. 217 с.
16. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. Новосибирск, 1976. 168 с.
17. Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв.: Новосибирск, 2011. 392 с.
18. Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3-х т. / Т. 2. 1940–1959. М., 2001. 416 с.
19. Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3-х т. / Т. 3, кн. 1: 1960–1979. М., 2005. 304 с.
20. Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3-х т. / Т. 3, кн. 2: 1980–1990. М., 2011. 295 с.
21. Переведенцев В.И. Какие мы? Сколько нас? М., 1989. 208 с.
22. Переведенцев В.И. Миграция в ритме времени. М., 2010. 53 с.
23. Переведенцев В.И. Различия в условиях жизни новосёлов и старожилов сибирских городов (на примере Красноярска и Новосибирска)//Проблемы повышения уровня жизни населения Сибири. Новосибирск, 1965.
24. "Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков". Иркутск, 2013. 624 с.
25. Полиновский В.И. Миграция населения Красноярского края в 1960–1980-х гг.: историографический аспект // [Электронный ресурс]. URL: http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/Poljanovski1.rtf. (дата обращения: 5.05.2017).
26. Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М., 2005. 816 с.
27. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987. 200 с.
28. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003 // [Электронный ресурс]. URL: http://rybakovsky.ru/migracia2.html (дата обращения: 5.05.2017).
29. Сенявский А.С. Российский город в 1960–1980-е гг. М., 1995. 263 с.
30. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. 288 с.
31. Славина Л.Н. Миграция и развитие сельского населения Восточной Сибири в 1960-х – начале 1990-х гг. // Вестник КрасГАУ. 2005. № 7. С. 316–323.
32. Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007. 472 с.
33. Социальный паспорт Красноярского края. Красноярск,1977. 166 с.
34. Стась И. Н. Миграция в процессе урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960-е – начало 1990-х гг.) // Вестник ВятГГУ. 2015. № 11 С. 65–73.
35. Тимошенко А.И. Миграционная политика в СССР и формирование кадрового потенциала районов нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.//

Мобилизационная роль советского государства в хозяйственном освоении Сибири (1920–1980-е гг.). Сб. научных трудов. Новосибирск, 2012. С. 180–181.

36. Урожаева Т.А. Миграция и адаптационные процессы в новых городах Иркутской области в 1970–1980-е годы. Дисс… канд. истор. наук. Иркутск, 2013.

37. Philip Rees, Martin Bell, Marek Kupiszewski, Dorota Kupiszewska, Philipp Ueffing, Aude Bernard, Elin Charles-Edwards and John Stillwell. The Impact of Internal Migration on Population Redistribution: an International Comparison // Popul. Space Place (2016) Published online in Wiley Online Library (wileyonlinelibrary.com) DOI: 10.1002/psp.2036.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Begizardov YA.N. Migratsiya i rozhdaemost' gorodskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraya //Aktual'nye voprosy istorii Sibiri // [EHlektronnyj resurs]. URL: http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/10.html (data obrashheniya: 6.05.2017).

2. Vorob'yov V.V. Naselenie Vostochnoj Sibiri. Novosibirsk, 1977. 158 s. Vorob'yov V.V. Rol' migratsii v formirovanii naseleniya BI TPK//Puti povysheniya ehffektivnosti ispol'zovaniya trudovykh resursov Irkutskoj oblasti. Irkutsk, 1979. S. 86–91.

3. Gorbachyov O.V. Migratsionnaya statistika vtoroj poloviny XX – nachala XXI vv. kak istoricheskij istochnik // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2. S. 159–164.

4. Gorbachyov O.V. Migratsiya naseleniya v istoricheskom diskurse: vozmozhnosti i ogranicheniya teoreticheskikh interpretatsij // CHelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII–XX vv.: sb. nauch. st. / FGBUN Institut istorii i arkheologii UrO RAN. Otv. redaktor V. V. Alekseev. Ekaterinburg: 2015. S. 42–48.

5. Zajonchkovskaya ZH.A. Migratsiya naseleniya SSSR i Rossii v XX veke: ehvolyutsiya skvoz' kataklizmy // Problemy prognozirovaniya. 2000. № 4. S. 3–15.

6. Zajonchkovskaya ZH.A., Perevedentsev V.I. K voprosu o sovremennykh migratsionnykh svyazyakh naseleniya Krasnoyarskogo kraya // Geografiya naseleniya Vostochnoj Sibiri. M., 1962. 163 s.

7. Zajonchkovskaya ZH.A., Perevedentsev V.I. Sovremennaya migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraya. Novosibirsk, 1964. 106 s.

8. Zaslavskaya T.I. Migratsiya sel'skogo naseleniya. M., 1970. 348 s.

9. "Identichnost' i migratsiya v menyayushhemsya mire: metodologiya, opyt ehmpiricheskogo issledovaniya". Ekaterinburg, URFU, 2015. [EHlektronnyj resurs].

10. Korel' L.V. Peremeshheniya naseleniya mezhdu gorodom i selom v usloviyakh urbanizatsii. Novosibirsk, 1982. 192 s.

11. Kornilov E.G. Migratsii sel'skogo naseleniya Urala v XX veke // Osobennosti rossijskogo zemledeliya i problemy rasseleniya. IX–XX vv. Tambov: TUKHM, 2000. S. 48–57.

12. Kornilov E.G. Rol' migratsii v formirovanii naseleniya Urala v pervoj polovine XX veka // Problemy istoricheskoj demografii Sibiri. Sb. nauch. trudov. Vyp. 1. Novosibirsk: SO RAN, 2010. S. 164–177.

13. Krushanova L.A. Migratsionnaya politika SSSR na Dal'nem Vostoke (seredina 1940-kh – 1970 e gg.). Otv. red. A.S. Vashhuk. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2014. 268 s.

14. Kutsev G.F. Novye goroda. M., 1982. 268 s.

15. Kutsev G. F. CHelovek na Severe. M.: Politizdat, 1989. 217 s.

16. Malinin E.D., Ushakov A.K. Naselenie Sibiri. Novosibirsk, 1976. 168 s.

17. Migratsii naseleniya Aziatskoj Rossii: konets XIX – nachalo XX vv.: Novosibirsk, 2011. 392 s.

18. Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: V 3-kh t. / T. 2. 1940–1959. M., 2001. 416 c.

19. Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: V 3-kh t. / T. 3, kn. 1: 1960–1979. M., 2005. 304 c.

20. Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: V 3-kh t. / T. 3, kn. 2: 1980–1990. M., 2011. 295 c.

21. Perevedentsev V.I. Kakie my? Skol'ko nas? M., 1989. 208 s.

22. Perevedentsev V.I. Migratsiya v ritme vremeni. M., 2010. 53 s.

23. Perevedentsev V.I. Razlichiya v usloviyakh zhizni novosyolov i starozhilov sibirskikh gorodov (na primere Krasnoyarska i Novosibirska)//Problemy povysheniya urovnya zhizni naseleniya Sibiri. Novosibirsk, 1965.

24. "Pereselencheskoe obshhestvo Aziatskoj Rossii: migratsii, prostranstva, soobshhestva. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov". Irkutsk, 2013. 624 s.

25. Polinovskij V.I. Migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraya v 1960–1980-kh gg.: istoriograficheskij aspekt // [EHlektronnyj resurs]. URL: http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/Poljanovski1.rtf. (data obrashheniya: 5.05.2017).

26. Rossiya i eyo regiony v XX veke: territoriya – rasselenie – migratsii. M., 2005. 816 s.
27. Rybakovskij L.L. Migratsiya naseleniya: prognozy, faktory, politika. M., 1987. 200 s.
28. Rybakovskij L.L. Migratsiya naseleniya (voprosy teorii). M., 2003 // [EHlektronnyj resurs]. URL: http://rybakovsky.ru/migracia2.html (data obrashheniya: 5.05.2017).
29. Senyavskij A.S. Rossijskij gorod v 1960–1980-e gg. M., 1995. 263 s.
30. Senyavskij A.S. Urbanizatsiya Rossii v XX veke: Rol' v istoricheskom protsesse. M., 2003. 288 s.
31. Slavina L.N. Migratsiya i razvitie sel'skogo naseleniya Vostochnoj Sibiri v 1960-kh – nachale 1990-kh gg. // Vestnik KrasGAU. 2005. № 7. S. 316–323.
32. Slavina L.N. Sel'skoe naselenie Vostochnoj Sibiri (1960–1980-e gg.). Krasnoyarsk, 2007. 472 s.
33. Sotsial'nyj pasport Krasnoyarskogo kraya. Krasnoyarsk,1977. 166 s.
34. Stas' I. N. Migratsiya v protsesse urbanizatsii KHanty-Mansijskogo okruga (1960-e – nachalo 1990-kh gg.) // Vestnik VyatGGU. 2015. № 11 S. 65–73.
35. Timoshenko A.I. Migratsionnaya politika v SSSR i formirovanie kadrovogo potentsiala rajonov novogo promyshlennogo osvoeniya Sibiri v 1950–1980-e gg.// Mobilizatsionnaya rol' sovetskogo gosudarstva v khozyajstvennom osvoenii Sibiri (1920–1980-e gg.). Sb. nauchnykh trudov. Novosibirsk, 2012. S. 180–181.
36. Urozhaeva T.A. Migratsiya i adaptatsionnye protsessy v novykh gorodakh Irkutskoj oblasti v 1970–1980-e gody. Diss… kand. istor. nauk. Irkutsk, 2013.
37. Philip Rees, Martin Bell, Marek Kupiszewski, Dorota Kupiszewska, Philipp Ueffing, Aude Bernard, Elin Charles-Edwards and John Stillwell. The Impact of Internal Migration on Population Redistribution: an International Comparison // Popul. Space Place (2016) Published online in Wiley Online Library (wileyonlinelibrary.com) DOI: 10.1002/psp.2036.

Гонина Н.В. Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг.

Миграция – важнейший фактор социальной динамики. Развитие городов невозможно без миграционной активности населения. В Красноярском крае во второй половине XX в. миграционные процессы обусловили стимулирование всех сфер жизнедеятельности, что способствовало не только успешному развитию экономики, но и создало условия для роста городов. В результате индустриальный город становится фокусом миграционных потоков, которые постоянно обновляют его население. Города края были очень привлекательны для сельской молодёжи, которая сформировала значительную группу в городском социуме.

Ключевые слова: *миграция, Ангаро-Енисейский регион, город, население, урбанизация*

Gonina N.V. Characteristic features of migratory processes and their role in an urbanization of the Angaro-Eniseysky region in the second half of the 1950s – the beginning of the 1980s.

Migration is a most important factor of social dynamics. Development of the cities is not possible without migratory activity of the population. Migratory processes in Krasnoyarsk Krai in the second half of the XX century caused stimulation of all spheres of activity that promoted to successful development of economy and created conditions for growth of urban population. The city industrial becomes focus of migration flows which constantly update its population. The cities of edge were very attractive to rural youth which created considerable group in city society.

Key words: *migration, Angaro-Eniseysky region, city, population. urbanization*

Для цитирования: Гонина Н.В. Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 125–135. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/125-135

For citation: Gonina N.V. Characteristic features of migratory processes and their role in an urbanization of the Angaro-Eniseysky region in the second half of the 1950s – the beginning of the 1980s // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 125–135. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/125-135

◆

УДК 81-25:338.48

Кормазина О.П., Рубан Д.А.

Лингвокультурные особенности регионов в контексте развития туризма (на примере Приморского края)

Введение

Развитие внутреннего туризма является для России исключительно актуальной задачей, которая, однако, не имеет простого решения. Большинство исследователей обращает внимание на географические и экономические вопросы, забывая при этом о социокультурном и, в частности, лингвокультурном аспектах туризма. В ряде работ ведущих мировых специалистов показано, что культура и язык являются фундаментальными категориями, без учёта которых невозможно ни трактовать туризм как общественное явление, ни планировать его развитие на конкретной территории **[20; 23; 24]**. Опыт подобного рода исследований также свидетельствует о том, что их результаты открывают новые перспективы как для специалистов в области туризма, так и для языковедов.

Целью настоящей работы является систематизация представлений о лингвокультурных особенностях региона, устанавливаемых в ходе комплексных исследований учёными-языковедами и имеющих отношение к развитию туризма. Авторы при этом основываются как на обобщении и концептуальной проработке ранее опубликованных идей, так и на опыте собственных эмпирических исследований (главным образом, в Приморье, а также на Юге России).

Общетеоретические соображения

Значимое место в отечественной лингвистике занимает пространственный аспект существования языка, предполагающий две теоретические возможности: 1) литературный язык един, противопоставлены литературные и нелитературные явления, территориальные различия принадлежат к диалектной области и сферам её влияния; 2) литературный язык существует в территориальных вариантах, в определённом взаимодействии с наддиалектными и диалектными формами **[8]**. Второй из названных подходов предопределяет актуальность изучения регионального варьирования национального языка, что привело к возникновению особой отрасли языкознания – региональной лингвистики. В контексте данного направления проводятся исследования, посвящённые языковому портретированию различных российских регионов (например, **[4–7]**).

В сфере туризма лингвокультурные особенности регионов проявляются двояко. Во-первых, это формирование специфического "языка туризма" в его обиходном и профессиональном вариантах. Первый из них используется туристами и населением, высказывающим суждения о туризме, а второй – специалистами (экскурсоводами, работниками агентств и т.п.). Наличие региональных (в широком понимании) вариантов такой лексики показано в работах Н.А. Тюленевой **[15]** и Ф. Чиванги **[19]**, изучавших "языки туризма" в России, США и Танзании и установивших ряд существенных их отличий как друг от друга, так и от национальных языков указанных стран (русского, английского и суахили соответственно). Во-вторых, лингвокультурные особенности региона следует рассматривать в качестве ресурса и фактора развития туризма. Соответствующая их трактовка предлагается ниже. Отметим, что под ресурсом понимается совокупность материальных или нематериальных

© *Кормазина О.П., Рубан Д.А., 2018*

КОРМАЗИНА Ольга Петровна, к.филол.н., ассистент кафедры русского языка как иностранного ДВФУ *(г. Владивосток)*. **E-mail:** kormazina.op@dvfu.ru

РУБАН Дмитрий Александрович, Ph. D., к.геолого-минералог.н., доцент Высшей школы бизнеса Южного федерального университета *(г. Ростов-на-Дону)*. **E-mail:** ruban-d@mail.ru

объектов и свойств географического пространства, которые представляют (реально или потенциально) интерес для туристов, а под фактором – тенденции, силы и условия, влияющие на развитие соответствующей индустрии.

Традиционно региональная лингвистика обращает внимание на топонимику, малые письменные жанры и устную речь. Они могут выступать в качестве ресурса, привлекая туристов, для которых культурная (в данном случае лингвокультурная) аутентичность не только интересна сама по себе **[18; 21]**, но и входит в число критериев для эстетических суждений о дестинациях **[22]**. Необычные географические названия, фольклор и само своеобразие речи вполне привлекательны для туристов. В частности, лингвокультурные особенности повышают удовлетворённость туристов от посещения дестинации. Например, посетитель станицы Старочеркасская в Ростовской области – одного из самых известных центров казачьей культуры – будет в большей степени удовлетворён, если в дополнение к осмотру историко-культурных памятников услышит подлинный казачий говор или хотя бы отдельные характерные слова.

Лингвокультуртные особенности выступают и в качестве фактора развития туризма. Прежде всего, или сами способствуют формированию туристического образа территории (в современной научной терминологии туристический образ отличается от туристского образа **[14]**), или могут использоваться при его целенаправленном создании и продвижении. Объяснение того, как решению подобного рода задачи может способствовать местная художественная литература, даётся в работе А.В. Фирсовой **[16]**. Языковые особенности также влияют на восприятие местной социокультурной среды туристами (как напрямую, так и дистанционно при обращении к электронным ресурсам) **[23; 24]**.

В качестве фактора лингвокультурные особенности региона также могут оказать в той или иной степени негативное влияние на сферу туризма. Речь идёт, во-первых, о бытовых трудностях. Например, на Юге России для обозначения тыквы и баклажана местное население использует слова *кабак* и *синенькие*; иногда можно встретить слово *мятка* (картофельное пюре). Употребляются они массово и не являются следствием недостаточной образованности отдельных людей. При совершении покупки на рынке (обычно называется *базар*) или в магазине, у туристов могут возникнуть затруднения. Это тем более важно, когда в регионе используются нестандартные обозначения видов транспорта: соответствующие слова далеко не всегда могут быть корректно расшифрованы приезжими из других регионов. Ещё большие трудности будут испытывать туристы из других стран, владеющие русским языком в объёме, недостаточном для полного понимания речи местных жителей. Проблемы могут быть и иного рода. Широкое использование неофициальных названий и некорректных географических определений может привести к искажению ценной для туристов информации. На примере Лагонакского нагорья в Республике Адыгея показано, как общепринятое его наименование *плато Лаго-Наки* дезориентирует туристов и даже влияет на их удовлетворённость от посещения этой дестинации. В данном случае проблема состоит в том, что нагорье по определению требует лучшей физической подготовки для пеших походов, чем плато **[11]**.

Туризм выполняет важную функцию, а именно сохранение регионального лингвокультурного своеобразия. Происходит это в том случае, если последнее целенаправленно используется в качестве ресурса, а также учитывается при создании туристических образов территории. Если функция сохранения реализуется в полном объёме, то можно ожидать быстрого перехода лингвокультурного своеобразия региона в категорию нематериального культурного наследия. Однако активный межкультурный обмен, происходящий при контактах приезжих с местным населением, активизации выездного туризма, встраивании региональной индустрии туризма и гостеприимства в национальную и общемировую, вовлечении региона в процессы глобализации при социально-экономическом росте, инициированным развитием этой индустрии, способствует одновременно и "размыванию" или даже исчезновению региональных лингвокультурных особенностей. Это входит в прямое противоречие с вышеотмеченной функцией.

Результаты

Представленные выше концептуальные соображения требуют пояснения и иллюстрации на основе фактического материала. Одним из авторов настоящей работы на протяжении нескольких лет активно ведутся исследования по выявлению лингвокультурных особенностей Приморского края, а именно своеобразия устной речи жителей этого региона **[6; 7]** (соответствующая база данных представлена, в частности, в диссертационной работе О.П. Кормазиной и продолжает непрерывно пополняться). Её уникальность обусловлена рядом факторов: специфическим ландшафтом, близостью к морю, а также соседством с Китаем. Ниже предлагается анализ некоторых результатов этих исследований в контексте туризма.

Одним из значимых факторов, обуславливающих специфику языковой картины мира приморцев, является расположение на территории края горной системы Сихотэ-Алинь. По этой причине в речи активно используется слово *сопка,* которым в Забайкалье и на Дальнем Востоке называют холмистую возвышенность. Данную лексическую единицу можно рассматривать в качестве относительного регионализма (в понимании Ю. А. Резвухиной **[13]**). Употребление слова *сопка* в устной речи является неотъемлемой частью повседневного языкового существования приморцев – как городских, так и сельских жителей: *Они со мной на одной улице живут/ только их дом выше/* ***на сопке****; Это (здание) на Магнитогорской/ там от остановки нужно* ***на сопку*** *подняться; Ну я вышла и* ***сопкой сопкой сопкой****/ дошла* ***по сопке*** *по лесу и вышла как раз к садику; Их дом в конце улицы стоял/* ***на сопочке*** (зд. и далее фрагменты живой речи приводятся с сохранением произносительных особенностей информантов; при передаче звучащего текста использованы условные обозначения, принятые в коллоквиалистике и диалектологии). Эту особенность своего региона дальневосточники нередко отмечают, рассказывая о поездках в европейскую часть России, например*: – Стоим на Невском/ смотрим/ вон Адмиралтейство/ а идти до него полчаса пришлось// Это* ***мы здесь привыкли/ что видно до ближайшей сопки****/ а там всё..../ – Плоско//– Ну да*//.

С точки зрения туризма, использование слова сопка даёт двойственный эффект. С одной стороны, оно малопонятно для приезжих из других регионов. Некоторые туристы вообще не поймут, о чем идёт речь, другие (более "опытные") могут представлять обычный или грязевой вулкан (по аналогии с использованием слова *сопка* на Камчатском и Таманском полуостровах соответственно). При этом корректная трактовка слова принципиально важна, т.к. от неё зависят, во-первых, восприятие ландшафта (в т.ч. ожидание определённой ландшафтной картины), а, во-вторых, готовность туристов к пешим походам по сопкам. С другой стороны, слово *сопка* отражает местную специфику и может активно использоваться при создании и продвижении туристического образа территории, в т.ч. в электронном пространстве.

Как отмечает Е. В. Красильникова, "в актуальном пространстве человек должен различать важные для повседневного общения объекты, для чего официальная дифференциация часто оказывается недостаточной" **[9]**. По этой причине жители Приморского края активно используют неофициальные названия сопок: *Когда едешь в Варваровку/ её видать//* ***Варькина сопка****// (объясняет название) Что-то связано/ со смертью девушки; Каждая сопка у нас/ они/ сопки Сихотэ-Алинь/ но мы называли своими словами/* ***Синий увал****/* ***Сухая сопка****/* ***Бабина сопка****/* ***Федина сопка****/ ауа// А в общем это всё китайское название Сихотэ-Алинь// Сопки Сихотэ-Алинь.* В туризме неофициальные названия создают значительную проблему. Она связана, во-первых, со сложностью ориентации в пространстве региона (это особо актуально в связи с тем, что внутренний для России туризм предполагает, в первую очередь, самостоятельные путешествия), а, во-вторых, со снижением удовлетворённости из-за нечёткого наименования объектов (туристы, как правило, ожидают чего-то конкретного, и любое расхождение мнений может трактоваться ими как недостаточная "подготовленность", своего рода "неустроенность" дестинации в целом). Тем не менее неофициальные названия подчёркивают местный колорит и имеют свою мотивацию (например, они даются вследствие определённых исторических событий), а потому вполне возможно их ограниченное использование при создании туристского продукта.

Ещё одной дальневосточной реалией, занимающей значимое место в языковой картине мира жителей Приморья, является тайга, вследствие чего характерными для языкового существования дальневосточников оказываются такие фрагменты дискурса, как "Диалог в тайге" **[12]** и "Рассказы о тайге". В подобных рассказах, относящихся не только к настоящему, но и к прошлому, тайга обычно представляется как традиционное для приморцев место промысла: *Папа/ папин брат/ дядя Петя/ они охотники были/ тут же была непроходимая тайга/ я уже помню/ изюбрей папа бил; А по тайге/ я же обшныряла/ эту всю тайгу/ одеваешь лапти/ я и Петька/ и пошли в лес/ в тайгу за чем-нибудь! Я и на эту вот/ на кедру лазила/ за орехом; Мой муж за женьшенем ходил/ вот в эту тайгу; Пасека у меня в тайге/ отсюдова сорок километров*. Основным маркёром речи местных жителей, рассказывающих о своих таёжных промыслах, служит особая лексика – названия характерных для данного региона растений: *Много* ***маньчжурского ореха*** *у нас// Потом вот этот/* ***аир*** *растёт вот этот вот/ лечебный корень; Тогда уже начали ребята ходить/* ***за женьшенем****; Там* ***кедры*** *одни/ столетние* ***кедры***. При этом возможны ситуации, когда упомянутое рассказчиком название оказывается неизвестным его собеседнику в силу различных причин (слушающий – представитель более молодого поколения, городской житель или уроженец тех мест, где данное растение не встречается); в этом случае говорящим даётся комментарий незнакомого слова, например: – *А я вот так и не знаю/ что такое ильмак…/ – Ильмак…/ это на валёжине/ на гнилом ильмаке растут грибы/ на дереве// Они растут вот так/ вот/ стоит гнилое дерево/ и они такой шапкой…// Такие жёлтые-жёлтые//*.

Упоминание тайги и её природных богатств, как правило, не требует значительных пояснений. Следует отметить, что слово *taiga* вошло в английский язык и активно используется в т.ч. в профессиональной литературе. В этой связи сказанное выше обозначает важный лингвокультурный ресурс туризма, существующий в Приморье.

Тайга и сопки, являясь неотъемлемыми элементами дальневосточной языковой картины мира, в устной речи жителей данного региона неизменно получают определённую оценочную окраску. Как правило, названные реалии оцениваются приморцами положительно, например: *(обращаясь к гостям из Москвы) Вот/ золотая осень в уссурийской тайге/* ***такую красоту мало где увидишь****; Вот даже и ты сама видишь/ вкруговую сопки/ а мы вроде как в низине//* ***Красивы сопки***. Стоит отметить, что в рассказах представителей старшего поколения нередко обнаруживается противопоставление двух временных планов – прошлого (с положительной оценкой) и настоящего (с оценкой отрицательной); таким образом жители Приморья выражают сожаление по поводу уничтожения уникальной дальневосточной природы. В качестве примера приведём несколько фрагментов подобных рассказов:

♦ *Вот у нас сколько идут/ лесозаготовки/ где тот лес? Сейчас везут/ душа болит// Карандаши! Знаете какая тут была тайга красивая? За Ильмакошку зайдёшь// На Стрелку/ там поднимешься токо во так на/ на подъём/ на сопку/ а там! Пройдёшь немножко/ лес/ кедрач/ вот ничего ни кустика ниуде/ токо эта ёлка/ эта/ иула осыпается вот старая/ токо эта иула и шишки/ шишки как чурки!*

♦ *Этот лесозаготовительный участок/ эти уже пилили/ громадные/ громадные эти кедры/ кедры вот эти вот/ сосны/ громадные столетние/ и грузили на платформы// Это ЛЗУ выпилило/ выпилило де что токомогли/ вот// Вот тянули жилы/ тянули вот эту вот всю нашу тайгу/ зверьё всё наше поубегало/ охот…/ охотиться негде было// Ну сейчас-то уже всё/ вывели/ повыпилили/ всё//*

Такая языковая особенность исключительно важна с точки зрения туризма, т.к. позволяет формировать конкретный и в то же время положительный туристический образ территории в целом и отдельных расположенных в её пределах дестинаций. Сожаления по поводу утраченной природы, безусловно, снижают ценность региона в глазах туристов, но, тем не менее, вводят в туристский дискурс экологические элементы, что важно само по себе.

Близость тайги обуславливает ещё один уникальный признак языкового существования приморцев, а именно – возникновение в их рассказах темы

"Встреча с тигром"; нельзя не отметить, что более характерной данная тема оказывается для рассказов сельских жителей. Например:

Тигры у нас хо-одят// Мы когда приехали сюда с бабушкой/ и уже/ первый снежок выпал/ ну я за ружьишко и побежал/ пробежать// Иду/ след/ встал/ стою/ смотрю/ идёт/ тигрица/ и два тигрёнка следом/ так метров тридцать/ она на меня смотрит/ они за ней прохо-дят/ я стою у меня волос дыбом поднялся/ прошли/ я бегом домой!

Обращает на себя внимание различие в тональности подобных рассказов. Так, можно отметить случаи, когда истории о встрече с тигром (или только о его появлении в населённом пункте) звучат пугающе: *У нас/ зашла тигра вон там/ за лесхозом/ там семья живёт…/ Он вышел/ мужик/ а она вот она лежит возле калитки// И собачонка/ грит…/ Они её три дня не могли с-под веранды вытащить// А тигра прям на крыле…/ прям перед калиткой на тротуаре лежит*. В других ситуациях рассказчики говорят о таких эпизодах спокойно, без страха, восхищаясь красотой животного и подчёркивая, что тигр никогда не нападёт первым, например:

Ещё был случай/ едем с сыном…/ Едем в след тигра/ по следу/ свежему следу// Приехали домой/ сели/ сидим/ смотрим/ он говорит "кто это такой/ вот идёт/ по дороге к нам?" На пасеку зашёл уже! Я говорю/ "так это тигр идёт"// Такой красавец! Я такого не видел// Вот сколько показывают/ нету// Он весь расписной был! Нос обычно у них жёлтый/ а этот ну весь расписной/ ну такой красавец! Этот мужик/ которого я…/ "Давай стрельнем/ я стрельну!" Я говорю/ "я тебе стрельну! Не трогай его!" Потом/ я говорю "ладно/ выстрели вверх"/ выстрелил вверх/ он чуть прыгнул в сторону и пошёл// Такой закон…/ закон такой/ не трогай/ никогда не тронет никакой зверь//

Вне всякого сомнения, тигр является доминирующей составляющей туристического образа Приморья, своего рода брендом. Акцент внимания на этом животном, частое его упоминание в речи местных жителей, сочетание "уважительных" отзывов о нем, забавные и, напротив, страшные рассказы самым положительным образом влияют на развитие туризма. Приезжий из другого региона или из-за рубежа будет слышать именно то, что он желает услышать; это создаст эффект удовлетворения даже в том случае, если он не встретит тигра лично и даже не посетит тайгу. По возвращении из путешествия именно эти рассказы будут многократно транслироваться, что позволит бывшему туристу продемонстрировать собственную значимость в глазах окружающих, что ещё больше повысит качество его впечатлений в плане личной удовлетворённости. Одновременно с этим подобного рода впечатления являются важным источником распространения позитивного образа дестинации. Стоит добавить, что выявление таких тем в устной речи и в других регионах России – важнейшая задача, успешное решение которой обеспечит развитие индустрии туризма и гостеприимства.

Говоря о специфике языковой картины мира жителей Приморского края, нельзя оставить без внимания и такую особенность региона, как близость моря. По этой причине неотъемлемым элементом повседневного языкового существования приморцев становятся диалоги у моря (например, **[3]**), а также рассказы об отдыхе на море. Основными маркёрами подобных фрагментов дискурса служат: 1) официальные топонимы: *Мы в этот раз были в этом…/* ***бухта Витязь****; А куда вы на море собрались?* ***В Ольгу****?* (пос. Ольга, расположенный на берегу одноимённой бухты); Мы отдыхали ***в Славянке*** (пос. Славянка на берегу одноимённой бухты); 2) неофициальные топонимы: *Мы этим летом уже несколько раз ездили* ***на Шамору*** *купаться* (прежнее название бухты Лазурной); *Мы ездили* ***на Тавайзу*** (бухта Муравьиная); 3) оценочные конструкции (как с положительным, так и с отрицательным значением): *Бухта Витязь…/ я тебе говорю/* ***там вообще/ Таиланд****/ море голубое/ прозрачное/ вообще// И песок белый-белый; В том году* ***вода*** *вообще на севере* ***была как парное молоко****;* ***Вода же грязная****/ как тут люди купаются?*

Выше уже говорилось о пользе и вреде неофициальных топонимов, которые вообще весьма характерны для разных регионов России **[1, 2, 17]**. В данном случае отметим, что упоминания об отдыхе на море как фрагменты дискурса должны сыграть большую роль в продвижении Приморья как тури-

стской дестинации. Связано это с особенностями матрицы преференций отечественных туристов: последние отдают предпочтение именно рекреации на морском побережье. В общественном сознании именно возможность отдыха на море выступает важнейшим аттрактором, мотивирующим туристскую активность.

Наконец, уникальность языкового существования жителей Приморья предопределяется и соседством с Китаем. В первую очередь, приграничное положение края проявляется в использовании его жителями так называемой "регионально окрашенной лексики", то есть лексики, использующейся на определённой территории, но не фиксирующейся в словарях в силу того, что она не принадлежит к общерусской **[10]**. Следуя идеям Е. А. Оглезневой **[10]**, к регионально окрашенной считаем возможным отнести: 1) лексику, возникшую из китайского языка, и собственно русские образования от неё: куня – обращение к девушке или молодой женщине китайской национальности на рынке или в сфере услуг; *фанза* – небольшой крестьянский дом в Китае и Корее; *чифанька* – кафе китайской кухни; *чифанить* – есть китайскую еду; *Сунька* – приграничный город Суйфэньхэ; *Хунька, Чунька* – город Хуньчунь; 2) лексику, возникшую в результате словообразования: *китайка* – кафе китайской кухни; *помогайка* – российский турист, помогающий китайским предпринимателям вывозить из страны товар без уплаты пошлины. Например: *В тайге у нас была такая времяночка/* ***фанзочка****; Она* ***в Суньку*** *чуть ли не каждую неделю* ***помогайкой*** *ездит;* ***В Чуньке*** *уже русифицированная еда/ а там ещё такое всё/ китайское; Давайте* ***в китайку*** *сходим/ давно не ходили.* Названная лексика активно используется в особом типе дискурса, характерном для языкового существования дальневосточников – в рассказах о поездках в Китай (например, **[3]**). Регионально окрашенная лексика, с которой турист "сталкивается" при посещении Приморья, может способствовать, во-первых, приобретению последним своеобразного колорита, а, во-вторых, придавать ему международное значение (именно в глазах туристов). И первое, и второе стимулируют туризм, хотя сила действия этих факторов зависит от оценочного восприятия туристами граничащих с конкретным регионом стран. Слово *помогайка* является примером лексической единицы "языка туризма" (в данном случае речь идёт о специфической форме делового туризма).

Отметим ещё одну особенность устной речи жителей Приморья, связанную с его приграничным положением, а именно использование старых (китайских) названий географических объектов в Приморском крае, которые были изменены в 1972 г. после событий на о. Даманском. Всего было переименовано свыше 400 объектов: Иман – г. Дальнереченск, Китай-город – с. Междуречье, Лунза – с. Грибное, Телянза – с. Тихоречное, Манзовка – с. Сибирцево, Себучар – с. Кольцевое, Даубихе – р. Арсеньевка, Лефу – р. Илистая и мн. др. Обычно старые названия используются представителями старшего поколения (*Я* ***в Себучаре*** *жила у сестры/ у Лизы; Жена/ жила в Новокачаловке/ а уже со мной вот переехала сюда/* ***в Иман****; Они жили* ***в Лунзе****/ это щас/ Грибное*), однако знакомы они и многим молодым жителям Приморья (*У нас даже магазин есть "Манзовский хлеб"/ сибирцевский// Это раньше была* ***Манзовка****; Арсеньев раньше назывался Семёновка/ а река* ***Даубихе****/ бабушка говорила*). Использование устаревших топонимов, с одной стороны, делает туристический образ региона более привлекательным, но, с другой, – дезориентирует его посетителей.

Заключение

Предпринятый анализ возможных связей региональных лингвокультурных особенностей с развитием индустрии туризма и гостеприимства позволяет сделать два общих вывода:

1) значение лингвокультурных особенностей регионов для сферы туризма двояко: появление специфической лексики – т.н. "языка туризма", и наличие особых ресурсов и факторов развития туризма;

2) лингвокультурные особенности усиливают привлекательность регионов, дают возможность для оптимизации их туристических образов, однако в некоторых случаях дезориентируют посетителей.

Кроме того, представленная в работе интерпретация изучения устной речи приморцев в контексте туризма обращает внимание на необходимость такого рода исследований и в других регионах России. Это позволит выявить ряд ранее неизвестных или малоизвестных и практически не использовавшихся ресурсов и факторов развития внутреннего туризма.

Литература

1. Ахметова М.В. Неофициальная топонимия Российского Севера (Карелия и Ленинградская область) в электронных источниках // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 54–59.
2. Бутеев Д.В. Отражение в неофициальной топонимике миросозерцаия смоленского этноса // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета. 2014. № 11. С. 52–58.
3. Гунько Ю.А., Лыс О.В., Петрова Т.И., Цесарская А.Е. Живая речь дальневосточников. Владивосток: ДвФУ, 2013. 142 с.
4. 4. Ерофеева Е.В. Произносительные особенности регионолекта (на материале пермского произношения) // Филологические заметки. Вып. 3. Ч. 2. Пермь: Любляна, 2005. С. 135–141.
5. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 2005. 493 с.
6. Кормазина О.П. Жанр воспоминания в живой речи Приморцев: к вопросу о возможности варьирования // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2014. № 11. С. 156–162.
7. Кормазина О.П. Тематика рассказов сельских жителей Приморья (на материале села Верхний Перевал // Язык – пространство. Язык – культура. Язык – сознание. Владивосток: ДвФУ, 2016. С. 284–89.
8. Красильникова Е.В. Язык города как лингвистическая проблема // Живая речь уральского города. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 5–18.
9. Красильникова Е.В. О различительных явлениях в языке жителей разных городов // Функционирование литературного языка в уральском городе. Свердловск, 1990. С. 4–12.
10. Оглезнева Е.А. Дальневосточный регионолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 10. Благовещенск: АмГУ, 2013. С. 27–37.
11. Паникарская Н.И., Стаценко А.А., Рубан Д.А. Туристический образ региона в сетевом пространстве: проблема качества информации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 1. С. 80–92.
12. Петрова Т.И. Диалог в тайге как фрагмент языкового существования дальневосточников // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып 11. Благовещенск: АмГУ, 2014. С. 162–169.
13. Резвухина Ю.А. Колымская региональная лексика 20-х – начала 30-х годов XX века: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2014. 21 с.
14. Смотрова И.А., Рубан Д.А. Туристический образ Республики Адыгея в электронном пространстве и перспективы его оптимизации // Вестник БИСТ. 2015. № 4. С. 68–74.
15. Тюленева Н.А. Сравнительно-сопоставительный анализ метафоррическогол моделирования в русской и англо-американской рекламе туризма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 27. С. 80–82.
16. Фирсова А.В. Роль художественной литературы в моделировании географических образов (на примере Перми) // Географический вестник. 2015. № 4. С. 53–57.
17. Шарипова О.А. Некодифицированная лексика в топонимическом пространстве языка // Вестник МГОУ. Серия "Русская филология". 2012. № 3. С. 83–87.
18. Bruyel-Olmedo A., Juan-Garau M. Minority languages in the linguistic landscape of tourism: the case of Catalan in Mallorca // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2015. Vol. 36. Pp. 598–619.
19. Chiwanga F.E. Understanding the language of tourism: Tanzanian perspective // International Journal of Applied Linguistics. 2014. Vol. 24. Pp. 147–200.
20. Heller M., Pujolar J., Duchene A. Linguistic commodification in tourism // Journal of Sociolinguistics. 2014. Vol. 18. Pp. 539–566.
21. Kelly-Holmes H., Pietikainen S. Language: A Challenging Resource in a Museum of Sami Culture // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. 2016. Vol. 16. Pp. 24–41.

22. Kirillova K., Fu X., Lehto X., Cai L. What makes a destination really beautiful? Dimensions of tourist aesthetic judgment // Tourism Management. 2014. Vol. 42. P. 282–293.
23. Manca E. The analysis of meaning between language and culture in the tourism domain // Languages in Contrast. 2011. V. 11. Pp. 172–192.
24. Yan L., Lee M.Y. Tourist Perceptions of the Multi-Linguistic Landscape in Macau // Journal of China Tourism Research. 2014. Vol. 10. Pp. 432–447.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Akhmetova M.V. Neofitsial'naya toponimiya Rossijskogo Severa (Kareliya i Leningradskaya oblast') v ehlektronnykh istochnikakh // Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2013. № 3. S. 54–59.
2. Buteev D.V. Otrazhenie v neofitsial'noj toponimike mirosozertsaiya smolenskogo ehtnosa // Sotsial'no-psikhologicheskie problemy mental'nosti /mentaliteta. 2014. № 11. S. 52–58.
3. Gun'ko YU.A., Lys O.V., Petrova T.I., TSesarskaya A.E. ZHivaya rech' dal'nevostochnikov. Vladivostok: DvFU, 2013. 142 s.
4. 4. Erofeeva E.V. Proiznositel'nye osobennosti regiolekta (na materiale permskogo proiznosheniya) // Filologicheskie zametki. Vyp. 3. CH. 2. Perm': Lyublyana, 2005. S. 135–141.
5. Kitajgorodskaya M.V., Rozanova N.N. Rech' moskvichej: kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt. M.: Nauchnyj mir, 2005. 493 s.
6. Kormazina O.P. ZHanr vospominaniya v zhivoj rechi Primortsev: k voprosu o vozmozhnosti var'irovaniya // Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskij al'manakh. 2014. № 11. S. 156–162.
7. Kormazina O.P. Tematika rasskazov sel'skikh zhitelej Primor'ya (na materiale sela Verkhnij Pereval // YAzyk – prostranstvo. YAzyk – kul'tura. YAzyk – soznanie. Vladivostok: DvFU, 2016. S. 284–89.
8. Krasil'nikova E.V. YAzyk goroda kak lingvisticheskaya problema // ZHivaya rech' ural'skogo goroda. Sverdlovsk: UrGU, 1988. S. 5–18.
9. Krasil'nikova E.V. O razlichitel'nykh yavleniyakh v yazyke zhitelej raznykh gorodov // Funktsionirovanie literaturnogo yazyka v ural'skom gorode. Sverdlovsk, 1990. S. 4–12.
10. Oglezneva E.A. Dal'nevostochnyj regiolekt russkogo yazyka kak regional'nyj variant russkogo natsional'nogo yazyka // Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskij al'manakh. Vyp. 10. Blagoveshhensk: AmGU, 2013. S. 27–37.
11. Panikarskaya N.I., Statsenko A.A., Ruban D.A. Turisticheskij obraz regiona v setevom prostranstve: problema kachestva informatsii // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2015. № 1. S. 80–92.
12. Petrova T.I. Dialog v tajge kak fragment yazykovogo sushhestvovaniya dal'nevostochnikov // Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskij al'manakh. Vyp 11. Blagoveshhensk: AmGU, 2014. S. 162–169.
13. Rezvukhina YU.A. Kolymskaya regional'naya leksika 20-kh – nachala 30-kh godov XX veka: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2014. 21 s.
14. Smotrova I.A., Ruban D.A. Turisticheskij obraz Respubliki Adygeya v ehlektronnom prostranstve i perspektivy ego optimizatsii // Vestnik BIST. 2015. № 4. S. 68–74.
15. Tyuleneva N.A. Sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz metaforricheskogol modelirovaniya v russkoj i anglo-amerikanskoj reklame turizma // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2007. № 27. S. 80–82.
16. Firsova A.V. Rol' khudozhestvennoj literatury v modelirovanii geograficheskikh obrazov (na primere Permi) // Geograficheskij vestnik. 2015. № 4. S. 53–57.
17. SHaripova O.A. Nekodifitsirovannaya leksika v toponimicheskom prostranstve yazyka // Vestnik MGOU. Seriya "Russkaya filologiya". 2012. № 3. S. 83–87.
18. Bruyel-Olmedo A., Juan-Garau M. Minority languages in the linguistic landscape of tourism: the case of Catalan in Mallorca // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2015. Vol. 36. Pp. 598–619.
19. Chiwanga F.E. Understanding the language of tourism: Tanzanian perspective // International Journal of Applied Linguistics. 2014. Vol. 24. Pp. 147–200.
20. Heller M., Pujolar J., Duchene A. Linguistic commodification in tourism // Journal of Sociolinguistics. 2014. Vol. 18. Pp. 539–566.
21. Kelly-Holmes H., Pietikainen S. Language: A Challenging Resource in a Museum of Sami Culture // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. 2016. Vol. 16. Pp. 24–41.

22. Kirillova K., Fu X., Lehto X., Cai L. What makes a destination really beautiful? Dimensions of tourist aesthetic judgment // Tourism Management. 2014. Vol. 42. P. 282–293.
23. Manca E. The analysis of meaning between language and culture in the tourism domain // Languages in Contrast. 2011. V. 11. Pp. 172–192.
24. Yan L., Lee M.Y. Tourist Perceptions of the Multi-Linguistic Landscape in Macau // Journal of China Tourism Research. 2014. Vol. 10. Pp. 432–447.

Кормазина О.П., Рубан Д.А. Лингвокультурные особенности регионов в контексте развития туризма (на примере Приморского края).

Существует региональная специфика "языка туризма". Лингвокультурные особенности выступают в качестве ресурса и фактора развития туризма на отдельных территориях. В некоторых случаях этот фактор оказывает негативное действие, дезориентируя посетителей. Результаты изучения устной речи жителей Приморского края показывают, что частое возникновение в рассказах местного населения тем, подчёркивающих специфику региона, способствует большей удовлетворённости туристов и облегчает создание и продвижение территориальных образов. Выявлена также лексическая единица, отражающая региональные особенности "языка туризма".

Ключевые слова: *лексическая единица, Приморье, региональная лингвистика, топоним, туризм*

Kormazina O.P., Ruban D.A. Linguocultural aspect of regions in the context of tourism development (by example of the Primorye Region).

The "language of tourism" can be regionally specific. Linguocultural peculiarities are considered as a resource and factor of tourism development on the given territory. In some cases, these peculiarities disorient visitors, i.e., the noted factor acts negatively. The results of the study of the oral speaking in the Primorye Region show that the often appearance of the topics stressing the regional peculiarities in narratives of the local people increases satisfaction of tourists and simplifies creation and promotion of territorial image. A lexical unit that reflects the regional peculiarities of the "tourism language" is also found.

Key words: *lexical unit, Primorye, regional linguistics, toponym, tourism*

Для цитирования: Кормазина О.П., Рубан Д.А. Лингвокультурные особенности регионов в контексте развития туризма (на примере Приморского края) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 136–144. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/136-144

For citation: Kormazina O.P., Ruban D.A. Linguocultural aspect of regions in the context of tourism development (by example of the Primorye Region // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 136–144. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/136-144

◆

УДК 327.8

Рустамова Л.Р.

Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила"

"Мягкая сила" как теоретическая конструкция

"Мягкая сила" как политический термин впервые появилась в 1990 г. в опубликованной американским политологом Джозефом Наём книге под названием "Призвание к лидерству: меняющаяся природа Американской мощи" **[12]**. С публикацией в последующем целого ряда монографий, статей и интервью как самим теоретиком Дж. Наём, так и его критиками "мягкая сила" превратилась в настоящую концепцию, которую можно было использовать в качестве теоретической конструкции при анализе текущих мировых политических процессов. Тот факт, что "мягкая сила" основана на таких привлекательных понятиях, как гуманизм, демократия, содействие культурному сближению, взаимовыгодное сотрудничество, обусловил рост её популярности и востребованности в качестве инструмента практической политики у многих государств самого разного статуса. Часть из них включила положение о необходимости опоры на инструменты "мягкой силы" при реализации внешнеполитического курса в ключевые государственные документы, регулирующие сферу внешней политики. Однако мотивы опоры на эту концепцию у всех государств разные, её понимание разнится от страны к стране. Если в США "мягкая сила" коррелируется с такими понятиями, как "свобода", "демократия", "цивилизация" **[7]**, в России то, как она понимается, хорошо иллюстрирует статья президента В.В. Путина, где "мягкая сила" соотносится с такими факторами, как "информационные и иные рычаги воздействия", "манипулирование общественным сознанием", "прямое вмешательство во внутреннюю политику" **[6]**. Очевидно, что противоречия в трактовках понятия "мягкая сила" связаны не только с национальными особенностями стран или политическими взглядами отдельных представителей высшего руководства, но и со слишком расплывчатым определением самой концепции, слабостью научного аппарата, который был использован при её обосновании, а также, как выразился один из критиков Дж. Ная, А. Вивинг, тем, что в ней отсутствует теоретический базис и смешиваются понятия власти и ресурсов власти **[19]**. Тем не менее, несмотря на большое количество критических работ, отметивших недостатки как самой концепции, так и той научной базы, которая была под неё проведена, интерес к её изучению не снижается. В России и за рубежом выпущены десятки монографий по "мягкой силе" как теоретической конструкции и практике её применения отдельными государствами. При этом до сих пор нет однозначного понимания того, что значит "мягкая сила" и как она работает. Настоящее исследование является ещё одной попыткой внести ясность, во-первых, в понимание того, что относится к "мягкой силе", во-вторых, определить механизм её действия, в-третьих, установить пределы её использования.

© *Рустамова Л.Р., 2018*

РУСТАМОВА Лейли Рустамовна, к.полит.н., научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН РФ; эксперт отдела докторантуры и аспирантуры Московского государственного института (университет) международных отношений *(г. Москва)*. **E-mail:** leili-rustamova@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках проекта "Дисбалансы в мировой политике и международной безопасности" Программы фундаментальных исследований Отделения глобальных проблем и международных отношений Российской академии наук (ОГПМО РАН) "Дисбалансы современного миропорядка и Россия".

Механизм действия "мягкой силы" по Дж. Наю

С 1990 г. Джозеф Най выпустил четыре исследования по "мягкой силе"[1]. Во всех работах понятию "мягкой силы" он не даёт чёткую и однозначную формулировку. Сначала была попытка разделить силу строго на "жёсткую" и "мягкую". "Мягкая сила", таким образом, была представлена как способность заставить других хотеть того же, чего хотите и вы через формирование привлекательности **[13, с. 5]**. Привлекательность формировалась через такие ресурсы "мягкой силы", как культура, внешняя политика, идеология, и измерялась методом социологических опросов. Отсюда, методом простого сложения ресурсов "мягкой силы" и их субъективной оценки стали говорить о том, что, например, "мягкая сила" Франции сильнее, чем "мягкая сила" Бразилии. Затем Джозеф Най сделал уточнение, что привлекательность может формироваться не только через вышеуказанные ресурсы, но и через те ресурсы, которые он прежде отнёс к "жёсткой силе": экономику, армию и финансы, а их отнесение к "мягкой" или "жёсткой" силе зависит от контекста их использования **[15]**. Таким образом, например, если экономика страны представляет эффективную модель и образец для других стран, то это "мягкая сила", если же экономика даёт средства, которые используются, для того чтобы покупать мнения и уступки, т.е. подкуп, то это "жёсткая сила". Поскольку "мягкая сила" не способна решить все внешнеполитические задачи, Дж. Най отметил, что наилучшей внешнеполитической стратегией может стать умелое сочетание ресурсов "жёсткой" и "мягкой силы", назвав её "умной силой", однако никакого теоретического обоснования этому сочетанию он не дал.

Методами оценки "мягкой силы" во всех работах по-прежнему остался опрос и экспертная оценка. В конечном итоге, в последнем труде 2011 г. "Будущее власти" "мягкая сила" была определена как способность влиять на других путём средств сотрудничества в формировании программы действий, убеждения и оказания позитивного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов **[14, с. 21]**. То есть "мягкая сила" – это не просто набор ресурсов или каких-то действий, которые вызывают положительные и отрицательные эмоции и чувства в обществе зарубежных стран, "мягкая сила" – это, с одной стороны, тот имидж и образ, который сложился о стране на внешнеполитической арене; с другой стороны, это стратегия по реализации национальных интересов через опору на сотрудничество и морально-этические аспекты мировой политики согласно принципу "не мытьём, так катаньем", только наоборот.

Для того чтобы обосновать эвристическую ценность "мягкой силы" как теоретической конструкции Дж. Най вынужден был как-то описать механизм действия "мягкой силы". В том же труде "Будущее власти" Дж. Най ввёл понятие "поведенческий аспект "мягкой силы", который обозначает превращение ресурсов "мягкой силы" в силу через соответствующее поведение. При выборе определённой стратегии поведения ресурсы превращаются в конкретные позитивные или негативные результаты. Процесс превращения был представлен схемой *(рис. 1)*:

Согласно *рисунку 1* "мягкая сила" становится действенным инструментом реализации политических целей, когда государство выбирает из всего имеющегося в его распоряжении перечня ресурсов в той или иной сфере наиболее выигрышные. Через институты "мягкой силы", взяв на вооружение такую манеру поведения, которая не вызовет отторжения, а будет находить отклик со стороны объекта воздействия, страна начинает поэтапно внедрять в жизнь свою программу действий. Поведенческие характеристики "мягкой силы", по мнению Дж. Ная, должны включать в себя следующие действия: заигрывание, убеждение, привлечение **[14, с. 21]**.

К примеру, западные страны стремятся к распространению западных ценностей через воспитание молодого поколения незападных стран. Для того чтобы достичь этой цели через "мягкую силу", страны западного блока предлагают иностранным студентам получить качественное образование в ведущих зарубежных вузах по программам студенческого обмена на совершенно без-

[1] В 2002 г. вышла книга "Парадокс американского могущества: почему единственная мировая сверхдержава не может действовать в одиночку", в 2004 г. – "Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике", в 2008 г – "Сила управлять" и в 2011 г. – "Будущее власти".

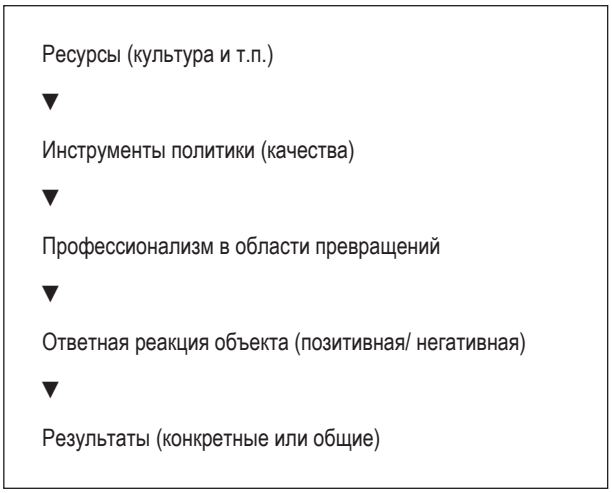

Рис 1. Механизм реализации "мягкой силы".
Источник: [4, с. 177].

возмездной основе или на очень выгодных иных условиях, то есть используют модель привлечения. При этом они предполагают, что в процессе обучения молодые люди оценят по достоинству все преимущества западной модели развития, приобщатся к западной системе ценностей и, вернувшись на родину, станут проводниками этой системы в своём обществе. Однако выбор той или иной программы действий, по-прежнему, в концепции "мягкой силы" остаётся сугубо индивидуальным, нерегламентированным выбором.

Представляется, что если бы такое понятие, как "профессионализм в области превращений", обозначенное на *рисунке 1* в качестве одного из этапов механизма реализации "мягкой силы", получило какое-нибудь аналитическое продолжение в виде определённых критериев, которые институты "мягкой силы" должны соблюдать при реализации государственной стратегии по её наращиванию, то сам механизм получил бы свои очертания.

Такие критерии неосознанно обозначил и сам Дж. Най при попытке разграничить то, что называется пропагандой, и то, что относится к "мягкой силе", однако не увязал их напрямую с механизмом реализации концепции. По его мнению, "мягкая сила" отличается от пропаганды тем, что она следует следующим важнейшим условиям: во-первых, какая бы цель реализации "мягкой силы" ни преследовалась во внешней политике, она должна соответствовать и внутриполитическим установкам. При учёте данного критерия, ответной реакцией реципиента "мягкой силы" должно стать доверие к внешнеполитическим акциям государства, которое на него посредством этой концепции воздействует. К примеру, если государство ставит своей целью защиту прав человека в глобальном масштабе, то такое государство само должно быть образцом по их соблюдению. Только в этом случае меры, которые государство предлагает своим партнёрам в этой сфере, могут найти отклик.

Во-вторых, успешность "мягкой силы" зависит от соответствия её программных установок легитимности. "Жёсткая сила" часто опирается на такие поведенческие аспекты, как давление, принуждение, шантаж, угрозы, которые стоят вне рамок закона и этического поведения. В условиях, когда большинство сфер межгосударственного взаимодействия регулируется нормами международного права и межгосударственными соглашениями, следование своим обязательствам и соглашениям становится важнейшим фактором доверия. Их несоблюдение, как правило, наносит серьёзный репутационный урон, подрывающий привлекательность государства. Таким образом, если проводником "мягкой силы" выступают государственные органы, то их деятельность должна быть строго регламентированной, соответствующей нормам международного права. Участвуя в программах по реализации националь-

ных интересов посредством распространения ценностей своей культуры, они и ни в коем случае не должны создавать условия, при которых возникает подозрение о вмешательстве во внутренние дела. У неправительственных акторов в этом смысле больше возможностей для манёвра, поскольку они в отличие от государственных структур могут взаимодействовать с гражданским обществом других государств, не нарушая при этом принципа государственного суверенитета. По этой причине Дж. Най отмечает, что для обеспечения легитимности политики "мягкой силы" государство должно делегировать большую часть программ по её продвижению гражданским структурам, имеющим большую свободу действий.

Критики концепции Дж. Ная дополнили критерии эффективного механизма её реализации следующим условием: государство должно учитывать национальную специфику объекта воздействия. Именно не учёт специфики ведёт к тому, что цели применения "мягкой силы" ведут иногда к прямо противоположным результатам. Попытка США установить демократические режимы в странах Ближнего Востока привела к тому, что в последние годы в мире наблюдается рост антиамериканизма среди населения большинства арабских государств **[10]**, чья традиционная система ценностей оказалась не готова принять сопутствующий демократической форме западный образ жизни, западный взгляд на текущее развитие мировых политических процессов. В то же время, без открытости "мягкой силе" другого государства невозможно рассчитывать на благоприятное восприятие своего образа, "мягкая сила" должна предполагать обоюдное влияние. Обмен "влиянием" предполагают и любые маркетинговые кампании по продвижению "мягкой силы", к которым относится, например, проведение двухсторонних годов культуры, поскольку сотрудничество стран предполагает взаимовыгодную основу. Кроме того, открытость другой культуре, перенимание её элементов само по себе может служить фактором привлекательности, ибо гражданину другого государства проще адаптироваться в той среде, где есть первичное понимание его взглядов и культурных традиций, что всегда учитывается в такой сфере, как туризм. С другой стороны, здесь есть риск того, что "мягкая сила" объекта воздействия может оказаться сильнее, и в этом случае государство рискует получить прямо противоположный эффект первоначальному целеполаганию. Дж. Най не предполагает такой обратной стороны медали "мягкой силы" в своих теоретических разработках, однако практика показывает, что иногда "мягкая сила" вместо того, чтобы способствовать эффективному продвижению внешнеполитического курса, создаёт дополнительные проблемы для политики внутренней. Так, принимая зарубежных студентов или мигрантов на своей территории, государство в некоторой степени идёт на риск в том смысле, что они не обязательно могут быть очарованы местной системой ценностей или образования, вполне возможно, что они могут разочароваться или стать проводниками "мягкой силы" страны своего происхождения. Аккумулировавшись на территории государства-субъекта воздействия политики "мягкой силы", они затем представляют собой политическую силу, с которой государству приходится считаться, в отношении которой приходится прилагать усилия либо по их дальнейшей интеграции в общество, либо по нейтрализации их политической активности. Примером подобного рода политической силы, отказавшейся от принятия системы ценностей государства пребывания в пользу своей культуры, могут считаться мигранты турецкого происхождения на территории европейских стран, которые считаются лидерами в области "мягкой силы": Германии, Австрии, Нидерландов.

Риски, связанные с реализацией "мягкой силы", говорят о том, что "мягкая сила" – это та стратегия, которая требует детальной проработанности. Для того чтобы первоначальные цели её применения соответствовали возможным результатам, необходимо обозначить пределы её использования, а также выделить критерии эффективности. Сам автор концепции избегает попыток артикулирования этих проблемных вопросов в своих теоретических исследованиях.

Критерии эффективности "мягкой силы" и пределы её использования

Вопрос о том, как определить пределы "мягкой силы" и как рассчитать её эффективность в исследованиях концепции, остаётся открытым. В гуманитарных дисциплинах, где остро стоит проблема верификации знаний, очень сложно что-либо рассчитать математическим путём, поскольку политические события происходят быстро и иногда разворачиваются непредсказуемо. Предпринятые рядом институтов попытки рассчитать коэффициент "мягкой силы" стран наталкиваются на критику, а также обвинения в том, что все рейтинги, в конечном счёте, выбирают совершенно разные показатели и их оценки сильно разнятся. Так, в рейтинге "мягкой силы" британского пиар-агентства Portland Китай занял в 2015 г. 30 место, в том же году британский журнал Monocle в своём рейтинге "мягкой силы" поставил его уже на 19 место **[17, 18]**. Тем не менее, можно выделить ряд критериев, которые учитываются во многих рейтингах и могут ответить на вопрос, является ли "мягкая сила" страны эффективной. Поскольку межстрановое взаимодействие происходит, главным образом, на трёх уровнях: между гражданами, группами граждан и правительствами, то критерии эффективности "мягкой силы" и должны учитывать привлекательность страны на каждом из этих уровней.

Личное общение значит много, поскольку позволяет преодолеть стереотипы, однако, несмотря на то, что в эпоху глобализации и технологического прогресса достичь любой точки планеты за максимально короткие сроки не представляет больших трудностей, наладить личное общение большого количества масс людей невозможно. Такие инструменты "мягкой силы", как, например, стипендиальные программы нацелены на узкую группу, и их востребованность может свидетельствовать об эффективности одной сферы: образования. Критерием, который является показателем привлекательности страны и готовности к личному общению с гражданами другого государства, служит туристический поток. Интерес к той или иной стране может быть обусловлен самыми разными причинами, но это не изменит тот факт, что состоится погружение в другую культурную среду, вольный и невольный контакт с её представителями. Усилия государства по формированию привлекательности страны у этой группы зарубежного общества могут увенчаться успехом с большей вероятностью, поскольку они более открыты к воздействию на них инструментами "мягкой силы".

Гражданские структуры, задействованные в создании "мягкой силы", включают в себя организации самой разной направленности: от гуманитарных и правозащитных до политических фондов, чьей основной задачей является формирование политической повестки дня. Присутствие гуманитарных организаций оправдано в регионах, нуждающихся в острой гуманитарной помощи; политические фонды в большом количестве представлены в странах с авторитарным режимом и гражданским обществом, находящимся на этапе своего становления. Структуры, которые оказывают существенное влияние на наращивание или потерю "мягкой силы" иного государства среди всех групп граждан, в государствах с самой разной формой правления, – зарубежные СМИ. Участие отечественных СМИ в наращивании "мягкой силы" бесспорно, но за рубежом они представлены в ограниченном количестве, на мировом медийном рынке доминируют западные компании, и именно они занимаются освещением мировых событий, они и определяют восприятие зарубежными гражданами образа другого государства. Тон зарубежных СМИ по отношению к политике страны, освещение событий, происходящих в ней, в том или ином ключе, могут дать оценку тому, как государство воспринимается на мировой арене и, соответственно, как оно будет восприниматься зарубежными гражданами.

Отношения между политическими элитами стран существенным образом влияют на позитивное или негативное восприятие политического курса другого государства. Не секрет, что наилучшим образом отношения складываются обычно между соседями, и, как правило, граждане соседнего государства воспринимают политику соседней страны лучше, чем того, что находится на другом континенте. Известный песенный конкурс "Евровидение" ежегодно демонстрирует одну и ту же динамику: какими бы ни были выступления участников других стран, соседи голосуют за соседей. Однако это справедливо лишь

в том случае, когда соседние государства проводят политику поддерживания хороших отношений друг с другом. В случае, когда в отношениях политических элит появляются противоречия, негативное отношение культивируется, в первую очередь, у своего населения посредством проведения соответствующей кампании в СМИ. Так, после того, как отношения между Россией и Турцией похолодели вследствие сбитого турецкими военными российского самолёта Су-24, и среди российских граждан, и среди турецкого народа прошли демонстративные акции взаимной ненависти. Впрочем, они быстро сошли на нет, и ухудшения российско-турецких отношений на межнациональном уровне не произошло, поскольку турецкое правительство быстро "сделал работу над ошибками". Было возобновлены туристические потоки россиян в Турцию, возобновлены контакты высшего руководства.

Считается, что "мягкая сила" – универсальный инструмент по улучшению имиджа, который удобен, в первую очередь, для стран, у которых, в отличие от крупных держав, нет возможности вести затратную внешнюю политику, подкреплённую такими ресурсами "жёсткой силы", как армия, финансово-экономические рычаги давления. Критериями эффективности "мягкой силы" таких государств с нейтральным статусом, как Швейцария, Австрия, выступают готовность предоставить посреднические услуги, склонность к совместной кооперации в решении международных проблем. Сам Джозеф Най и часть его последователей приводят в этом случае пример Ватикана **[9]**. Действительно, Ватикану не нужны ни танки, ни пушки, для того чтобы продолжать оставаться влиятельным центром силы, у него есть иное оружие: Ватикан – это центр католической религии и его основное оружие – "Божье слово". Однако за кулисами остаётся факт того, что это государство прилагает огромные усилия по сохранению своего влияния материальными ресурсами "жёсткой силы". Ватикан – одно из самых богатых государств планеты, в числе его владений сотни тысяч объектов недвижимости, культурного наследия и банковская сеть. На протяжении веков исторические факты свидетельствуют о том, что излюбленными приёмами римской католической церкви в достижении политического и финансового могущества были подкуп, шантаж, давление и убийства.

В качестве примеров государств, у которых нет серьёзных ресурсов "жёсткой силы", но есть влиятельная "мягкая сила", можно привести Германию, Японию, Швейцарию. Но и тут нельзя сказать, что она построена на "силе слова", а скорее на финансово-экономических возможностях. Их имидж строится десятками институтов "мягкой силы", на поддержание которых государство на постоянной основе тратит огромное средства. На финансирование деятельности Института Конфуция, немецкой ДААД, французской Edu France, итальянского Общества Данте с их многочисленными представительствами за рубежом запланированы соответствующие части бюджетных ассигнований. Анализ расходов на реализацию программ "мягкой силы" показывает, что как эффективный инструмент по формированию привлекательного имиджа, долгосрочная стратегия по достижению того, что ты хочешь, не прибегая при этом к насилию, она требует серьёзных, колоссальных экономических затрат, эффект от которых неоднозначен.

В последнее время появляются публикации о возможных негативных последствиях применения "мягкой силы", а также ограниченности возможности её применять **[3]**. Сам Дж. Най считает, что главное ограничение в её применении касается недемократических стран, таких, как, например, Китай и Россия **[16]**. Это связано с тем, что Джозеф Най относится к представителям неолиберализма, и все его идеи о "мягкой силе" так или иначе пропитаны идеями этой теории, что справедливо отмечают некоторые исследователи **[11]**. Однако необходимо учитывать, что остальные участники мировой политики вовсе не обязаны придерживаться неолиберальной трактовки мировой политической системы. Для неореалистов, например, "мягкая сила" может стать ещё одним инструментом достижения национальных интересов в условиях, когда в силу периода активной кодификации норм международного права война как средство политической борьбы запрещена, и, соответственно, цели применения "мягкой силы" вовсе не предполагают безобидное формирование привлекательности своего культурного образа. Сам Дж. Най оставил первоначальные попытки представить "мягкую силу" как некий идеальный инструмент, универсальный для всех ситуаций, отметив под конец, что возможно её

применение и ради не самых благих целей, уточнив, что она всё же "оставляет большую свободу выбора в ответ, чем физическая сила" **[4]**.

"Мягкая сила" России

В 2016 г. Россия впервые попала в тридцатку стран – лидеров "мягкой силы" по версии агентства Portland. Признание того, что Россия обладает эффективной "мягкой силой" в условиях, когда конфликт на Украине, в развязывании которого западные страны обвиняют Россию, остаётся неурегулированным, всё чаще звучат голоса, обвиняющие её в затягивании гражданской войны в Сирии, всё активнее критикуется российская политическая верхушка, выглядит парадоксальным.

О важности применения этой концепции во внешней политике российская политическая верхушка объявила уже давно, первые институты "мягкой силы" России за рубежом открылись ещё в 2000-х, при этом в большинстве исследований по российской "мягкой силе" отмечалось, что существуют серьёзные недостатки, к которым относили, прежде всего недостаточное внимание к основным проблемам регионов, куда направлена российская "мягкая сила" **[2]**, экспорт таких негативных образов, как "бандитская Россия", "русская мафия", "агрессивный медведь" для внутреннего и внешнего потребителя **[5]**, непривлекательная экономическая модель развития **[1]**. Практически все исследования были едины во мнении, что образ России за рубежом большей частью негативный ещё и потому, что он формируется не Россией, а забежными СМИ. В настоящий момент количество публикаций в ведущих мировых изданиях, открыто демонизирующих образ России, только растёт, а эффективность "мягкой силы", оказывается, стала выше.

Дело в том, что привлекательной может быть не только сила "мягкая", но и "жёсткая". То факт, что государство во главу угла ставит такие масштабные задачи, как борьба с международным терроризмом, и ценой неимоверных усилий добивается в этом результатов на фоне того, как Европа не может до конца принять чёткое решение, оставить ли границы открытыми для мигрантов, или они должны быть закрытыми, ибо представляют угрозу их политической стабильности, наверняка, вызывает уважение у ряда граждан зарубежных стран. Сильная политическая власть и эффективность в решении серьёзных проблем не могут не быть привлекательными и вызывают симпатии многих. В то же время, открытая пропаганда зарубежных СМИ, "фейковые новости" дискредитируют сами издания.

Российская внешняя политика остаётся независимой. Россия следует своим интересам и защищает их ресурсами "жёсткой силы". В ответ западные страны вводят в её отношении экономические и политические санкции. Прошло уже более двух лет, и политика России не изменилась, что поставило перед Западом вопросы: тот ли путь они избрали, чтобы оказать на неё давление? Задача введения санкций состояла в снижении экономического благосостояния в стране с тем, чтобы граждане России на фоне низкого уровня жизни оказали давление на правительство, и оно затем изменило свой внешнеполитический курс. Однако уровень поддержки российской власти оказался, напротив, беспрецедентно высоким. По результатам опросов Фонда развития гражданского общества в 2018 г. за действующего президента России готовы проголосовать 61–66% населения **[8]**.

Особенность "мягкой силы" России состоит в том, что она направлена "вовнутрь". В качестве цели создания крупнейшего российского института "мягкой силы" "Россотрудничества" была заявлена как раз "поддержка соотечественников за рубежом". В условиях жёсткого давления на Россию со стороны группы европейских стран во главе с США такое направление "мягкой силы" себя оправдало. Отсутствие возможности дестабилизировать внутреннюю обстановку в стране – одно из важнейших достижений российской "мягкой силы" на внутреннем направлении.

Выводы

Все больше государств обращаются к концепции "мягкой силы" при формулировании внешнеполитической стратегии. Однако она не всегда становится действенным инструментом решения политических проблем, улуч-

шения межгосударственных отношений или продвижения национальных интересов. Даже те, государства, которые применяют её наиболее эффективно, сталкиваются с тем, что в её использовании существуют определённые пределы, которые связаны, как с особенностями концепции, так и с тем, что ожидания от её применения превосходят возможные результаты.

Проблема в понимании этой концепции состоит в том, что её принимают как практический политический инструмент, однако "мягкая сила" выглядит больше теоретической конструкцией, которая помогает государству разработать единую стратегию своего политико-идеологического воздействия. Очевидно, что она должна применяться в совокупности с ресурсами "жёсткой силы" и помогать сглаживать возможные негативные последствия тех или иных действий во внешней политике. Только опора на "мягкую силу" оставляет государство уязвимым пред лицом более серьёзных угроз, чем, например, снижение туристического потока. Сами ресурсы "жёсткой силы" не всегда выглядят непривлекательными. В условиях выбора между учётом национальных интересов и мнением "международного сообщества", перед которым оказалась Россия, опора на "жёсткую силу" во внешней политике при одновременном "мягком" воздействии на своих граждан выглядит более оправданно.

Как любая теоретическая конструкция, "мягкая сила" Дж. Ная не лишена критики. Первоначальная трактовка "мягкой силы", предложенная её теоретиком Дж. Наём, оставляет много вопросов. Механизм действия, критерии эффективности, пределы применения "мягкой силы" до сих пор не объяснены на должном уровне. Применимость концепции во внутренней политике также не получила никакого освещения. Очевидно, что к исследованию этих вопросов будут обращаться ещё неоднократно, и "мягкая сила" как теоретическая конструкция будет ещё претерпевать изменения.

Литература

1. Будаев А.В. "Мягкая сила" во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. 2015. № 48. С. 183–205.
2. Лебедева М.М. "Мягкая сила" в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 47–55.
3. Лебедева М.М., Рустамова Л.Р., Шарко М.В. "Мягкая сила": тёмная сторона (пример Германии) // Вестник МГИМО. 2016. № 3 (48). С. 144–153.
4. Най Дж. Будущее власти.; пер. с англ. В.Н. Верченко. Москва: АСТ, 2014.
5. Паршин П.Б. Проблематика "мягкой силы" во внешней политике России: Аналитический доклад. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. Москва, 2013, 40 с.
6. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, [Электронный ресурс]. URL: http://www.mn.ru/politics/78738 (дата обращения: 15.11.2016).
7. Харкевич М.М. "Мягкая сила": политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 22–29.
8. Эксперты сообщили о крайне высоком рейтинге Владимира Путина [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2017/05/04/eksperty-soobshchili-o-krajne-vysokom-rejtinge-vladimira-putina.html (дата обращения: 04.05.2017).
9. Chong Alan. The foreign policy potential of "small state soft power" information strategies. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/turin/Chong-ALAN%20CHONG%202007%20The%20Foreign%20Policy%20Potential%20of%20Small%20State%20Soft%20Power.pdf (дата обращения: 15.12.2016).
10. Corstange Daniel. Anti-American Behavior in the Middle East: Evidence from a Field Experiment in Lebanon, // The Journal of Politics, 2016. Vol. 78, №. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://journalistsresource.org/studies/international/the-roots-of-anti-americanism-in-the-middle-east (дата обращения: 25.12.2016).
11. Kersten J. Soft Power und Militär. Eine Untersuchung zum Afghanistan-Einsatz der Bundeswehr. Universitätsverlag Potsdam, 2013. 107 S.
12. Nye Joseph S. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 167 p.
13. Nye Joseph S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 206 p.
14. Nye Joseph S. The future of power. 2011. 320 p.
15. Nye Joseph S. Think again: soft power // Foreign Policy 2006. February 23. [Электронный ресурс]. URL: https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/ (дата обращения: 25.12.2016).

16. Nye Joseph S. What China and Russia don't get about soft power // Foreign Policy. 2013. 29 April. [Электронный ресурс]. URL: http://www.foreignpolicy.com. (дата обращения: 25.12.2016).
17. Soft power Survey 2015\2016 // Monocle. [Электронный ресурс]. URL: https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2015-16/ (дата обращения: 25.12.2016).
18. The soft power 30 // Portland. [Электронный ресурс]. URL: http://softpower30.portland-communications.com/ranking/#2015 (дата обращения: 25.12.2016).
19. Vuving Alexander L. How soft power works. Toronto, September 3, 2009. 20 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Budaev A.V. "Myagkaya sila" vo vneshnej politike Rossii: istoki, osobennosti, perspektivy // Gosudarstvennoe upravlenie. 2015. № 48. S. 183–205.
2. Lebedeva M.M. "Myagkaya sila" v otnoshenii TSentral'noj Azii: uchastniki i ikh dejstviya // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. № 2. S. 47–55.
3. Lebedeva M.M., Rustamova L.R., SHarko M.V. "Myagkaya sila": tyomnaya storona (primer Germanii) // Vestnik MGIMO. 2016. № 3 (48). S. 144–153.
4. Naj Dzh. Budushhee vlasti.; per. s angl. V.N. Verchenko. Moskva: AST, 2014.
5. Parshin P.B. Problematika "myagkoj sily" vo vneshnej politike Rossii: Analiticheskij doklad. Institut mezhdunarodnykh issledovanij MGIMO (U) MID Rossii. Moskva, 2013, 40 s.
6. Putin V.V. Rossiya i menyayushhijsya mir // Moskovskie novosti, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mn.ru/politics/78738 (data obrashheniya: 15.11.2016).
7. KHarkevich M.M. "Myagkaya sila": politicheskoe ispol'zovanie nauchnoj kontseptsii // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. № 2. S. 22–29.
8. EHksperty soobshhili o krajne vysokom rejtinge Vladimira Putina [EHlektronnyj resurs]. URL: https://rg.ru/2017/05/04/eksperty-soobshchili-o-krajne-vysokom-rejtinge-vladimira-putina.html (data obrashheniya: 04.05.2017).
9. Chong Alan. The foreign policy potential of "small state soft power" information strategies. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/turin/Chong-ALAN%20CHONG%202007%20The%20Foreign%20Policy%20Potential%20of%20Small%20State%20Soft%20Power.pdf (data obrashheniya: 15.12.2016).
10. Corstange Daniel. Anti-American Behavior in the Middle East: Evidence from a Field Experiment in Lebanon, // The Journal of Politics, 2016. Vol. 78, №. 1. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://journalistsresource.org/studies/international/the-roots-of-anti-americanism-in-the-middle-east (data obrashheniya: 25.12.2016).
11. Kersten J. Soft Power und Militär. Eine Untersuchung zum Afghanistan-Einsatz der Bundeswehr. Universitätsverlag Potsdam, 2013. 107 S.
12. Nye Joseph S. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 167 p.
13. Nye Joseph S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 206 p.
14. Nye Joseph S. The future of power. 2011. 320 p.
15. Nye Joseph S. Think again: soft power // Foreign Policy 2006. February 23. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/ (data obrashheniya: 25.12.2016).
16. Nye Joseph S. What China and Russia don't get about soft power // Foreign Policy. 2013. 29 April. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.foreignpolicy.com. (data obrashheniya: 25.12.2016).
17. Soft power Survey 2015\2016 // Monocle. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2015-16/ (data obrashheniya: 25.12.2016).
18. The soft power 30 // Portland. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://softpower30.portland-communications.com/ranking/#2015 (data obrashheniya: 25.12.2016).
19. Vuving Alexander L. How soft power works. Toronto, September 3, 2009. 20 p.

Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила".

"Мягкая сила" становится всё более популярной темой для исследования, однако до сих пор нет единого понимания того, что к ней относится и где пределы её использования. В статье даётся анализ теоретических нововведений основателя концепции – Дж. Ная, которые он описал в одной из последних своих работ, а также предпринимается попытка дать своё определение понятию "мягкая сила" и установить механизм её действия. В статье отмечается, что "мягкая сила" – это и тот имидж, который сложился у государства на международной арене, и стратегия по реализации национальных интересов через опору на сотрудничество и морально-этические аспекты мировой политики. Опираясь на концепцию, можно объяснить многие текущие процессы мировой политики, однако она не является панацеей от многих проблем.

Ключевые слова: *"мягкая сила", "жёсткая сила", поведенческие аспекты "мягкой силы", Дж. Най*

Rustamova L.R. The mechanism of "soft power" implementation and the limits of its use.

"Soft power" is becoming an increasingly popular subject for research, but there is still no common understanding of its meaning and the limits of its use. In this article is given an analysis of recent theoretical innovations made by the founder of the concept – J. Nye, which he gives in one of his last books. Another task of the article is an attempt to give its own definition of the concept of "soft power" and to establish the mechanism of its implementation. It is determined that "soft power" - is the image which a state has gained on the international arena, and the strategy for the implementation of national interests through cooperation and ethical aspects of world politics. The concept can explain many current processes of world politics, but it is not a panacea for many problems.

Key words: *"soft power", "hard power", the power behavior, J. Nye*

Для цитирования: Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 145–154. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/145-154

For citation: Rustamova L.R. The mechanism of "soft power" implementation and the limits of its use // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 145–154. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/145-154

◆

УДК 303.8

Журбей Е.В.

Аналитические центры и внешнеполитический процесс Таиланда: современное состояние и перспективы

В период нахождения у власти брата и сестры Чиннават были задействованы новые механизмы "обогащения" внешнеполитического процесса. Демократические выборы позволили обновиться политической элите. Во власть пришли представители бизнеса, академического сообщества, некоммерческого сектора. Тайские правительства периода "нелиберальной демократии" учитывали тот факт, что любой долговременный внутриполитический или внешнеполитический курс, проводимый властью, не может не иметь социальной опоры и поддержки внутри страны, в том числе и со стороны интеллектуальной элиты, которая концентрируется в университетах или аналитических центрах Таиланда. Более того, децентрализация власти создала спрос на технократические и политические рекомендации на национальном уровне.

В чем же заключаются функции аналитических центров и почему они могут быть более эффективными в своей деятельности, чем бюрократические государственные структуры? Независимо от своей структуры аналитические центры выполняют один и тот же набор ключевых функций **[2]**:

♦ проведение исследований и анализа политических, экономических и иных проблем;

♦ консалтинг по актуальным вопросам внутренней и внешней политики;

♦ оценка правительственных программ;

♦ толкование политики для СМИ, что облегчает понимание и поддержку политических инициатив общественностью;

♦ содействие построению "тематических сетей", вовлекающих разнообразный набор действующих лиц, которые встречаются специально по конкретному политическому вопросу или проблеме;

♦ поставка кадров на ключевые должности в организации власти.

Аналитические центры, по мнению Дж. Макганна имеют ряд явных преимуществ перед государственными структурами **[2]**:

♦ лучше, чем правительственные учреждения, умеют распространять актуальные результаты исследований внутри правительства и за его пределами – среди политической элиты, СМИ и общественности;

♦ лучше справляются с комплексным характером глобальных политических проблем;

♦ лучше умеют собирать и привлекать лиц, заинтересованных в политическом процессе;

♦ лучше умеют изучать весь политический процесс – от сбора данных до создания знаний и политики;

♦ имеют более полное представление о средствах реализации поставленной цели, чем государственные бюрократии, которые бывают внутренне раздроблены по департаментам и областям специализации;

♦ более склонны ставить политические задачи в новой конфигурации, тогда как бюрократия процветает в максимально безопасном режиме стандартных рабочих процедур;

© *Журбей Е.В., 2018*

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, к.и.н., доцент кафедры Тихоокеанской Азии ДВФУ *(г. Владивосток).* **E-mail:** Zhurbey.ev@dvfu.ru

Продолжение. Начало: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 4. С. 178–189.

♦ более эффективно ориентированы на будущее, чем государственные научные сотрудники, которые работают в таких условиях, что порывы к созидательному разрушению редко вознаграждаются;

♦ лучше умеют содействовать сотрудничеству между различными группами исследователей ради общей цели, поскольку не имеют постоянной заинтересованности в одной сфере.

Первые аналитические центры в Таиланде поддерживали прочные связи с государством и выполняли свои задачи в качестве "технократического инструмента" бюрократии. Многие из них были прямо учреждены правительством для содействия разработке важных политических и социально-экономических задач. Затем появились общественно-частные или полунезависимые аналитические центры, которые одной ногой стояли в государственном секторе, а другой в частном. Они не были полностью независимы от правительства, но некоторые инициативы проводили более или менее автономно. Финансирование и руководство обычно находились под контролем государства, что привело к процессу, отдалённо напоминающему институт "вращающихся дверей" как для их руководителей, так и для сотрудников. Затем появились частные или неправительственные аналитические центры, как правило, созданные частными корпорациями и финансовыми учреждениями для оказания помощи в их деятельности и продвижения усилий по экономическому росту. Уважение к образованию и академическим исследованиям в азиатской культуре привело к тому, что многие аналитические центры находились в университетах. В Таиланде к таким университетам можно отнести Чулалонгкорнский и Таммасатский университеты. Оба университета являются кузницей кадров для тайской элиты и бюрократии. В наиболее престижном Чулалонгкорнском университете с 1981 г. функционирует аналитический центр "Институт стратегических и международных исследований" (ISIS, Thailand) **[6]**.

Поскольку Таиланд, как и ряд других стран Юго-Восточной Азии (например, Сингапур или Малайзия), стремился к быстрому экономическому росту и развитию, аналитические центры вырастали изнутри правительственной системы или становились тесно связанными с бюрократией, которая курировала вопросы стратегического планирования и осуществления процесса экономических реформ. Примером может служить "Инвестиционный совет" (Board of Investment, BOI) **[4]**. Коренная экономическая модернизация требовала необходимые исследования и анализ, чтобы бюрократия могла принимать обоснованные решения. Потребность в технической экспертизе была (и по-прежнему) остаётся высокой, поскольку промышленную и торговую политику необходимо тщательно планировать и эффективно осуществлять. Это, в свою очередь, вызвало потребность в развитии новых центров и создало поколение технократов. Кроме того, сдвиг в экономической идеологии (охватывающий неолиберальную политику) также повлиял на аналитические центры. Те, которые были более приспособленными для продвижения рыночных идей и частного сектора, стали появляться в качестве нового типа аналитического центра, часто находя "приют" внутри корпораций и финансовых институтов.

Иные создаваемые в Таиланде аналитические центры фокусировались на стимулировании экономического роста и развития. Власть испытывала потребность обладать интеллектуальным потенциалом для управления и ослабления региональных и национальных проблем в области безопасности и обеспечении преемственности курса экономических реформ, которые проводились на протяжении нескольких десятилетий. Поэтому аналитические центры, посвящённые региональной политике и безопасности, появились в Таиланде, чтобы информировать правительство об угрозах и вызовах, стоящих перед государством. Так, например, аналитические центры стран Юго-Восточной Азии и Таиланда, в частности, играют ключевую роль в формировании дискуссионной площадки по безопасности в ЮВА. В 1994 г. был создан Региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по безопасности (АРФ). В рамках этого форума существуют две "дорожки": по первой диалог ведётся на официальном межправительственном уровне, а по второй – между НПО и академическими кругами. "Несмотря на негосударственный статус и независимые исследовательские механизмы, входящие в неё институты имеют со своими правительствами устойчивые связи, что позволяет ISIS через выработку политических рекомендаций влиять на процесс принятия реше-

ний стран АСЕАН" **[1, с. 156]**. Эксперты отмечают, что площадка "Института стратегических и международных исследований" стран АСЕАН является самым важным и политически влиятельным институтом, связывающим аналитические центры и политических лидеров стран региона. Аналитические центры Таиланда, таким образом, принимают широкое участие в неформальной дипломатии посредством представительства в этой региональной сети экспертов, давая им высокий уровень политического доступа к центрам власти и силы региона ЮВА и АТР в целом.

Какие-то аналитические центры Таиланда появлялись или исчезали как реакции на политическую обстановку в стране, в которой они были созданы. Такие центры могли создаваться с целью легитимации той или иной военно-бюрократической группировки. Появление многопартийности в период "нелиберальной демократии" способствовало появлению негосударственных аналитических центров, которые финансировались за счёт международных доноров, государственного и частного секторов. С конца 1990-х гг. организационную и финансовую помощь аналитическим центрам Таиланда и странам ЮВА стали оказывать международные организации, такие как Всемирный банк и ПРООН, а также благотворительные фонды (например, Фонд Форда и Конрада Аденауэра). Доноры, таким образом, влияли на повестки и стратегии аналитических центров.

Исторические, социокультурные и политические традиции в Таиланде отличаются от присущих другим странам (например, США или КНР). Каждая страна имеет собственный специфический набор политических проблем и потребностей, из тайского опыта все же можно извлечь ряд полезных уроков. Что же способствует или мешает аналитическим центрам быть активным участником внешнеполитического процесса Таиланда? Почему аналитические центры в Таиланде имеют несравнимо меньшее влияние на внешнеполитический процесс, чем в США или КНР?

Объяснить тайскую специфику нам поможет набор из трёх типов факторов, которые в совокупности или по отдельности способствуют или мешают вовлечению аналитических центров Таиланда во внешнеполитический процесс.

К первому типу факторов отнесём институциональные факторы. Особенности политической системы Таиланда, как было проанализировано выше, прямым образом влияют на вовлеченность аналитических центров в процесс принятия решений. Ключевым институциональным фактором является парламентская форма правления, которая создаёт ряд барьеров для работы аналитических центров. Природа тайского парламентаризма концентрирует принятие внешнеполитических решений исключительно в Кабинете министров, что находится в резком контрасте с американской политической системой, где принцип разделения власти и система сдержек и противовесов сформировали потребность и необходимость децентрализации полномочий по принятию политических решений, в том числе и внешнеполитических. Парламент Таиланда, особенно в период нахождения военных у власти, представляет собой в значительной степени декорацию для внешней, международной "публики". Парламент выступает в качестве иллюстрации демократических институтов, но в реальности он является имитацией демократических институтов.

Ещё одним институциональным фактором является тот факт, что депутаты тайского парламента в период военного правления являются креатурами военных хунт, а в период "нелиберальной демократии" вынуждены следовать жёсткой партийной дисциплине, таким образом, отсутствуют стимулы для экспертного сообщества работать с отдельными парламентариями. Кроме того, поскольку тайские политические партии могут опираться на внутренние ресурсы для выработки той или иной политики, это не способствует формированию спроса на независимую экспертизу. В период же правления военных политические партии, как правило, под запретом, что также демотивирует аналитические центры с ними работать.

Несмотря на то, что вышеобозначенные факторы препятствуют вовлеченности аналитических центров в процесс принятия решений, центры должны прилагать максимальные усилия для налаживания эффективного диалога с правительством. Объектами таких усилий должны выступить го-

сударственные служащие системы национальной и региональной тайской бюрократии, которые отвечают за разработку внешней политики и представление вариантов этой политики для обзора на уровне министров правительства. Государственные служащие нуждаются во внешней экспертизе, в исследованиях, которые позволят им выработать наиболее эффективную политику. Уровень компетенции госслужащих порою является недостаточным, и союз с аналитическими центрами взамен на финансирование их деятельности представляется наиболее перспективным направлением сотрудничества. Потенциал отношений, которые могут быть образованы между государственными служащими, ответственными за разработку внешней политики и аналитических центров, готовыми и в состоянии обеспечить практическим опытом, определяет ещё один путь, в котором тайские аналитические центры могут преодолевать институциональные барьеры.

Ещё одной институциональной особенностью, способной повысить роль аналитических центров Таиланда в принятии внешнеполитических решений, является централизованный характер в принятии этих решений и закрытая особенность тайского правительства, что позволяет руководителям центров и экспертам с большей лёгкостью идентифицировать целевую аудиторию, принимающую ключевые решения. Политическая элита характеризуется относительно небольшим и легко узнаваемым набором политиков. В тайском случае легче определить локус власти, что в условиях более фрагментированной и гибкой системы в США, с большим количеством субъектов политического процесса, оказывается, сделать труднее.

Не стоит забывать и обратной потребности политических лидеров Таиланда и национального бизнеса в аналитических центрах. Потребность в технической экспертизе была и по-прежнему остаётся высокой, и центры должны максимально извлекать пользу из потенциально перспективного симбиоза экспертного сообщества и бизнеса.

Ко второму типу факторов можно отнести культурные факторы. Относительно закрытая парламентская и военно-бюрократическая система в сочетании с аморфной партийной системой в Таиланде ставит барьеры на пути частного сектора и его вовлеченности в политический процесс страны. Главным инвестором аналитических центров является государство. Правительство принимает участие в формировании и поддержании центров и весьма критически оценивает помощь из-за рубежа. Это не значит, что частный сектор является нежелательным, но он сталкивается с проблемами культурного наследия и институциональных барьеров для того, чтобы обеспечить значимую роль в политических или социально-экономических дебатах.

К третьему типу факторов относятся экономические факторы. Деятельность аналитических центров требует финансовых ресурсов для проведения таких мероприятий, как научные исследования и лоббирование. Аналитические центры Таиланда весьма слабо финансируются и только развивают инструменты фандрайзинга, в том числе из числа корпоративных и частных пожертвований, благотворительных фондов и государственных контрактов. Государственные контракты являются весьма весомым источником финансирования для аналитических центров Таиланда. Финансовая неопределённость и нестабильность затрудняет способность центров планировать долгосрочные проекты и препятствует участию в процессе принятия решений. Государственные источники финансирования в условиях военной диктатуры являются основным каналом поступления средств для реализации исследовательских проектов.

Дальнейшее развитие аналитических центров в Таиланде и их роль в процессе формирования внутренней и внешней политики неизбежно будет зависеть от среды их обитания, от их способности адаптироваться к изменениям в политической системе страны с учётом весьма частых военных переворотов и откатов от режима "нелиберальной демократии" к авторитаризму.

Что из себя сегодня представляет экспертное сообщество Таиланда, и какие меры, действия могут привести к росту значимости экспертного сообщества страны в политическом процессе и помогут стимулировать количественный и качественный рост аналитических центров Таиланда в целом?

Ежегодно публикуется рейтинг крупнейших в мире аналитических центров, основанный на экспертном опросе полутора тысяч учёных, поли-

тиков, журналистов. Рейтинг учитывает 6846 аналитических центров, которые подвергнуты градации (например, с учётом географического принципа нахождения) **[3, p. 30]**. Рейтинг представляется в рамках реализации программы "Аналитические центры и гражданское общество" университета Пенсильвании в США, под руководством американского политолога и крупнейшего специалиста в области аналитических центров Дж. Макганна. География относит Таиланд к региону "Азия". На долю Азии приходится 18,4% всех аналитических центров мира, что в числовом значении составляет 1262 центра **[3, p. 30]**. Из 1282 учтённых аналитических центров Азии на долю Таиланда приходится всего 8 **[3, p. 30]**. В 150 крупнейших аналитических центров мира (исключая центры США) входит один тайский центр. 104 строчку данного рейтинга занимает "Институт научно-исследовательского развития Таиланда" (TDRI) **[3, p. 44]**.

"Институт научно-исследовательского развития Таиланда" в Бангкоке стал наиболее авторитетным тайским аналитическим центром с момента своего создания в 1984 г. **[7]**. Это было новаторское развитие, поскольку в Таиланде не существовало никакой другой независимой исследовательской организации по вопросам политики. Имевшиеся центры были государственными или квазигосударственными. Центр не сразу вышел на показатели финансовой стабильности, но учредители прописали в уставе запрет на получение прямой государственной помощи из бюджета страны. Тем не менее, институт остаётся зависимым от правительства Таиланда, так как получает исследовательские контракты от государства. В целях обеспечения финансовой жизнеспособности был создан фонд пожертвований и предприняты более серьёзные усилия для привлечения средств бизнес-сообщества. Проблемы с управлением продолжают беспокоить центр, начиная от совершенствования практики распространения и привлечения высококвалифицированных исследователей к проблемам низкого морального духа коллектива. Центр специализируется на социально-экономических вопросах, в том числе внешнеэкономических и внешнеторговых связях Таиланда с зарубежными партнёрами. Сферы внутриполитических и внешнеполитических дел не являются приоритетными для данного мозгового центра. Центр можно отнести к типу технократических на службе у государства.

Единственным аналитическим центром, концентрирующим своё основное внимание на сфере международной безопасности и международных отношений, является вышеупомянутый "Институт стратегических и международных исследований" (ISIS, Thailand). Институт является сетевым членом "Института стратегических и международных исследований АСЕАН" наряду со своими "собратьями" из Малайзии, Индонезии, Мьянмы и ряда других стран Юго-Восточной Азии. Институт также является структурным подразделением Чулалонгкорнского университета, но обладает значительной автономией. Большая часть его финансирования формируется за счёт иностранных грантов. В качестве дополнительного финансирования привлекаются средства университета и правительственные исследовательские контракты.

Аналитическим центром, прямо декларирующим интерес к внутриполитической проблематике, является "Институт исследований государственной политики" (IPPS) **[5]**. Институт является независимым аналитическим центром, занимающимся исследованиями в области политики, пропагандой политики и политическим образованием в целях содействия развитию демократии на основе активного политического участия. Институт был создан в 1985 г. под эгидой Ассоциации социальных наук Таиланда в качестве некоммерческой, беспартийной неправительственной организации. Организационную и финансовую помощь Институт оказал Фонд Конрада Аденауэра. Будучи некоммерческой, беспартийной и неправительственной организацией (НПО), Институт реализует свою миссию: содействие и укрепление понимания демократии в соответствии с Конституцией 1997 г.; организация общественных семинаров, разработка исследований и публикаций в различных средствах массовой информации о содержании политических реформ в стране; содействие политической осведомлённости и участие на всех уровнях разработки государственной политики; распространение информации о государственной политике и предоставление политического образования гражданскому обществу по различным аспектам законодательства и управления.

Существует две категории программ и мероприятий IPPS. Во-первых, это программы исследований политики и информирования общественности, а также обсуждение важных вопросов государственной политики и инициирования политических дебатов. Программы призваны улучшить понимание и сотрудничество между государственными должностными лицами, парламентариями, учёными, организациями гражданского общества и широкой общественностью. Во-вторых, это гражданские образовательные программы, поддерживающие практику политического участия и повышения эффективности управления в государственном секторе и взаимодействия с гражданским обществом. Эти программы призваны содействовать политической осведомлённости и политическому просвещению широкой общественности Таиланда.

Институт реализует свои программы и мероприятия четырьмя основными способами: посредством семинаров обучения, исследований, публикаций и мультимедийных презентаций. Семинары Института служат целям пропаганды политики посредством форумов, дискуссий и неофициального обмена идеями между различными группами, представляющими общество. Они также служат каналом для диалога между государственным и частным секторами. Темы обсуждений варьируются от проектов законодательства до общих вопросов государственной политики. Образовательные семинары стимулируют политическое образование, позволяющее общественности лучше понимать изменения на политической арене. Образование такого типа становится всё более важным для должностных лиц местной администрации, учителей и жителей населённых пунктов, как взрослых, так и молодёжи. Исследование Института фокусируется на всех аспектах реформ – правовой, социально-политической, местной администрации и т.д. Исследования обеспечивают основу для политических предложений и информации для членов парламента, государственных должностных лиц, учёных, организаций гражданского общества и широкой общественности.

Институт публикует ежемесячный информационный бюллетень "Политическая реформа-децентрализация", который представляет экспертное мнение, позволяющее оставаться в курсе быстро меняющихся ситуаций и способствовать диалогу между Институтом и членами сети мозгового центра по всей стране. Бюллетени распространяются бесплатно парламентариям, учебным заведениям, правительственным учреждениям и группам гражданского общества. Монографии и книги обычно бесплатно распространяются среди участников семинаров и учебных курсов, а также в университетских библиотеках и, по запросу, для широкой общественности.

Рейтинг "Аналитические центры и гражданское общество" включает, как было отмечено выше, всего 8 аналитических центров Таиланда. В Таиланде есть и другие экспертные сообщества, организации и центры, которые находятся на разной стадии институционализации и со временем при условии демократизации политической системы смогут развиться до уровня аналитических центров. Столь незначительное присутствие аналитических центров Таиланда в мировых рейтингах вызывает беспокойство в экспертном сообществе Таиланда, что, по мнению самих представителей аналитических центров страны, констатирует некоторый кризис в их развитии, но не вызывает особой озабоченности со стороны власти или тайской бюрократии.

Исследуя феномен аналитических центров в Таиланде и причины их слабой вовлеченности в политический и внешнеполитический процесс, можно отметить тот факт, что существуют институциональные, культурные и экономические факторы, формирующие отличную от "западной", модель аналитических центров в странах Юго-Восточной Азии, в том числе и в Таиланде. Какие особенности данной модели можно отметить?

Большая часть аналитических центров Таиланда поддерживает устойчивые связи с правительством и зачастую выступает технократическим инструментом тайской бюрократии. Аналитические центры страны находятся на институциональном или финансовом коротком поводке тайского правительства. Меньшая часть центров государственно-частных или полунезависимых аналитических центров стоят одной ногой в государственном секторе, а другой в частном. Они не являются полностью независимыми от правительства Таиланда, но в некоторых сферах действуют более или менее автономно. Финансирование и руководство, как правило, находится в руках государ-

ства посредством государственных исследовательских контрактов. Практика уважительного отношения к образованию и научным исследованиям, свойственная азиатской культуре (в большей степени свойственно конфуцианской культуре, чем буддийской), привела к тому, что ряд аналитических центров находятся внутри университетов. В период "нелиберальной демократии" в Таиланде, т.е. в период перехода, аналитические центры стали инициировать программы исследований по интеллектуальной поддержке политических партий в разработке вариантов политики и контроля правительства; и предоставлять консультации по вопросам политики некоммерческому сектору и широкой общественности Таиланда.

Однако в период возвращения военных к власти и установления авторитарного режима обозначенные инициативы сворачиваются и жёстко пресекаются властью. В настоящий период большая часть аналитических центров функционируют в качестве "защитников официальной политики", т.е. работают в направлении легитимации "предпочтительного пути", избранного государством, или господствующим лицом (Прают Чан-Оча), или режимом. Аналитические центры Таиланда не всегда были "катализаторами" для идей и действий; их функции и деятельность неизменно формируются под влиянием политических деятелей и дискурсов, регулирующих их контекст. Независимость является редким товаром для тайских фабрик мысли. Исторически сложилось, что большинство из них получало финансовую и интеллектуальную поддержку и мандат от государства. Таким образом, независимость, свойственная аналитическим центрам "западной" (особенно англосаксонской) модели, не свойственна "азиатской". Аналитические центры Таиланда, где доминирует "сильная рука" военно-бюрократической элиты, отклоняющиеся от господствующего или "навязанного консенсуса", сокращают себе пространство для манёвра и рискуют своим выживанием.

Вопрос о влиянии тайских аналитических центров всегда остаётся проблематичным из-за трудностей, которые существуют в возможности измерить его. Влияние определяется позиционированием фабрик мысли в рамках конкретной политической или социально-экономической повестки, их близости к элитам, их присутствию в политических процессах, а также их полезностью в направлении продвижения крупных проектов.

Учитывая факт того, что вовлеченность аналитических центров в разработку политических решений, в том числе в области внешней политики в Таиланде, минимальна и ограничивается преимущественно потребностями бюрократии, то какие наиболее перспективные направления по стимулированию инноваций среди тайских аналитических центров, занимающихся внешней политикой, можно выделить?

Во-первых, аналитические центры должны выйти за рамки простого написания аналитики для власти. Сегодня политики, дипломаты и лидеры бизнеса не хотят пробираться через горы аналитических отчётов аналитических центров. Сотрудники министерств и ведомств имеют доступ к интернету. Лица, принимающие решения, имеют свободный доступ к информации. Они более склонны читать твиты, чем бумаги. Тайские аналитические центры должны стать экспериментальными, в идеях, методах и моделях финансирования, если они собираются занять место среди лучших центров Юго-Восточной Азии.

Во-вторых, аналитические центры Таиланда должны начать сотрудничество друг с другом. Тесное сотрудничество между аналитическими центрами страны принесёт больше дивидендов. Партнёрство с аналогичными институтами и за пределами страны будет играть ключевую роль.

В-третьих, аналитические центры Таиланда должны активно привлекать новые технологии. Они должны думать как медиакомпании и действовать как медиакомпании. Социальные медиа сегодня предоставляют новые средства коммуникации и динамические формы просветительской деятельности. Видеоновости цифровых медиа порождают динамическую экосистему медиаконтента. Это не просто новый способ распространения контента, а изменение методов и характера самого исследования. Эра статических веб-сайтов и политических брифингов исчезает. Вместо этого аналитические центры должны полностью погрузиться в "цифровой разговор". Но, чтобы быть эффек-

тивными, они должны сделать это приоритетом и приобрести необходимые навыки.

В-четвёртых, аналитические центры могут заимствовать организационные модели из технологического сектора. В мире, где горизонтальный обмен информацией является нормой и расширению масштабов проще, чем когда-либо, вертикальная институциональная архитектура многих аналитических центров становится устаревшей. Тайские аналитические центры должны создавать более инновационные и динамические среды, которые поддерживают принятие рисков и новых идей. Тайские аналитические центры могут начать экспериментировать с новыми формами организации (активно привлекать различные технологические стартапы).

В-пятых, аналитические центры Таиланда должны обрести международный статус. Если Таиланд желает принимать активное участие в международной дискуссии, то местные фабрики мысли должны инициировать новые идеи, а не просто реагировать на них. Это означает, что экспертное сообщество Таиланда должно выйти за рамки подготовки докладов на основе вторичной информации. Так же тайские аналитические центры не могут ограничивать себя исключительно внутренними приоритетами страны, но они должны начать работать с глобальными сетями и прогнозировать ключевые тренды современной эпохи. Удачным примером является деятельность "Институт стратегических и международных исследований" (ISIS, Thailand) в рамках Регионального форума Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по безопасности. Будучи инструментом "второй дорожки дипломатии", аналитический центр принимает активное участие в неформальной дипломатии посредством представительства в региональной сети экспертов и доведении мнения академического сообщества до лидеров стран региона Юго-Восточной Азии.

Литература

1. Севастьянов С.В. Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии: вклад в развитие регионализации и региональной идентичности. Владивосток: ВГУЭС, 2009. 212 с.

2. McGann J. Think Tanks and the transnationlization of foreign policy [Электронный ресурс]. URL: http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/iipe/pj73mcgann.htm (дата обращения: 02.08.2017).

3. McGann J. 2015 Global Go To Think Tank Index Report". TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. Paper 10, Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program University of Pennsylvania, Philadelphia, 2016. 172 p.

4. The Board of Investment (BOI), Thailand [Электронный ресурс]. URL: http://www.boi.go.th (дата обращения: 02.09.2017).

5. The Institute of Public Policy Studies [Электронный ресурс]. URL: http://www.fpps.or.th/index.php?topic=aboutippseng (дата обращения: 02.09.2017).

6. The Institute of Security and International Studies (ISIS, Thailand) [Электронный ресурс]. URL http://www.isisthailand.org (дата обращения: 02.09.2017).

7. The Thailand Development Research Institute [Электронный ресурс]. URL: https://tdri.or.th/en/about/mission/ (дата обращения: 02.09.2017).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Sevast'yanov S.V. Nepravitel'stvennye uchastniki sotrudnichestva Vostochnoj Azii: vklad v razvitie regionalizatsii i regional'noj identichnosti. Vladivostok: VGUEHS, 2009. 212 s.

2. McGann J. Think Tanks and the transnationlization of foreign policy [EHlektronnyj resurs]. URL: http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/iipe/pj73mcgann.htm (data obrashheniya: 02.08.2017).

3. McGann J. 2015 Global Go To Think Tank Index Report". TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. Paper 10, Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program University of Pennsylvania, Philadelphia, 2016. 172 p.

4. The Board of Investment (BOI), Thailand [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.boi.go.th (data obrashheniya: 02.09.2017).

5. The Institute of Public Policy Studies [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.fpps.or.th/index.php?topic=aboutippseng (data obrashheniya: 02.09.2017).

6. The Institute of Security and International Studies (ISIS, Thailand) [EHlektronnyj resurs]. URL http://www.isisthailand.org (data obrashheniya: 02.09.2017).
7. The Thailand Development Research Institute [EHlektronnyj resurs]. URL: https://tdri.or.th/en/about/mission/ (data obrashheniya: 02.09.2017).

Журбей Е.В. Аналитические центры и внешнеполитический процесс Таиланда: современное состояние и перспективы.

Статья посвящена специфике внешнеполитического процесса Таиланда и роли в нем аналитических центров. Возрастающее влияние исследовательских центров, институтов в области внешней политики заставляет обратиться к общности и специфике аналитических центров Таиланда и их зарубежных аналогов. В статье рассматривается организация, специфика деятельности и каналы влияния на проводимую тайским руководством внешнюю политику.

Ключевые слова: *аналитические центры, исследовательские институты, внешняя политика, общественная дипломатия*

Zhurbey E.V. "Think tanks" and the foreign policy process in Thailand: Current Status and Prospects.

The article is devoted to the history of the Institute "think tanks" and their role in the foreign policy process in contemporary of Thailand. Increasing influence of research centers and institutes in foreign policy makes appeal to generality and specificity of "think tanks" centers of Thailand and their foreign counterparts. The article discussed in detail the organization, specific activities and channels of influence on the ongoing Thai leadership's foreign policy.

Key words: *think tanks, research institutes, foreign policy, the public diplomacy*

Для цитирования: Журбей Е.В. Аналитические центры и внешнеполитический процесс Таиланда: современное состояние и перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 155–163. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/155-163

For citation: Zhurbey E.V. «Think tanks» and the foreign policy process in Thailand: Current Status and Prospects // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 155–163. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/155-163

◆

УДК 311.313

Иванова С.В.

Наука в Приморском крае: анализ и прогноз

Но всё здесь новое, и положение науки
должно быть заново определено
П.Л. Капица (письмо Э. Резерфорду)

Россия является одной из богатейших стран мира. К сожалению, экономика страны до сих пор в большой степени зависит от цен на сырьевые ресурсы на мировых рынках. В последнее время, особенно с введением санкций со стороны многих западных стран, очень много говорится о необходимости перехода российской промышленности к самообеспечению через создание инновационных технологий. В этой связи хочется отметить, что развитие российской промышленности (и как следствие поднятие экономики) как промышленности одной из крупнейших мировых держав невозможно без создания мощного научно-технического потенциала во всех сферах деятельности человечества. К сожалению, в настоящее время российская наука значительно отстаёт от мировых лидеров в эффективности.

В докладе о состоянии науки в Российской Федерации отмечается, что главная проблема современной российской науки – организационная. Самым опасным фактором является отсутствие внятной государственной стратегии в научно-технической сфере **[1]**.

К основным существенным проблемам государственной и инновационной политики нашего государства, в первую очередь, следует отнести непоследовательность, неспособность сформулировать и реализовать научные и инновационные приоритеты. Аналитиками отмечается, что снижение объёмов государственного финансирования науки не привело к повышению эффективности государственных расходов, к прогрессивным сдвигам в структуре приоритетов. Резерв оптимизации использования бюджетных средств для

Табл. 1. Число организаций Приморского края, выполнявших научные исследования и разработки, по типам организаций (ед.)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Научные организации, всего	42	52	53	49	48	47	52	49	48	47	51
в т.ч. научно-исследовательские	25	32	32	30	31	30	33	33	33	31	22
конструкторские бюро	2	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1
высшие учебные заведения	7	7	9	8	7	7	8	5	5	6	12
промышленные предприятия	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
прочие	6	10	10	9	8	8	9	9	8	8	15

Источник: [6].

© *Иванова С.В., 2018*

ИВАНОВА Светлана Викторовна, к.э.н., доцент филиала ДВФУ в г. Находка. **E-mail:** svetlanaviktory@mail.ru

решения наиболее важных текущих проблем экономики и общества, создания заделов на перспективу не использован **[6]**.

Кроме того, следует отметить, что научные разработки учёных мало востребованы в бизнес-среде. Причин этому может быть несколько:

- ♦ отсутствие качественных, действительно инновационных разработок;
- ♦ нежелание руководителей предприятий нести дополнительные затраты по ведению научно-исследовательской деятельности;
- ♦ отсутствие действенной системы экспертизы и патентования научных открытий и изобретений;
- ♦ существенное увеличение среднего возраста докторов и кандидатов наук;
- ♦ слабая подготовка научных кадров в высших учебных заведениях;
- ♦ другие.

Основные приоритетные направления развития науки Приморского края изложены в Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 г. К ним, в частности, относится создание инновационной инфраструктуры (сети технологических парков и исследовательских центров) с целью внедрения в производство и реализации наукоёмкой продукции **[4]**.

Прошло немало времени с начала реализации данной Программы, поэтому хочется увидеть, что же происходит в сфере науки нашего края в настоящее время.

В *таблице 1* представлены данные о численности организаций, выполнявших научные исследования и разработки, по типам организаций.

Как видим, число научных организаций в крае за период 2005–2015 гг. варьирует от 42 до 53 единиц. Составленное уравнение тренда показывает, что в среднем наблюдается рост научных организаций на 0,13 единиц в год.

В *таблице 2* представлена структура таких организаций.

Наибольшую долю в структуре (43,14–68,75%) занимают научно-исследовательские организации. Тем не менее, имеет место тенденция снижения их числа в среднем на 3% в год (среднегодовой темп роста составляет 96,83%).

Наименьшая доля научных организаций (2–3%) приходится на промышленные предприятия.

Снижается доля участия конструкторских бюро в научной деятельности края (с 4,76% в 2005 г. до 1,96% в 2015 г.). При этом повышается (в среднем за год на 0,55%) доля прочих научных организаций.

Тренд со слабой, но положительной динамикой (+0,003% в год) показывают высшие учебные заведения. Их доля колеблется в пределах 10,2%–23,53% в общей структуре научных организаций.

Табл. 2. Число организаций Приморского края, выполнявших научные исследования и разработки, по типам организаций (%)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Научные организации, всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в т.ч. научно-исследовательские	59,52	61,54	60,38	61,22	64,58	63,83	63,46	67,35	68,75	65,96	43,14
конструкторские бюро	4,76	3,85	1,89	2,04	2,08	2,13	1,92	2,04	2,08	2,13	1,96
высшие учебные заведения	16,67	13,46	16,98	16,33	14,58	14,89	15,38	10,20	10,42	12,77	23,53
промышленные предприятия	4,76	1,92	1,89	2,04	2,08	2,13	1,92	2,04	2,08	2,13	1,96
прочие	14,29	19,23	18,87	18,37	16,67	17,02	17,31	18,37	16,67	17,02	29,41

Источник: составлено автором на основе данных **[6].**

Табл. 3. Число организаций Приморского края, выполнявших научные исследования и разработки, по секторам деятельности (ед.)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Число организаций, всего	42	52	53	49	48	47	52	49	48	47	51
в т.ч. по секторам деятельности: государственный	22	27	27	26	26	26	32	32	32	33	36
предпринимательский	12	17	14	13	13	12	9	9	8	6	2
высшего профессионального образования	8	8	10	9	8	8	10	7	7	7	13
некоммерческих организаций	0	0	2	1	1	1	1	1	1	1	0

Источник: [6].

Рассмотрим сектора деятельности, в которых выполнялись научные исследования и разработки *(таблица 3)*.

При анализе данных было установлено, что коэффициент вариации по всей численности организаций, выполнявших научные исследования и разработки, составляет 0,0607. Наибольшая вариация наблюдается по сектору "Некоммерческие организации" – 69,67%, наименьшая – в государственном секторе (13,79%). Следует отметить тенденцию роста в данном секторе.

Сильной колеблемости (38,17%) подвержена численность научных исследований и разработок в предпринимательском секторе, где, к сожалению, наблюдается очевидная тенденция их существенного сокращения (с 12 в 2005 г. до 2 в 2015 г.).

Относительно стабильным в отношении колеблемости можно назвать сектор организаций высшего профессионального образования. Численность варьирует от 7 до 13 организаций. Тем не менее, коэффициент вариации достаточно высок – 0,1992.

Если анализировать тенденции, то можно сказать следующее. В целом, наблюдается незначительный рост численности организаций, выполняющих научные исследования и разработки (на 0,13 единиц). Тенденция роста таких организаций наблюдается только в государственном секторе (на 1,15 единиц в среднем за год). В остальных секторах наблюдается тенденция сокращения численности.

Наибольшая доля научных исследований и разработок также приходится на государственный сектор (более 50%) с тенденцией роста 2,2% в среднем в год *(таблица 4)*.

Резко сокращается доля научных исследований в предпринимательском секторе (с 28,57% в 2005 г. до 3,92% в 2015 г.). Относительно стабильна доля исследований в секторе организаций высшего профессионального образования (15–25%), но, к сожалению, наблюдается тенденция их сокращения (0,12% в среднем за год).

В целом, можно сказать, что в научных исследованиях и разработках заинтересовано только государство, а бизнес-среда в большей степени в них, к сожалению, не нуждается. Причина этому очевидна: нежелание вкладывать средства в венчурные разработки.

Рассмотрим динамику и структуру внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки.

В *таблице 5* представлены внутренние текущие затраты по видам работ.

В целом, в анализируемом периоде наблюдается рост затрат на научные исследования (в среднем на 373 млн. р. в год). Наибольшая доля приходится на фундаментальные исследования (около 60%), наименьшая – на разработки (от 2 до 10 процентов).

Табл. 4. Структура организаций Приморского края, выполнявших научные исследования и разработки, по секторам деятельности (%)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Число организаций, всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в т.ч. по секторам деятельности: государственный	52,38	51,92	50,94	53,06	54,17	55,32	61,54	65,31	66,67	70,21	70,59
предпринимательский	28,57	32,69	26,42	26,53	27,08	25,53	17,31	18,37	16,67	12,77	3,92
высшего профессионального образования	19,05	15,38	18,87	18,37	16,67	17,02	19,23	14,29	14,58	14,89	25,49
некоммерческих организаций	0,00	0,00	3,77	2,04	2,08	2,13	1,92	2,04	2,08	2,13	0,00

Источник: составлено автором на основе данных **[6].**

Следует отметить сокращение доли затрат на прикладные исследования в общей структуре (в среднем на 1,14% в год). По фундаментальным исследованиям и разработкам наблюдается тенденция роста на 0,47% и 0,67% соответственно.

В *таблице 6* приведены внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам затрат.

Наибольшую долю составляют затраты на оплату труда (38-52%). Темп прироста таких затрат составляют 240 млн. р. (прирост в структуре затрат – 1,59%) в среднем за год. Увеличиваются также и остальные затраты:

- страховые взносы в Пенсионный фонд, ФСС, ФФМОС, ТФМОС на 71,7 млн. р. (прирост в структуре затрат – 0,66%) в среднем в год;
- другие материальные затраты – на 24,24 млн. р. (темп снижения в структуре затрат 0,85% в среднем за год);
- прочие текущие затраты – на 43,58 млн. р. (темп снижения в структуре затрат 0,6% в среднем за год).

Исключение составляют затраты на приобретение оборудования: тенденция их сокращения 6,08 млн. р. (темп снижения в структуре затрат 0,8%) в среднем в год.

После проведённого анализа научных исследований и разработок в Приморском крае целесообразно рассмотреть кадровый потенциал, который их осуществляет.

В своё время П.Л. Капица много сделал для развития советской науки, часто обращаясь со своими предложениями к ведущим учёным и партийным лидерам того периода. Но он не дождался тех перемен, о которых мечтал. Хочется привести несколько высказываний выдающегося учёного.

Ещё в 1935 г. П.Л. Капица в своём письме А. А. Капице писал: "У меня вся надежда на молодёжь! Поскорее бы с ней сойтись. Там я легче найду энтузиазм. Ведь он у нас есть… Средний возраст академиков, я недавно посчитал – 65 лет…" **[2]**.

18 декабря 1956 г. в письме академику, главному учёному секретарю Президиума Академии Наук СССР Александру Васильевичу Топчиеву излагал так свои мысли относительно научной работы: "Вопрос подготовки кадров – это самый важный вопрос в организации научной работы, так как только при его успешном решении мы можем поддержать высокий уровень нашей науки. Над этим вопросом следует непрерывно работать и, по мере роста материальной обеспеченности и масштабов наших научных организаций, следует развивать и совершенствовать организацию подготовки кадров" **[3]**.

К сожалению, с тех пор мало что изменилось.

Академик Российской академии естественных наук А. Ракитов в своей статье "Развитие науки в России" отмечает увеличение среднего возраста на-

Табл. 5. Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам работ (в Приморском крае) (млн. р.)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Внутренние текущие затраты на научные исследования – всего	1866,0	2666,3	2904,4	3574,8	3848,0	3931,4	4544,3	4701,8	4588,0	5383,2	6300,2
в т.ч.: фундаментальные исследования	1095,3	1677,7	1631,8	2150,0	2322,0	2440,8	2822,6	3015,5	3101,2	3372,2	3810,2
прикладные исследования	728,6	883,0	1156,9	1324,5	1415,4	1381,3	1473,3	1437,6	1287,6	1486,0	1818,0
разработки	42,1	105,6	115,7	100,3	110,6	109,2	248,4	248,7	199,2	525,0	672,0

Источник: [6].

учных кадров. По результатам исследования, проведённого в 2000 г., автором было установлено, что средний возраст докторов наук 61 год, а кандидатов наук – 52 года **[7]**.

По итогам анализа автором данной статьи статистики за 2010–2015 гг. было установлено, что средний возраст в аналитическом периоде докторов наук составил уже 63 года, а кандидатов наук – 52 года. К сожалению, данных по Приморскому краю автору найти не удалось, но полагаем, что они мало отличаются от среднестатистических по России.

Академик А. Ракитов, анализируя причины сложившейся ситуации, делает следующие выводы **[7]**:

♦ во-первых, по окончании высших учебных заведений далеко не все студенты идут в аспирантуру, как говорится, "по призванию". Многие поступают туда, чтобы избежать службы в армии или три года "пожить вольготно";

♦ во-вторых, защитив научный труд, кандидаты и доктора наук, как правило, могут найти достойную их звания заработную плату не в научных, а в коммерческих структурах;

♦ в-третьих, отсутствие возможности творческой реализации из-за малой востребованности науки и высокотехнологических разработок в производственном процессе и моральной старости учебно-исследовательского оборудования. В этой связи молодые, перспективные учёные стараются найти применение своим способностям за пределами нашей страны.

Совсем недавно российская наука столкнулась с обилием защит научных трудов. В своё время тот же П.Л. Капица предупреждал о засорении Советской науки малоперспективными кадрами и малозначащими научными исследованиями. С одной стороны, это правильно. Но существует и другая сторона этого факта. По нашему мнению, выставление жёстких барьеров со стороны государства по защите диссертаций приведёт к сокращению желающих проводить научные исследования, а это не может привести к интенсивному развитию науки.

В этой связи автор посчитал целесообразным также проанализировать данные о числе молодых людей, поступающих по окончании высшего учебного заведения в аспирантуру. На *графике 1* представлена численность аспирантов Приморского края за период 2010–2015 гг.

Как видим, аспирантов в Приморских высших учебных заведениях становится всё меньше: за пять лет их количество сократилось почти на одну тысячу человек. Ежегодное сокращение численности аспирантов – 145 чел. в среднем за год. Очевидно, либо молодёжь не желает заниматься наукой, либо не имеет таких возможностей в нашем крае. При таком положении дел уже в 2024 г. численность аспирантов достигнет нулевой отметки, что является негативной тенденцией для развития края.

Табл. 6. Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам затрат (в Приморском крае) (млн. р.)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Внутренние текущие затраты на научные исследования – всего	1866,0	2666,3	2904,4	3574,8	3848,0	3931,4	4544,3	4701,8	4588,0	5383,2	6300,2
в т.ч. по видам затрат: оплата труда	709,2	982,4	1433,7	1877,4	2204,8	2225,6	2439,1	2597,3	2684,5	2997,2	3285,0
страховые взносы в Пенсионный фонд, ФСС, ФФОМС, ТФОМС	174,6	234,8	327,3	395,0	437,2	475,0	684,5	736,7	709,0	802,3	882,2
приобретение оборудования	146,9	486,7	150,2	128,9	142,2	43,3	102,6	108,6	101,4	169,7	312,1
другие материальные затраты	430,5	367,9	519,8	628,8	522,9	367,3	641,7	547,3	478,6	737,1	701,9
прочие текущие затраты	404,8	594,5	473,4	544,7	540,9	550,0	676,3	711,8	614,6	676,9	1118,9

Источник: [6].

В *таблице 7* представлена динамика численности исследователей Приморского края, имеющих учёную степень.

Наибольшую долю в структуре занимают кандидаты наук. В целом, численность исследователей, имеющих научную степень, имеет неоднородную тенденцию: прирост наблюдается в 2012 г. (наибольший прирост по докторам наук) и 2015 г. (наибольший прирост по кандидатам наук). В остальные периоды – сокращение (наибольшее сокращение в 2014 г.). При этом следует отметить, что вариация численности за 2010–2014 гг. весьма незначительна. Лишь в 2015 г. наблюдается существенный прирост исследователей (почти 16%).

Тем не менее, в анализируемом периоде наблюдается тенденция роста численности докторов наук (на 9 чел. в среднем за год), а кандидатов наук – на 34 чел. в год.

Всё это говорит о том, что, несмотря на существенное отсеивание аспирантов, научные кадры края все-таки имеют возможность самореализации.

В докладе о состоянии науки в Российской Федерации были определены негативные явления, препятствующие инновационному развитию России. Среди них выделяются следующие **[1]**:

♦ недостаточная результативность проводимых исследований и разработок (в том числе в категориях публикационной активности, цитируемости, патентной активности);

♦ недостаток конкурсности и реальной продуктивной конкуренции между научными коллективами при распределении бюджетных средств на проведение перспективных исследований и разработок;

♦ недостаточное развитие системы внешней независимой самооценки научным сообществом проводимых исследований;

♦ старение научных кадров (прежде всего, высшей квалификации), сокращение доли исследователей наиболее активного творческого возраста;

♦ неразвитая инфраструктура обслуживания научных исследований;

♦ недостаточная обеспеченность современной материально-технической базой для выполнения исследований и разработок.

Для преодоления этих негативных явлений в докладе предлагается комплекс мер, включающих **[1]**.

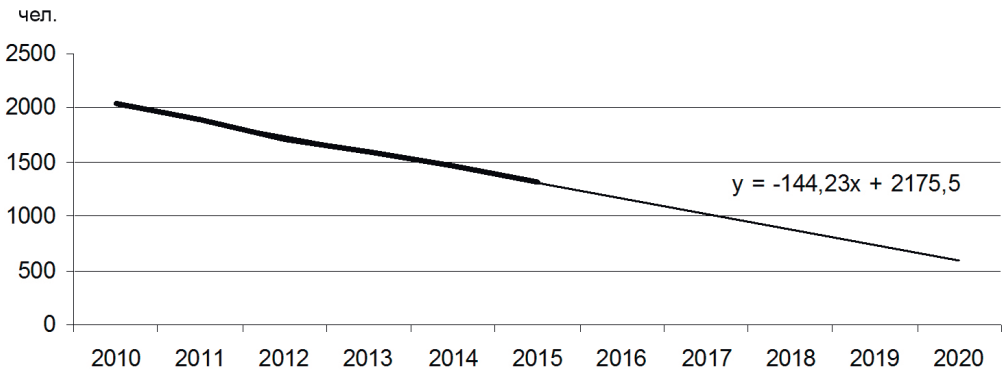

График 1. Численность аспирантов в Приморском крае за период 2010–2015 гг.
Источник: составлено автором

- ♦ совершенствование механизма базового финансирования;
- ♦ развитие системы грантов;
- ♦ поддержку молодых кадров;
- ♦ становление объективной экспертизы на основе наукоёмких параметров;
- ♦ решение институциональных проблем российской науки;
- ♦ исправление недостатков законодательства в этой области.

Анализируя всё выше сказанное, можно сделать следующие выводы. Число научных организаций, ведущих научные исследования в крае, возрастает, но очень низкими темпами. Наибольшую долю в структуре таких организаций занимают научно-исследовательские организации. При этом имеется факт снижения их числа в общей структуре в среднем на 3% в год. Наибольшая доля научных исследований и разработок приходится на государственный сектор (более 50%) с тенденцией роста 2,2% в среднем в год.

В анализируемом периоде в крае наблюдается рост затрат на научные исследования (в среднем на 373 млн. р. в год). Наибольшая доля приходится на фундаментальные исследования (около 60%), наименьшая – на разработки (от 2 до 10 процентов).

Наибольшую долю в структуре общих затрат на научные исследования и разработки составляют затраты на оплату труда (38–52%). Темп прироста таких затрат составляют 240 млн. р. (прирост в структуре затрат – 1,59%) в среднем за год.

Было установлено, что основная доля научных исследований и разработок приходится на кандидатов наук. Отмечается, значительное сокращение аспирантов (на 145 чел. в среднем за год).

Как видим, ситуация с проведением научных исследований и разработок в крае оставляет желать лучшего. Трудно обозначить причины сложившейся ситуации: отсутствие востребованности таковых, низкая рентабельность или отсутствие учёных, способных осуществлять их. Тем не менее, хочется верить, что причины будут установлены, негативные позиции устранены и в крае все-таки начнёт создаваться инновационная инфраструктура с целью создания и внедрения в производство наукоёмкой продукции.

Литература

1. Доклад о состоянии науки в Российской Федерации // Нанотехнологическое общество России, [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnor.org/pubs/reviews/8699.htm (дата обращения: 03.04.2017).

2. Капица П.Л. Письма о науке (1930–1980) (письмо А.А. Капице) // DetectivBook, [Электронный ресурс]. URL: http://detectivebooks.ru/book/19345556/?page=9 (дата обращения: 03.04.2017).

Табл. 7. Численность исследователей, имеющих учёную степень в Приморском крае

	Численность исследователей, чел.						Темп прироста (цепной), %				
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2011	2012	2013	2014	2015
Всего исследователей, имеющих учёную степень	1537	1524	1692	1664	1568	1815	-0,85	11,02	-1,65	-5,77	15,75
в т.ч. имеют учёную степень: доктора наук	357	350	421	417	371	407	-1,96	20,29	-0,95	-11,0	9,70
кандидата наук	1180	1174	1271	1247	1197	1408	-0,51	8,26	-1,89	-4,01	17,63

Источник: составлено автором на основе данных **[6].**

3. Капица П.Л. Письма о науке (1930–1980) (письмо А.В. Топчиеву) // DetectivBook, [Электронный ресурс]. URL: http://detectivebooks.ru/book/19345556/?page=51 (дата обращения: 03.04.2017).

4. О стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 г.: закон Приморского края от 20.10.2008 № 324 КЗ: принят Законодательным собранием Приморского края 02 октября 2008. Доступ из справочно-правовой системы "КонсультантПлюс"

5. Приморскстат, [Электронный ресурс]. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/ connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/enterprises/science/ (дата обращения: 10.02.2017).

6. Развитие науки в России // Studbooks.net, [Электронный ресурс]. URL: http://www.grandars.ru/student/nac-ekonomika/razvitie-nauki-v-rossii.html (дата обращения: 31 марта 2017).

7. Ракитов А. И. Развитие науки в России // Наука – это жизнь! [Электронный ресурс]. URL: http://nauka.relis.ru/06/0109/06109002.htm (дата обращения: 03.03.2017).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Doklad o sostoyanii nauki v Rossijskoj Federatsii // Nanotekhnologicheskoe obshhestvo Rossii, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.rusnor.org/pubs/reviews/8699.htm (data obrashheniya: 03.04.2017).

2. Kapitsa P.L. Pis'ma o nauke (1930–1980) (pis'mo A.A. Kapitse) // DetectivBook, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://detectivebooks.ru/book/19345556/?page=9 (data obrashheniya: 03.04.2017).

3. Kapitsa P.L. Pis'ma o nauke (1930–1980) (pis'mo A.V. Topchievu) // DetectivBook, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://detectivebooks.ru/book/19345556/?page=51 (data obrashheniya: 03.04.2017).

4. O strategii sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Primorskogo kraya do 2025 g.: zakon Primorskogo kraya ot 20.10.2008 № 324 KZ: prinyat Zakonodatel'nym sobraniem Primorskogo kraya 02 oktyabrya 2008. Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy "Konsul'tantPlyus"

5. Primorskstat, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/enterprises/science/ (data obrashheniya: 10.02.2017).

6. Razvitie nauki v Rossii // Studbooks.net, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.grandars.ru/student/nac-ekonomika/razvitie-nauki-v-rossii.html (data obrashheniya: 31 marta 2017).

7. Rakitov A. I. Razvitie nauki v Rossii // Nauka – ehto zhizn'! [EHlektronnyj resurs]. URL: http://nauka.relis.ru/06/0109/06109002.htm (data obrashheniya: 03.03.2017).

Иванова С.В. Наука в Приморском крае: анализ и прогноз.
Условия, сложившиеся в последнее время в мире, в том числе и санкции, введённые против Российской Федерации, существенно сказались на экономике нашей страны. В этой связи возникает объективная необходимость в более интенсивном развитии российской науки. В данной статье на основе официальных статистических данных проведён анализ некоторых параметров по выполняемым в Приморском крае научным исследованиям и разработкам за период 2005–2015 гг. С помощью составленных уравнений тренда сделан прогноз некоторых показателей.

Ключевые слова: *наука в России, наука в Приморском крае, анализ внутренних затрат на науку в Приморском крае, анализ числа организаций, выполнявших научные исследования и разработки, анализ численности исследователей*

Ivanova S.V. Science in the Primorye region: analysis and forecast.
Current conditions in the World, including sanctions against the Russian Federation have significantly affected to the economy of our Country. Due to above-mentioned, there is an objective needs for much further development of Russian science. Analysis of some parameters of scientific research and engineering, carried out during period from 2005 to 2015 years, has been held in the present article on the basis of official data. The forecast of some indicators has been carried out with using of the composed trend equations.

Key words: *science in the Russian, science in the Primorye, analysis of domestic costs of science in the Primorye, analysis of the number of organizations carrying out the scientific research and engineering, analysis of the number of researchers*

Для цитирования: Иванова С.В. Наука в Приморском крае: анализ и прогноз // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 164–172. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/164-172

For citation: Ivanova S.V. Science in the Primorye region: analysis and forecast // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 164–172. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/164-172

◆

УДК 009+397+902+911

Латушко Ю.В.

Островная антропология: новый старт

Важнейшими особенностями островных территорий являются их большая или меньшая изолированность от материковой суши и размерность. Это обстоятельство в совокупности с высокой интенсивностью проявления экстремальных природных процессов позволяет рассматривать острова с одной стороны, как модельные природные геосистемы, с другой, как территории, где процесс культурной эволюции был в высочайшей степени специализирован. Анализ развития хозяйственной и культурной деятельности человека на островах во времени и пространстве невозможен без учета их ландшафтной структуры **[3]**.

Объединение усилий антропологов, географов и других ученых может служить залогом комплексного анализа островных обществ, уточнения соотношения природных и культурных факторов социальной эволюции и проблемы адаптации относительно изолированных человеческих коллективов. Выполнение исследований по данной тематике позволяет рассматривать особенности социо-культурной эволюции островных обществ исходя из условий пространственной дифференциации, характера изменения ландшафтного разнообразия и значений ранее установленных ландшафтных закономерностей для островов, расположенных в разных природно-климатических зонах Тихого океана, с разной историей и интенсивностью хозяйственного использования.

Такая работа должна строиться по междисциплинарному принципу. Согласно концепции М. Салинза **[4]**, вариативность островных культур исторически являлась результатом трансформации социумов в ходе адаптации к условиям естественной среды: чем больше продуктов и ресурсов участвовало в обмене, тем выше была социальная стратификация общества. Наличие ресурсов напрямую зависит от ландшафтной дифференциации островов, что отражено в эмпирических закономерностях в рамках теории островного ландшафтоведения: сравнительная простота строения ландшафтов океанических островов площадью до 5 кв. км; правило связи размера острова и разнообразия его ландшафтной структуры; корреляция высоты острова и его площади со сложностью ландшафтной дифференциации **[1]**.

Таким образом, междисциплинарное кросс-культурное исследование островных территорий с целью определения исторических форм их освоения, реконструкции систем жизнеобеспечения и поселения, определения особенностей социо-нормативной культуры и т.д. в связке с анализом ландшафтной структуры и естественной историей островов позволяет достичь новых научных горизонтов.

В 2014 г. стартовал проект по изучению связи ландшафтов и долговременной культурной эволюции обществ мелко и среднемасштабных островов Тихоокеанского региона. Он непосредственно объединил ученых из двух Институтов Дальневосточного отделения Российской академии наук – Института истории, археологии и этнографии и Тихоокеанского института географии. Однако вокруг данного проекта очень скоро возникло содружество ученых и из других научных организаций России – от Камчатки и Сахалина до Москвы и Санкт-Петербурга. Для координации исследовательских усилий решением ученого совета ИИАЭ ДВО РАН был создан центр островной и прибрежной антропологии АТР с перспективной программой исследований. Состоялись комплексные экспедиции в самые разные точки северо-западной части Тихого океана – от островов Залива Петра Великого до Курильских и Коман-

© *Латушко Ю.В., 2018*

ЛАТУШКО Юрий Викторович, к.и.н., заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР ИИАЭ ДВО РАН *(г. Владивосток).* **E-mail:** latushko@mail.ru

Фото 1. Научно-практический семинар "Комплексные исследования островных территорий Тихого океана", ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток, 16.11.2017 г.
Источник: из архива автора

дорских островов. Были проведены сложные ландшафтные, археологические и этнологические исследования. Большую часть работы выполняли молодые ученые, для которых проект стал еще и важной вехой в их профессиональной деятельности.

Основная идея состояла в попытке изучения островных территорий Дальнего Востока с опорой на последние достижения современной исторической и географической науки. Объекты выбирались по двум хорошо известным в островной географии критериям: 1) размер острова (эта переменная непрямым образом связана со сложностью ландшафтов, влиявших на больший или меньший набор пригодных для человека ресурсов как в древности, так и позднее) и 2) его удаленность от материка. Эти параметры главные, но не единственные, бравшиеся в расчет. Также учитывались климатический пояс, степень антропогенного воздействия на экосистему островов, уровень развития транспортных средств и технологий, характер производственных отношений и т.п.

Были получены важные научные результаты по палеогеографии, ландшафтоведению, археологии, этнологии островов залива Петра Великого, Курильских и Командорских островов. Так например, в 2017 г. был завершен первый этап археологических работ в заливе Петра Великого. Разведки последних лет нанесли на карту несколько новых ранее неизвестных памятников эпохи палеометалла и средневековья на малых островах залива. Подобного рода поликультурные памятники крайне интересны с научной точки зрения. Предварительные результаты исследований свидетельствуют о наличии двух различных стратегий поселения, а также использования ресурсов островов в более теплые и, соответственно, холодные климатические периоды. Были также обнаружены следы долговременного пребывания человека на островах,

Фото 2. Круглый стол "Экологические факторы в культурной эволюции сложных обществ Тихоокеанского региона", РГГУ, Москва, 22.11.2017 г. Участники круглого стола.
Источник: из архива автора

что служит хорошим поводом к построению модели долговременной эволюции древних и средневековых культур в указанном географическом ареале.

Назрела необходимость экспертного обсуждения полученных результатов, а также корректировки плана последующих исследований.

16 ноября 2017 г. в Институте истории, археологии и этнографии ДВО РАН прошел II научно-практический семинар "Комплексные исследования островных территорий Тихого океана". Его короткая история берет свое начало с аналогичного мероприятия, состоявшегося в 2016 г. в г. Южно-Сахалинск, проводившегося на базе Сахалинского областного краеведческого музея при организационном содействии Центра островной антропологии АТР ИИАЭ ДВО РАН.

В 2017 г. в работе семинара приняли участие ученые из Владивостока, Хабаровска, Петропавловска-Камчатского и Санкт-Петербурга: антропологи, археологи, географы, историки, этнографы и др. Назовем лишь некоторые проблемы, обсуждавшиеся на семинаре.

1) Соотношение экологических и культурных факторов долговременной эволюции островных обществ Тихого океана (Ю.В. Латушко – ИИАЭ ДВО РАН).

2) Разнообразие островных геосистем и их компонентов как показатель влияния природных факторов и хозяйственной деятельности (И.М. Родникова, А.Г. Киселёва, К.С. Ганзей, Н.Ф. Пшеничникова – ТИГ ДВО РАН).

3) Островная окраина средневековой ойкумены Приморья (Я.Е. Пискарева, С.Д. Прокопец – ИИАЭ ДВО РАН).

4) Культурные связи Сахалина в эпоху неолита (О.В. Яншина – МАЭ РАН).

5) Торговые отношения коренных народов Сахалина и Курильских островов в XVII – пер. пол. XIX вв. (Р.В. Гвоздев – ИИАЭ ДВО РАН).

6) История песцового промысла на Командорских и Алеутских островах (Н.А. Татаренкова – Командорский государственный заповедник).

7) Эволюция этно-социальной идентичности у алеутов (К.С. Картавцев – ИИАЭ ДВО РАН)[1] **[2]**.

22 ноября в г. Москве на базе учебно-научного Мезоамериканского центра имени Ю.В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета прошел круглый стол "Экологические факторы в культурной эволюции сложных обществ Тихоокеанского региона"[2]. В работе круглого стола приняли участие свыше 20 специалистов – археологи, антропологи, лингвисты – из Москвы и Владивостока.

Основная цель данного круглого стола состояла в сравнительном анализе факторов социальной эволюции архаических и традиционных обществ по обоим берегам Тихого океана. Особое внимание уделялось универсальным и специфическим чертам становления сложных обществ, влиянию экологии на данный процесс. Среди обсуждавшихся вопросов были следующие.

1) Освоение экологической ниши в мифологии американских аборигенов (Г.Г. Ершова – РГГУ, Москва).

2) Проблема культурной эволюции "островных изолятов": специфика "экстрасоматической" организации океанических островов после неолитической революции (Ю.В. Латушко – ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток).

3) К вопросу о приморской адаптации на тихоокеанском побережье Чьяпаса и Гватемалы в архаический период (Д.Д. Беляев – РГГУ, Москва).

4) Изменение эколого-хозяйственного баланса на островных территориях Северной части Тихого океана (К.С. Ганзей – ТИГ ДВО РАН, Владивосток).

5) Освоение приматериковых островов залива Петра Великого в эпоху палеометалла и раннего средневековья (С.Д. Прокопец, Я.Е. Пискарева – ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток).

6) Специфика распределения пищи у внешнеполинезийских народов Папуа-Новой Гвинеи (А. И. Давлетшин – РГГУ, Москва).

7) Адаптационные стратегии доиспанского населения побережья Эквадора в I тыс. н.э. (Е.С. Леванова – Институт археологии РАН, Москва).

Серия мероприятий завершилась проведением междисциплинарного семинара "Комплексные исследования островных обществ", организованного Советом молодых ученых Санкт-Петербургского научного центра Российской Академии наук при участии Центра островной и прибрежной антропологии Азиатско-Тихоокеанского региона Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. В рамках семинара был обсужден широкий спектр исследовательских проблем в области современной островной антропогеографии. В частности, участники семинара обсудили применение новых естественнонаучных методов и методик в области химических и физических анализов археологических материалов, анализа природных и антропогенных факторов изменения островной среды обитания, возможности математического моделирования долговременной культурной эволюции на островах, а также проблемы устойчивого развития островных территорий в древности и на современном этапе.

Опыт проведения подобных семинаров был признан успешным, участники договорились о продолжении сотрудничества ученых различных направлений с целью комплексного изучения островного мира Тихого океана[3].

---

[1] Более подробно с программой семинара и сборником статей читатель может ознакомиться на официальном сайте ИИАЭ ДВО РАН по адресу: http://ihaefe.org/

[2] Программа Круглого стола размещена на сайтах Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН (http://ihaefe.org) и Российского государственного гуманитарного университета (http://rsuh.ru)

[3] Значительная часть полевых исследований 2015–2017 гг., а также апробация их результатов состоялись благодаря финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 15-31-01290 "Культурная эволюция островных обществ Тихого океана".

Литература

1. Дьяконов К.Н. Базовые концепции и понятия ландшафтоведения // Географические научные школы Московского университета. М.: Городец, 2008. С. 348–386.

2. Комплексные исследования островных обществ Дальнего Востока: сборник материалов / отв. за вып. Ю.В. Латушко. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2017. Вып. 1. 75 с.

3. Латушко Ю.В., Ганзей К.С., Лящевская М.С., Пискарева Я.Е., Киселёва А.Г., Прокопец С.Д., Пшеничникова Н.Ф. Историко-географическое исследование островов залива Петра Великого (на примере острова Рикорда) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 1(36). С. 23–39.

4. Sahlins M. Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958. xiii, 306 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. D'yakonov K.N. Bazovye kontseptsii i ponyatiya landshaftovedeniya // Geograficheskie nauchnye shkoly Moskovskogo universiteta. M.: Gorodets, 2008. S. 348–386.

2. Kompleksnye issledovaniya ostrovnykh obshhestv Dal'nego Vostoka: sbornik materialov / otv. za vyp. YU.V. Latushko. Vladivostok : IIAEH DVO RAN, 2017. Vyp. 1. 75 s.

3. Latushko YU.V., Ganzej K.S., Lyashhevskaya M.S., Piskareva YA.E., Kiselyova A.G., Prokopets S.D., Pshenichnikova N.F. Istoriko-geograficheskoe issledovanie ostrovov zaliva Petra Velikogo (na primere ostrova Rikorda) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2016. № 1(36). S. 23–39.

4. Sahlins M. Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958. xiii, 306 p.

Латушко Ю.В. Островная антропология: новый старт.
Ключевые слова: *Тихий океан, острова, комплексные исследования, научная хроника*

Latushko Yu.V. Island Anthropology: a New Start.
Key words: *Pacific Ocean, islands, integrated research, scientific chronicle*

Для цитирования: Латушко Ю.В. Островная антропология: новый старт // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 173–177. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/173-177

For citation: Latushko Yu.V. Island Anthropology: a New Start // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 173–177. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/173-177

◆

Сведения о членах редакционной коллегии

Римская Татьяна Григорьевна *(главный редактор)* – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных и психологических наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Ганопольский Михаил Григорьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН *(г. Тюмень)*

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН *(г. Хабаровск)*

Журбей Евгений Викторович *(ответственный редактор)* – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева *(г. Владивосток)*

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Кристофферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса *(г. Нанкин, КНР)*

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток)*

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России *(г. Москва)*

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского *(г. Владивосток)*

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Наумов Юрий Анатольевич – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, директор Центра азиатско-тихоокеанских исследований, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор департамента социальных и психологических наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток)*

Шин Беом-Шик – Ph.D., доцент кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета *(г. Сеул, Республика Корея)*

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов *(г. Сираой, Япония)*

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- Теория и методология регионоведческих исследований
- Историческое регионоведение
- Экономика и природопользование
- Социальные и демографические структуры
- Культурные и идеологические факторы регионализации
- Политические отношения и управление регионом
- Мировая система и международные регионы
- Междисциплинарные и системные исследования региона
- Регион в документах и свидетельствах
- Науковедение
- Научные сообщения
- Рецензии и обзоры
- Научная жизнь
- Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Ойкумена. Регионоведческие исследования", соответствует следующим отраслям науки согласно

НОМЕНКЛАТУРЕ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ:

07.00.00	Исторические науки и археология
22.00.00	Социологические науки
23.00.00	Политология

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: txt, doc, docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы **ё** обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1, 5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1, 5 см., левое – 2, 5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: **[2, с. 5]**. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: **(ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5)**; **(Рукопись Иванова А.К. Из архива автора)**.
7. Расшифровка сокращенний и аббриеатур (кроме общепринятых) обязательна (даётся в конце текста статьи). Например: **ГАПК – Государственный архив Приморского края**.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2017).**
9. Объем статьи – от 0,5 до 0,8 п.л. (от 20 до 32 тыс. зн. с пробелами). Объём других материалов – до 0,3 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: **ojkum@rambler.ru**) или через форму подачи статей (**ojkum.ru/feedback/submission-of-articles.html**).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2018 № 1 (44)

Подписано к печати 05. 03. 2018 г. Вышло в свет 28. 03. 2018 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 10,58. Уч. -изд. л. 12,01. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Индекс 42354